

ОГОНЁК
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
НАЧИНАЕМ ПЕЧАТАТЬ ПОВЕСТЬ
«ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА РЕЗИДЕНТА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 38 (1995)

19 СЕНТЯБРЯ 1965

ТУРБИНА ДЕРЖИТ ЭКЗАМЕН

Этот новый цех — единственный в Союзе. Тут, на Новгородской компрессорной станции, получают путевку в жизнь мощные газовые турбины.

Конструкторы завода привозят опытный образец и устанавливают его на испытательных стендах. Теперь турбина в распоряжении новгородских специалистов. Агрегат испытывается. Придирчиво проверяются его мощность, расход газа, воздуха, масла, надежность, выносливость.

Все тело турбины прошито датчиками, тончайшими, как волосок, спиральками, которые сигнализируют об ее достоинствах и недостатках.

Но вот государственные испытания закончены. Однако турбина должна еще отработать на новгородской газовой компрессорной станции определенный срок, назначенный комиссией,— тысячу, полторы тысячи часов. Только после этого последнего экзамена завод может приступать к серийному выпуску.

Новгородский экспериментальный цех работает совсем недавно. Но тут уже получили паспорт новые конструкции мощных газовых турбин, созданные на Невском заводе имени Ленина и Уральском турбомоторном заводе.

В. БЕЛЕЦКАЯ
Фото Г. Копосова.

ХИМИЯ МИРА В СОКОЛЬНИКАХ

В московском парке Сокольники ветер развевает флаги двадцати одной страны. Здесь открыта международная выставка «Химия в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве». Всемирно известные концерны, фирмы и объединения, крупнейшие производители химических машин прислали в Москву свою продукцию.

Гостеприимно встречает нескончаемый поток посетителей павильон Советского Союза, самый большой на выставке.

Здесь одежда и обувь космонавтов, продукты питания и строительные материалы, новогодние елки и сложнейшие аппараты для научных исследований.

Толпятся посетители, звучит разноязыкая речь. «Экспонат из фантастики!» — советский плазмотрон. Через защитное стекло видишь, как возникает плазма — четвертое состояние вещества, при котором молекулы распадаются на ионы, свободные электроны и нейтральные атомы. В плазмотроне рождается из воздуха белый поток пламени, температура которого от 5 до 20 тысяч градусов. С помощью этого аппарата человек может создавать новые, неведомые природе вещества.

С интересом рассматривают посетители и новые материалы, созданные химией. Это искусственные алмазы, синтетические кристаллы для квантовых генераторов, различные кремнийорганические соединения, особо чистые вещества.

ГДР — воистину страна химии. В ее огромном павильоне внимание привлекают три комплектных технологических линии по переработке нефти в пластмассы, минеральные удобрения, искусственные волокна. Кстати, раньше исходным продуктом химической промышленности ГДР был бурый уголь, а теперь — нефть. Она идет с берегов Поволжья по нефтепроводу «Дружба». Тускло блестят колонны электронных микроскопов, астрономических приборов, сверхмощных объективов... Это продукция крупнейшего в мире завода точной механики и оптики «Цейс-Йена».

Павильон Чехословакии занимает 1 500 квадратных метров. Химическое машиностроение братской Чехословакии хорошо известно у нас. ЧССР поставляет Советскому Союзу заводы синтетического спирта, каучука, аммиака. Ее поставки химического оборудования в Советский Союз превышают по объему поставки из Англии, Франции, Италии и Японии, вместе взятых.

Все участники московской выставки стремятся расширить деловые контакты и торговые связи. Фирмы выставляют лучшие образцы своей продукции, стараясь угодить запросам покупателей. Например, английская фирма «Шелл» среди других изделий предлагает препарат для борьбы с вредителями сельского хозяйства. Японская фирма «Кокусай Касей Кося» экспонирует на выставке свое изделие — «Кока-Рокем» — антикоррозийное средство.

— Наша фирма «Кали-Хеми» — это в Федеративной Республике Германии,— рассказывает инженер Шольц,— закупает в Советском Союзе соду и продает ему сернистый натрий. На выставке мы предполагаем заключить несколько взаимовыгодных контрактов.

Рассчитывая на расширение торговых связей, в выставке принимают участие фирмы, не имеющие прямого отношения к химии. Так, например, гамбургский порт. На его стендах экспонаты рассказывают о совершенном погрузочном и разгрузочном оборудовании этого порта, о том, как быстро здесь обслуживаются корабли.

Как же оправдываются надежды участников выставки на заключение торговых контрактов? В павильоне ГДР поднимаемся на второй этаж. Здесь помещается коммерческий центр выставки. В состав его входит около трехсот сотрудников.

— Наши торговые организации,— рассказывает руководитель коммерческого центра Константин Константинович Парменов,— готовы вести переговоры с фирмами о продаже продукции отечественной химии, новинок химической технологии и техники, всего того, что мы показываем. Ведь СССР на мировом рынке — крупный поставщик химических товаров. Мы их поставляем в 68 стран. Одновременно мы и крупные покупатели. Англия, Италия, Франция, Япония, ФРГ и другие страны имеют с нами долгосрочные соглашения на поставку химического оборудования.

В приобретении химического оборудования заинтересованы и другие социалистические страны, молодые страны Азии и Африки. И здесь, на выставке, фирмы имеют большие возможности выгодно продать свою продукцию.

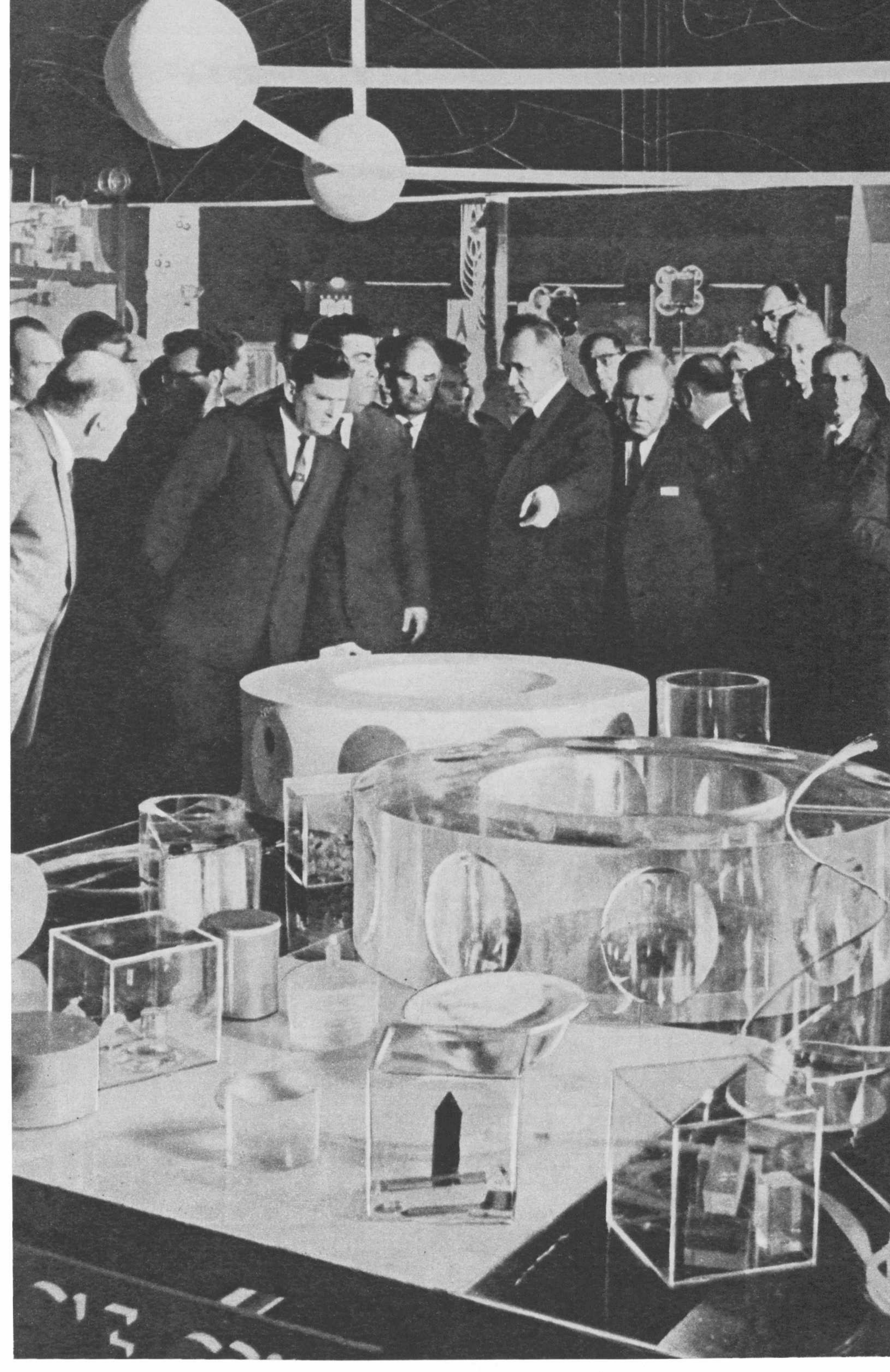
— А торговые сделки уже состоялись?

— Да. Сегодня было подписано первое торговое соглашение. Это с японской фирмой «Вако Коеки и К°» на полтора миллиона долларов. Вслед за этим мы подписали контракт на поставку оборудования для производства древесной массы с австрийской фирмой «Фойт». Это тоже на полтора миллиона долларов.

А у фирмы «Альпине» из ФРГ закупили химическое оборудование на 850 тысяч западногерманских марок.

А. ГОЛИКОВ

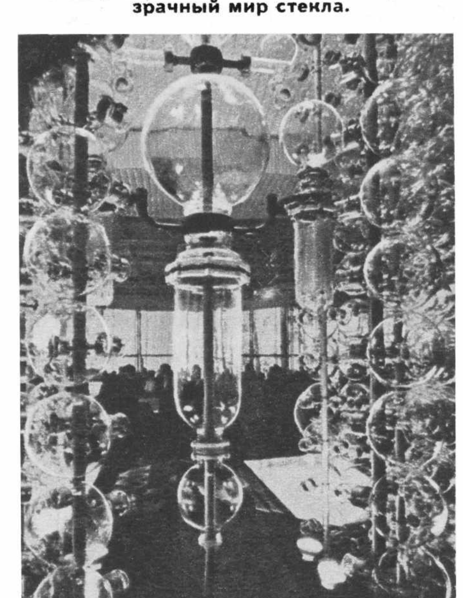
Фото А. Гостева.

Павильон СССР в день открытия.

ГДР — страна химии.

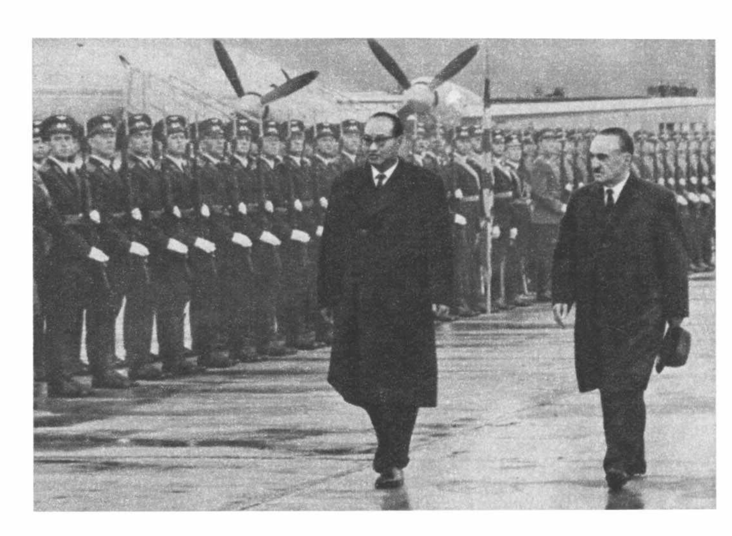
В павильоне Чехословакии — прозрачный мир стекла.

Венгрия — химическая держава.

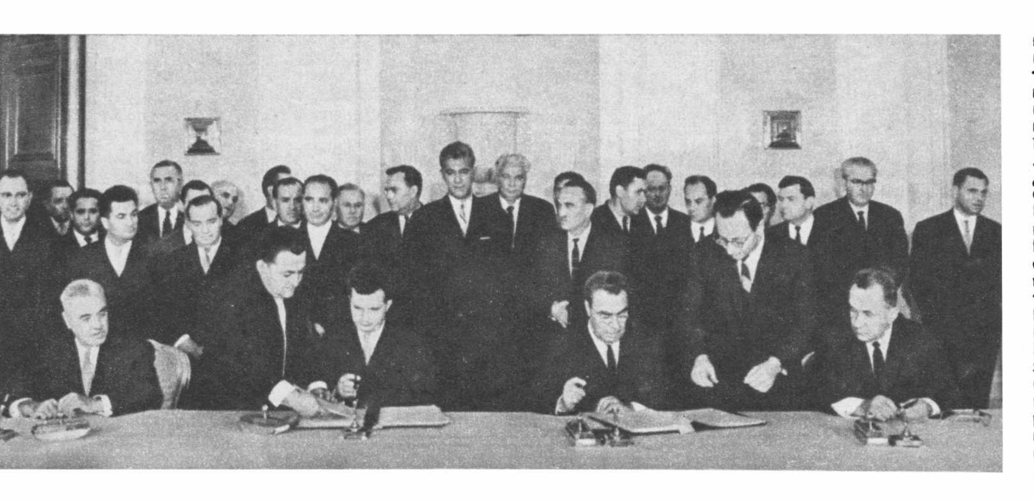

В обстановке братской сердечности прошел в Кремлевском Дворце съездов митинг советско-чехословацкой дружбы, посвященный визиту в СССР партийно-государственной делегации социалистической Чехословакии во главе с видным деятелем международного коммунистического движения, Первым секретарем ЦК Компартии Чехословакии, Президентом ЧССР Антонином Новотным. Состоявшиеся в Кремле переговоры руководителей КПСС и Советского правительства с делегацией Чехословацкой Социалистической Республики выявили полное единство взглядов по всем обсуждавшимся вопросам. На снимке: митинг дружбы в Кремлевском Дворце съездов.

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства в Москву с официальным визитом прибыл Председатель Революционного совета и Совета Министров Бирманского Союза генерал Не Вин.

Советский народ горячо приветствует высокого гостя из Бирмы и в его лице дружественный бирманский народ, строящий новую жизнь в своей стране.

10 сентября в Кремле состоялось подписание Советско-румынского коммюнике о пребывании в Советском Союзе партийно-правительственной делегации Социалистической Республики Румынии. Коммюнике подписали с советской стороны Первый секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и член Президиума ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин; с румынской стороны — Генеральный секретарь ЦК Румынской коммунистической партии Николае Чаушеску и член Исполнительного комитета и Постоянного Президиума ЦК РКП, Председатель Совета Министров СРР Ион Георге Маурер. Это коммюнике отразило итоги советско-румынских переговоров, которые внесли полезный вклад в дальнейшее развитие и упрочение дружбы и братского сотрудничества советского и румынского народов.

БЮСТЫ, ПРОЦЕНТЫ, ПОЛИТИКА

Генрих ГУРКОВ

Пышногрудые кинозвезды и длинноногие манекенщицы за последние недели были потеснены с обложек и заглавных страниц западногерманских иллюстрированных еженедельников: их место заняли канцлер Людвиг Эрхард и кандидат в канцлеры Вилли Брандт.

Канцлер в шляпе и канцлер в шерстяном колпаке, канцлер, пожимающий руки и выступающий с трибуны... Лидер социал-демократов Брандт прогуливающийся, Брандт с девочкой на руках, Брандт без девочки на руках, Брандт, танцующий со старой профсоюзной активисткой... Нередко на страницах печати по соседству с этой неизменной парой оказывались седой, благообразный Эрих Менде, председатель Свободной демократической партии, и толстощекий крикун Франц Йозеф Штраус, «сильный человек из Мюнхена», шеф христианско-социального союза — баварского филиала ХДС, экс-министр с диктаторскими замашками.

Федеративная республика готовилась к выборам.

Не знаю, занимаются ли где-нибудь в мире прогнозами и предсказаниями так усердно, как в ФРГ. Какая будет погода в Гамбурге и чем закончатся воскресные скачки в Ганновере, кто выиграет футбольный матч в Вуппертале и каковы перспективы биржевых курсов, что, наконец, сулят звезды на ближайшую неделю: любовную интрижку или неприятности по службе — все это можно найти в газетах. Ну и, разумеется, не щадя сил, пресса предсказывала результаты выборов, которые состоятся сегодня, 19 сентября. Согласно данным ряда опросов, проведенных Алленсбахским институтом по изучению общественного мнения, ХДС ХСС должен собрать 45,5 процента голосов; СДПГ — 43,5 процента; СвДП — 7 процентов; на долю остальных партий, участвующих в выборах, придется 4 процента голосов, иначе говоря, ни одна из них не будет представлена в боннском парламенте. Алленсбахские мастера демоскопии отметили характерную тенденцию: разрыв между ХДС/ХСС и СДПГ, составлявший в начале июля 5 процентов, за последний месяц сократился до 2 процентов. Так что возможны неожиданности...

Предвыборная математика языком цифр и процентов пыталась ответить на вопрос, кто станет хозяином бундестага и придется ли менять табличку у входа в главный кабинет дворца Шаумбург — резиденции федерального канцлера. Но она не ответила на многие другие важные вопросы и в первую очередь на главный: до каких пор боннские политики, не внимая голосу разума, будут тащить миллионы немцев к ядерной катастрофе?

Христианско - демократический канцлер и его социал-демократический соперник не раз обменялись в азарте предвыборной полемики протокольными и не совсем протокольными ударами. Эрхард, например, отказался от телевизионной дискуссии с Брандтом, заявив, что «это была бы пустая болтовня: ведь человек ничего не понимает ни в экономике, ни в финансах». Брандт ответил открытым письмом, в котором поставил ряд весьма неприятных для правящей партии вопросов. Говоря о росте цен и миллиардном дефиците государственного бюджета, Брандт пишет: «Правительство приняло решение: ничего не решать. Оно практически уже ушло в отставку. Оно действует по принципу «после нас хоть потоп». Брандт обвиняет канцлера в том, что после шестнадцатилетнего правления христианских демократов ФРГ «в политическом отношении — карлик», и заявляет: «Дело не в том, кто лучше умеет ругаться, а в том, у кого лучшая программа на будущее».

Но есть ли такая программа у самих социал-демократов? В сущности, ни в одном из важнейших политических пунктов они не говорят своего слова, повторяя за-

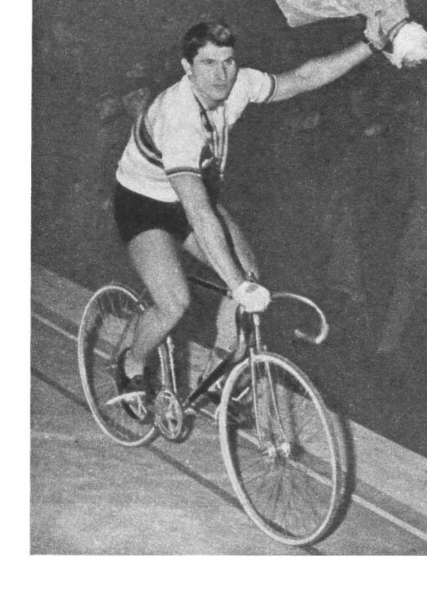

Советский спорт одержал новую победу. В Сан-Себастьяне (Испания) гонщик из Тбилиси Омари Пхакадзе завоевал золотую медаль и стал первым советским спортсменом, получившим титул чемпиона мира в гонке спринтеров. На снимке О. Пхакадзе запечатлен в тот момент, когда он совершал круг почета по велотреку.

Индийские артиллеристы на боевых позициях...

Пакистанские офицеры в военной машине с установленным на ней пулеметом...

Две фотографии из района земного шара, где вспыхнул вооруженный конфликт. В Заявлении ТАСС по поводу этих событий говорится: «Наращивание военных действий между Индией и Пакистаном, наряду с продолжающейся агрессией американского империализма во Вьетнаме, еще больше увеличивает угрозу миру в Южной и Юго-Восточной Азии, угрозу всеобщему миру». Далее в Заявлении говорится: «ТАСС уполномочен заявить, что Советское правительство, серьезно обеспокоенное развитием событий, вновь призывает правительства Индии и Пакистана проявить благоразумие и принять меры для немедленного прекращения военных действий». Как известно, Советское правительство предложило свои добрые услуги для урегулирования конфликта, если того пожелают обе стороны.

На третьем снимке — Генеральный секретарь ООН У Тан перед вылетом из Лондона в Равалпинди и Дели, куда он направился с целью добиться прекращения огня и мирного разрешения конфликта между Индией и Пакистаном.

В Лондоне, где проходит конференция, которая обсуждает будущее английской колонии — острова Маврикия, состоялась демонстрация под лозунгом предоставления этой колонии независимости.

В Судане, недалеко от города Омдурмана, есть историческое место, которое называется Керрери, где в сентябре 1898 года состоялась битва между последователями Махди и войсками колонизаторов под предводительством английского лорда Китченера. Вооруженные новейшим оружием, колонизаторы нанесли поражение махдистам. Суданцы потеряли много тысяч убитыми и ранеными. В независимом Судане люди чтят память павших при Керрери. В этот день большая процессия суданцев прошла от Омдурмана до поля битвы.

В Москве подписан протокол о сотрудничестве между Государственным комитетом Совета Министров СССР по печати и Министерством культуры и искусства Польской Народной Республики в области книгоиздательского дела на 1965—1967 годы. Протокол подписали первый заместитель председателя Государственного комитета по печати В. С. Фомичев и директор департамента издательства министерства Елена Заторская.

ФОТОГЛОБУС
ОГОНЁК

Фото ТАСС, А. Гостева, М. Савина, ЮПИ.

ды аденауэровской политики. «Мы это будем делать лучше» — вот их позиция. И все.

Ревизия границ и территориальные претензии к соседям, политика непризнания ГДР и провалившаяся с треском «доктрина Хальштейна», требования допуска Бонна к ядерному оружию и зоологический антикоммунизм — такова— увы! — платформа, на которой объединились крупнейшие западногерманские политические партии. «Не так уж велика разница между овцами ХДС и козлищами СДПГ после того, как обе партии каждый день крадут друг у друга предвыборные лозунги — от безопасности до чистого воздуха, от чистой воды до чистого киноэкрана и до многосторонних ядерных сил, ну и, конечно же, до воссоединения и возвращения земель по ту сторону Одера и Нейсе»,— так пишет журнал гамбургского издателя и публициста Генри Наннена «Штерн». И не случайно в Бонне все чаще поговаривают о «большой коалиции» — ХДС и СДПГ. За нее высказался Конрад Аденауэр.

Мне вспоминается, как несколько месяцев назад во время публичной дискуссии во Франкфурте розовощекий толстячок в очках, один из руководителей местных свободных демократов, доказывал, как это хорошо, что крупнейшие партии ФРГ проводят фактически единую политику.

— Это было бы хорошо, если бы политика была хорошей! — кинул из зала кто-то из слушателей.

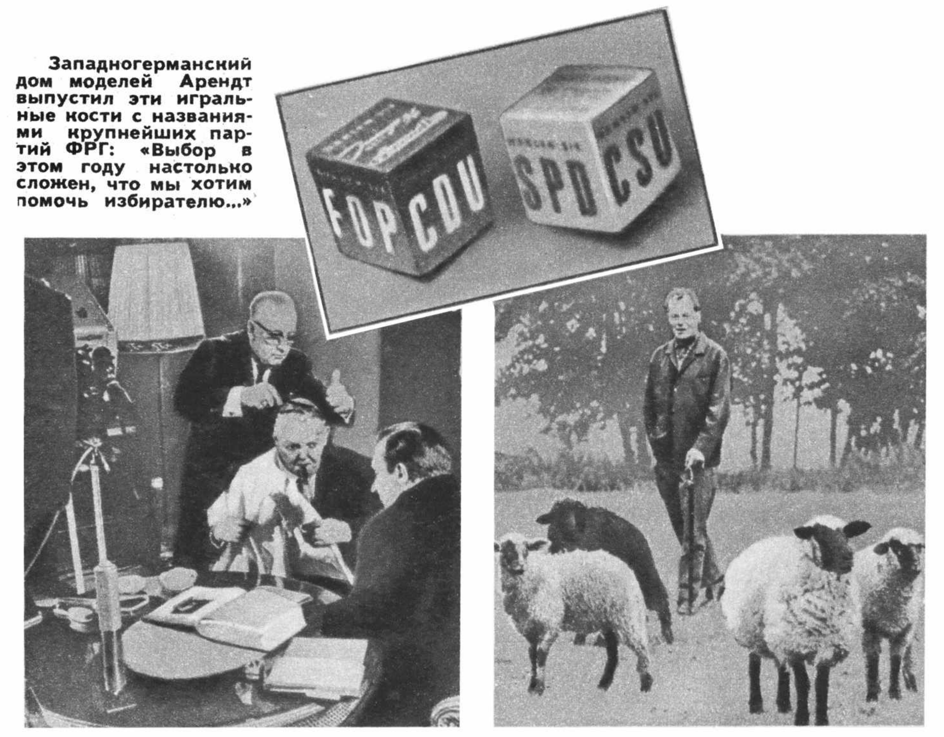
Да, политика не становится национальной лишь потому, что провозглашать ее начинают словами «Мы, немцы...». Не к процветанию немецкой нации, не к успеху, а к ядерной пропасти направлены указатели на боннской политической магистрали. И как зловещий символ воспринимаются фотографии в номерах западногерманских газет за эту неделю — буквально накануне выборов бундесверу торжественно передан первый танк западногерманского образца, изготовленный на мюнхенском предприятии. Танк новейшей конструкции, называется «леопард». Были «тигры», были «пантеры», теперь— «леопард». Из того же зверинца...

Пройдет немного времени, и осенние дожди смоют со стен домов в западногерманских городах пестрые предвыборные плакаты. Или их заклеят рекламой сигарет «Реваль», стирального порошка «Дор», бритв «Ротбарт». На обложки еженедельников вернутся Элизабет Тэйлор и Клаудия Кардинале. А западногерманский бюргер будет по субботам читать дорогие его сердцу прогнозы скачек и футбола, гороскопы. Что же касается политики, то это тем, которые в бундестаге и во дворце Шаумбург, виднее.

Виднее ли?

Западногерманский дом моделей Арендт выпустил эти игральные кости с названиями крупнейших партий ФРГ: «Выбор в этом году настолько сложен, что мы хотим помочь избирателю...»

Эрхард: чтобы быть красивым перед телекамерой.

Брандт: готовясь к роли пастыря.

ВСПОМНИТЕ, ЛЮДИ!

Ключ повернулся не сразу. То ли замок еще не разработался, то ли руки у Александры Григорьевны задрожали. Первый раз переступили они с сыном порог нового, ладного дома, и встретила их музыка: солдаты-строители нарочно заранее включили приемник. Все в доме новое: и мебель, и занавески, и скатерть на столе. Потрогала Александра Григорьевна Кузнецова висящую на печке кочережку и сквозь слезы проговорила:

— Спасибо, сыночки... дай бог вам...

— Не за что, бабушка, живите на здоровье! — ответили солдаты, а один, толстощекий здоровяк, вдруг гаркнул:

— За нами не пропадает! — И, сам застеснявшись громкого слова, мягко добавил: — Приступка вот на печке, валенки будете сушить...

А на улице сотни людей. Пришли поздравить семью Кузнецовых, порадоваться вместе с ними. Когда шли мать с сыном на митинг, где им вручали ключи, дорожка была усыпана цветами — благодарность людская щедра.

Перед строем солдат — маршал бронетанковых войск Михаил Ефимович Катуков:

— Молодые воины, не ведавшие войны! Крепко запомните историю этого дома. В декабре сорок первого здесь проходили с боями наши танковые войска. Был нам дан приказ — выйти через Павловскую слободу на Волоколамское шоссе и перерезать его: лишить вражескую группировку путей к отступлению.

Сюда, в Ново-Петровское, ворвались танки 1-го гвардейского полка и направились к шоссе. Тут-то и выбежали из угловой избы Кузнецовы — пожилая женщина и мальчишка. Остановили машины перед самым минным полем и указали единственный проход — по своей усадьбе, а дальше через реку. Моста нет, стали наводить переправу. Подручного материала не хватило, и показала тогда Александра Григорьевна на свой дом — ломайте!

И прошли по бревнам ее дома на запад две армии — 16-я и 20-я, далеко прошли, до самого Берлина. А провел первые машины через минные поля одиннадцатилетний мальчишка Петя Кузнецов. Выдали танкисты матери бумагу, что, мол, пожертвовала домом своим и следует ей построить новый.

Давно бы стоять новому дому, да потеряли Кузнецовы документ, но никому ничего не сказали, а подлатали остатки избы да так и жили.

И вот через двадцать с лишком лет приехал в Ново-Петровское бывший комиссар того полка Яков Яковлевич Комлов, хотел навестить Кузнецовых. Думал, живут они в хоромах, а тут... Почему,

Последние штрихи.

Благодарность народа.

Вот здесь прошли наши танки.

спрашивает, не сообщили никому о своем подвиге?

А они: «Какой подвиг? Люди жизни теряли, а мы что? У нас, почитай, полсела выгорело, а от нашего дома все же кой-чего осталось. Совестно было даже заикаться».

Вот тогда-то всего за несколько дней и возник у шоссе новый дом. Строить его начали земляки Кузнецовых, а закончили воины.

И в заключение маршал сказал:

— Сегодня мы вручили ключи героям, а скоро, думаю, и правительственные награды подоспеют: подписал я на днях наградные листы, представляем мать и сына к орденам Отечественной войны.

...Давно бы стоять этому новому дому. Да разве упомнить людям все, что было двадцать лет назад? Ведь за эти годы у страны и у каждого из нас было столько забот и дел, сегодняшних, неотложных. Конечно, страна знает своих героев, известных, особо отличившихся, и сейчас еще награждает их орденами за воинские подвиги, свершенные много лет назад. Но ведь были же и другие герои — герои военных будней. Рабочие, бессонно, сутками стоявшие у станков. Жители прифронтовых деревень, помогавшие солдатам чем только могли. Колхозницы, делившие с партизанами припрятанный для детей хлеб.

Помню, как в те годы на нашем дальнем северном аэродроме в дни напряженных боевых операций, как по сигналу, появлялись оленьи упряжки с молчаливыми краснолицыми каюрами из окрестных стойбищ. На своих нартах каюры подвозили к самолетам бомбы и так же молча, не дожидаясь слов благодарности, исчезали. Мы даже не знаем их имен, но признательны им до сих пор.

Залечены раны войны. А все ли? Миллионы солдат полегли на полях сражений — значит, миллионы вдов в одиночку ставили на ноги своих ребятишек. И миллионы матерей уже двадцать лет с тоской глядят на выцветшие фотографии сыновей, которые никогда не вернутся домой. А все ли они чувствуют сегодня нашу заботу? Может быть, и сейчас кому-то необходима помощь наших рук и тепло наших сердец. Вспомните, люди! Поройтесь в памяти, поищите своих Кузнецовых, Ивановых, Петровых, которые так же, как мать и сын из Ново-Петровского, принесли на алтарь Победы свою посильную жертву.

Никто не должен быть забыт, годы нас не оправдывают. Вспомните героев, всех до одного, чтобы никого не обошла признательность народа.

«Огонек» ждет от своих читателей писем, в которых они сообщат о скромных героях Отечественной войны, достойных всенародной заботы. Мы расскажем о них на страницах журнала.

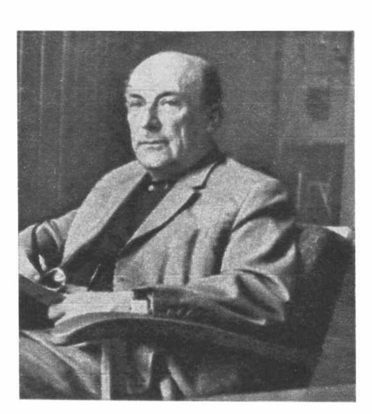
Ю. КРИВОНОСОВ

На добрую память.

ВЕРНОСТЬ ЛЮБИМОЙ ТЕМЕ

Среди фильмов, создавших советскому киноискусству его мировую славу, видное место занимает историко-революционный фильм «Мы из Кронштадта». В 1936 году он с огромным успехом прошел по экранам многих стран мира, а в годы Великой Отечественной войны его героический пафос вдохновлял защитников Ленинграда. «Мы из Кронштадта» — родное детище Советского Союза!» — писал немецкий писатель-антифашист Фридрих Вольф.

Сорежиссером этого фильма, поставленного Е. Дзиганом, был молодой Георгий Сергеевич Березко. Это была одна из первых его работ в кинематографии.

Четырнадцати лет, в 1919 году, вступил Г. С. Березко в ряды Красной Армии. И хотя потом были годы учения живописи и сценическому искусству, а затем — этнологический факультет Московского государственного университета, Георгий Сергеевич навсегда остался верен любимой теме и тем героям, с которыми столкнула его жизнь в юности. Именно им, советским воинам, посвящены первые рассказы писателя, опубликованные в красноармейской газете «Боевое знамя». И автор был опять среди них: в 1941 году он ушел на фронт с народным ополчением Москвы.

В ряду лучших произведений военной поры стоит повесть Г. Березко «Красная ракета», а последовавшая за ней «Ночь полководца» получила широкое признание в СССР и в зарубежных странах.

О сплоченности советского народа, отражающего натиск врага в первый период войны, рассказывает роман «Мирный город», созданный в 50-х годах.

Обратившись к мирным дням, писатель не расстается со своими героями: в центре романа «Сильнее атома» — воспитание характера советского бойца. По мотивам этого романа написан сценарий известного фильма «Прыжок на заре».

За плечами Георгия Сергеевича многие годы плодотворной работы в литературе, в кино, в журналистике, годы активного участия в общественной жизни, педагогическая работа с молодыми творческими кадрами. Недавно Г. С. Березко исполнилось 60 лет. В связи с шестидесятилетием со дня рождения Георгий Сергеевич Березко награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Н. ЦВЕТКОВА

Команда СССР — Л. Баклыщкин, А. Евдокимов, С. Мурсалимов и В. Горелкин.

Конный спорт — это быстрота, смелость, умение подчинить своей воле скакуна. Все это требует большой выучки, непрестанных тренировок и соревнований. На многих ипподромах страны проходят эти соревнования. Вот и на первой обложке журнала вы видите скачки на ростовском ипподроме. А на днях в Москве состязались сильнейшие конники Польши, Чехословакии, Ирландии, Англии, ФРГ, Болгарии и СССР.

Разыгрывалось троеборье, состоящее из манежной езды, полевых испытаний и скачек с препятствиями. Личное первенство по троеборью завоевал польский спортсмен М. Бабирецкий, командная победа досталась конникам СССР.

Фото В. Шандрина (ТАСС).

МАРШАЛ ЗДОРОВЬЯ

А. АЛЕКСЕЕВ

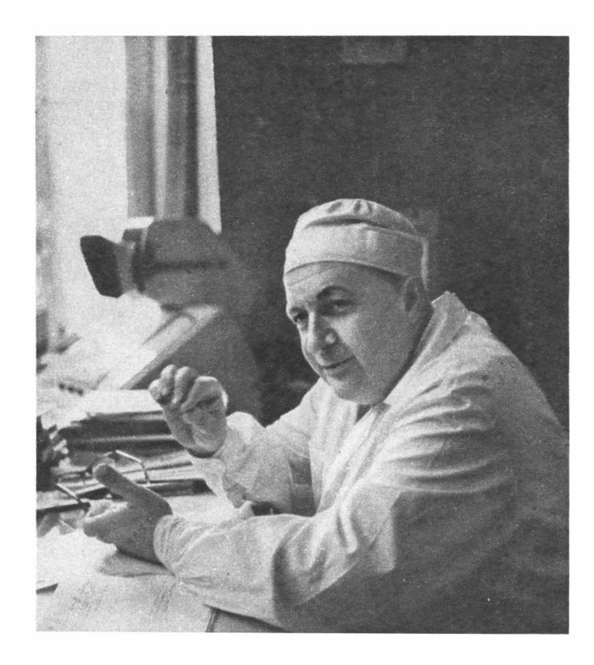

Фото В. Кузьмина.

Странная штука—природа! То одаряет людей могучим здоровьем, а то позволяет рождаться существам, на которых даже взглянуть нельзя без сострадания, так слабы и печальны они.

Пробежит немного такой ребенок и присаживается на корточки — отдыхает. Губы лиловые, лицо в багрово-синеватых пятнах, ноздри раздуваются, в глазах — тоска, плечи ходят ходуном — вверх-вниз, вверх-вниз. А кто виноват? Сердце.

Как часто оно болеет! Помогая ему, врачи долгое время были крайне осторожны. Не дай бог повредить! Лекарства, режим, покой. Как заповедь прозвучали около ста лет назад слова всемирно известного венского хирурга Бильрота: невежда и преступник тот, кто осмелится коснуться сердца ножом. Рассказывая об этом студентам, Борис Васильевич Петровский невольно улыбается.

Операционная Научно-исследовательского института клинической и экспериментальной хирургии. Высокий потолок, огромные окна, стены облицованы метлахской плиткой цвета морской волны, много сложнейших приборов. В них синтез радиоэлектроники, современной химии и хитроумных инженерно-врачебных мыслей. Техника, техника и еще раз техника — вот что разрешает сейчас хирургу смело идти на сердце. Одни аппараты берут на себя функцию легких, другие перекачивают кровь, с помощью третьих врачи вызывают и поддерживают наркоз. Над операционным столом — огромная лампа. Но не просто лампа, а одновременно воспринимающая часть цветного телевизионного устройства. Оно позволяет наблюдать, как работает Борис Васильевич Петровский.

Спасение сердца в зависимости от тяжести заболевания длится от двух до пяти часов. Нагрузка адская — идет самый настоящий бой со смертью. Двадцать — двадцать пять человек находятся в эти часы в операционной. У каждого своя очень ответственная доля работы. Чтобы избавиться от излишних помех, чтобы создать предельно спокойную обстановку, все одеты в зеленые халаты и шапочки, в зеленые до колен чулки-сапоги. Ведь доказано, что зеленый цвет меньше других раздражает зрение, действует успокаивающе на нервную систему. А от психического состояния врачей во многом зависит исход операции. Иногда, в особо трудных ситуациях Борис Васильевич привлекает еще одного помощника. В операционной раздаются мелодии фортепьянных концертов Рахманинова и Чайковского, симфоний и сонат Бетховена, органных произведений Баха.

Как прекрасна гармония! Как нужна она людям всегда и во всем! Почему же наш организм вдруг начинает сдавать то в одном, то в другом месте? Ведь болеет не только сердце. А различные поражения желудка, легких, почек, эндокринных желез? Да мало ли заболеваний требует вмешательства хирурга! Вот почему в институте, возглавляемом действительным членом Академии медицинских наук СССР профессором Б. В. Петровским, на первом плане сложнейшие проблемы реконструктивной и восстановительной хирургии. Задача реконструкций — вернуть пораженные органы к нормальному функционированию. А восстановление — это искусственное воссоздание погибших или недоразвитых органов. Пришлось ведь однажды заменить грудобрюшную преграду — диафрагму — пластиной из поливинилалкоголя. А недавно с успехом от матерей к их больным детям было пересажено по одной здоровой почке. Эти уникальные операции провел Б. В. Петровский.

Многими и очень актуальными вопросами занимаются в институте. Ну, а сердце его директора больше всего лежит, пожалуй, к больным сердцам. Недаром за развитие сердечной хирургии в стране Борису Васильевичу Петровскому в 1960 году была присуждена Ленинская премия.

Благородное дело — возвращать здоровье людям. Но насколько лучше не терять его! В кулуарах Большого Кремлевского дворца делегат XXII съезда партии коммунист Петровский все чаще и чаще мысленно возвращался к этой аксиоме. Только что была принята новая Программа КПСС. В ней изложены пункты морального кодекса советских людей. А что, если создать кодекс здоровья? Внедрить в повседневную жизнь, в сознание народа такие знания об организме, такие взгляды и привычки, которые бы позволили человеку быть всегда здоровым и жить долго-долго? Надо научить трудящихся изо дня в день неукоснительно соблюдать правила личной гигиены, режим питания, работы, отдыха. Многое, очень многое уже сделано. Недаром средняя продолжительность жизни у нас в стране выросла до 70 лет! Надо предпринять все возможное, чтобы такой рост продолжался из года в год.

Сын врача и сам врач, что называется, до мозга костей, Борис Васильевич читал Программу партии еще и глазами медика. Да, кодекс здоровья, понятный и привлекательный для каждого, просто необходим!

Взять хотя бы такую простую и доступную процедуру, как закаливание. Все ли делают по утрам зарядку и обливаются холодной водой? Увы, далеко не все! А это ведет к тому, что и дети и взрослые легко простуживаются, болеют. От невинных заболеваний — один шаг к грозным последствиям. После частых ангин, например, жестокий ревматизм, главный враг сердца. Миллионы людей не знали бы усталости и одышки, если бы взялись за регулярное закаливание.

Слишком мало используются у нас пока и другие меры сохранения здоровья. Даже такие, которые совсем нетрудно провести в жизнь. Надо, например, убедить людей, что целесообразная окраска станков, помещений, уменьшение различных шумов значительно улучшают производительность труда и сохраняют нервную систему; что водка и табак ничего, кроме вреда, не приносят; что регулярные занятия физической культурой — необходимое условие для нормальной работы сердечно-сосудистой системы. Сам-то Б. В. Петровский каждое зимнее воскресенье запросто отмеряет по 25—30 километров на лыжах.

Только спокойное состояние, уверенность в завтрашнем дне, хорошее настроение, тепло и взаимное уважение создают условия для нормального функционирования нервной и других систем организма. Именно такую, полную оптимизма атмосферу создал Борис Васильевич Петровский в институте, которым руководит. Помощники у него молодые, энергичные, хорошо знают свое дело. Нередки дни, когда почти на всех этажах идут одновременно операции, не уступающие по сложности одна другой. Борис Васильевич предоставляет широкую инициативу своим коллегам, ибо знает, что мелочная опека только вредит тем, кто действительно талантлив и смел.

Издавна существует обычай — замуровывать в фундамент нового дома что-нибудь ценное, символизирующее богатство и счастье, например, золотую монету. Когда несколько лет назад началось строительство здания Института клинической и экспериментальной хирургии, его директор Борис Васильевич Петровский положил под первую плиту небольшой блестящий предмет — кровоостанавливающий зажим. Пусть меньше льется крови, пусть больным и врачам сопутствуют здоровье и удача!

Как можно быстрее и полнее внедрять в практику достижения науки — вот важнейший лозунг наших дней. Но чтобы внедрять науку, нужно самому овладеть ее новейшими достижениями. Сейчас невозможно стать квалифицированным медиком, не разбираясь в химии, физике, биохимии, психологии, кибернетике, бионике, не зная иностранных языков. Медицина вышла на такие рубежи, где без сложнейших радиоэлектронных аппаратов, без синтетики просто и делать нечего! Выступая на сессии Верховного Совета СССР, депутат Б. В. Петровский горячо ратовал за предельное оснащение наших больниц и институтов самыми современными техническими приборами и медикаментами, убедительно доказывал, что только с их помощью можно по-настоящему защитить народ от болезней. Борис Васильевич прекрасно понимает, сколько надо еще приложить усилий, чтобы каждая рядовая больница была оснащена по последнему слову мировой медицинской техники. Задача большая! Что ж, нужно ее решать...

Ученые, по-современному глубоко знающие свое дело, рассматривающие его не с узкопрофессиональной точки зрения, а с широких социальных позиций, ученые-организаторы всегда были нужны Советскому государству. А сейчас особенно. Вот почему Борис Васильевич Петровский—врач с мировым именем — назначен министром здравоохранения нашей страны.

— Годен в парашютно-десантные войска!

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева.

БОЙЦОВ НЕ РЕДЕЕТ СТРОЙ

Медленно тускнеет хрусталь люстр в настороженно притихшем зале Дворца. И вдруг ослепительно ярко вспыхивает полотно экрана. Он словно настежь распахнутое окно, через которое зал смотрит в двадцатые годы. На экране сменяются кадры хроникальной ленты: перрон вокзала, в теплушки садятся первые бойцы Красной Армии, солдаты в папахах, перепоясанные патронташами матросы, рабочие в кожанках. Поезд уходит на фронт. Революция в опасности! Об этом говорит на митинге Владимир Ильич Ленин. В первых сражениях за Советскую власть родилась Красная Армия.

Но вот экран оживает многоцветьем красок. По Красной площади идут победители: дети тех, кого напутствовал на первые бои против интервентов Ленин, идут советские солдаты, спасшие мир от фашизма. А когда в зале загораются огни, мы видим их детей. Они родились в один год, первый год после Победы. Этим кинопрологом начался вечер во Дворце культуры имени Кирова, где ленинградцы торжественно провожали своих сыновей на службу в Советскую Армию.

С отцовским наказом обратились к призывникам рабочий-кировец Герой Социалистического Труда К. Говорушин, полный кавалер ордена «Слава» В. Паутов. Трогательно прозвучало выступление учительницы 22-й школы Надежды Григорьевны Кравцовой. В зале сидит ее сын, она обращается к нему и ко всем его сверстникам:

— Дорогие наши дети! Вы всегда для нас, в наших материнских сердцах — дети. Нам грустно расставаться с вами. Но мы говорим вам: берегите мир! И будьте достойны своих отцов!

И все же нелегко расставаться с Ленинградом, Невой, ее мостами, трудно проститься с любимой девушкой. В эту ночь во многих ленинградских домах позднее обычного светились окна.

Город на Неве провожает девятнадцатилетних. Они не знали тягот войны и блокады, эти рослые, крепкие парни. В их коротких биографиях только мирные слова: десятилетка, техническое училище, техникум, токарь, наладчик, строитель кораблей, турбин...

С Выборгской стороны уходит слесарь Владимир Горенчук, сын Героя Советского Союза. Полковник в отставке Феодосий Иванович Горенчук командовал в годы войны танковым батальоном Кантемировской дивизии. В 1944 году под Бродами его батальон совершил героический рейд по тылам фашистов.

С Московской заставы идет служить слесарь Александр Фякин, тоже сын танкиста, сражавшегося у стен Ленинграда, горевшего в танке под Волховом. У обоих танкистов это младшие сыновья, идущие в Советскую Армию, в которой уже отслужили старшие братья. И дают первую присягу юноши, еще не надевшие солдатскую форму: «Не подведем, отец!»

Заботливо, нежно и тепло провожает Ленинград этих хороших, славных ребят. Хотя немало при расставании материнских и девичьих слез, уезжают юноши с хорошим настроением. Самое лучшее настроение, пожалуй, у самого «маленького» — Вячеслава Григорьева, судосборщика Балтийского завода. Еще бы! Год назад врачи забраковали Вячеслава. Не вышел ростом — не хватило одного сантиметра до положенного солдату роста. И целый год Вячеслав усиленно занимался спортом, тренировался и вырос-таки на один сантиметр. Судосборщик Григорьев стал балтийским военным моряком!

Офицеры, принимающие пополнение, тоже довольны: образованные, смышленые, физически развитые ребята, и многие имеют вторую специальность. Братья-близнецы Василий и Михаил Алексеевы, окончившие после десятилетки техническое училище судостроителей, приходят в авиацию радистами,— этому они научились в клубе ДОСААФ. Под стать им и друзья токари Борис Каменев с «Большевика» и Владимир Алексеев с Невского завода — оба овладели еще двумя специальностями: шоферов и парашютистов. Ребята обрадовались, когда им объявили: назначены в парашютно-десантные войска.

Уходят от ленинградских перронов поезда. Каждому пассажиру — девятнадцать! Едут новобранцы. Их роты пока еще носят родные названия: Василеостровская, Выборгская, Невская... Летит вслед за поездом песня:

...Бойцов не редеет строй,
Должен и сын героем стать,
Если отец герой...

Последний вечер на Неве.

Через минуту поезд отойдет от ленинградского перрона.

большие ЗАБОТЫ театра

М. И. ЦАРЕВ,
народный артист СССР,
председатель совета ВТО

Корреспондент «Огонька» обратился к Михаилу Ивановичу Цареву, председателю Всероссийского театрального общества, с просьбой рассказать читателям о наиболее примечательных сторонах только что начавшегося театрального сезона, а также о том, как идет подготовка театров Российской Федерации к 50-летию Октября.

Что может театр дарить людям к празднику? Разумеется, хорошие спектакли!.. О них надо думать, их надо подготавливать заблаговременно. Достойная встреча наступающего в 1967 году пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции—первейший долг каждого театра, самая большая забота из всех больших его забот.

Чтобы посмотреть, как театры справляются с этой задачей, мы созываем пленум ВТО в начале 1966 года. Я надеюсь, что это позволит нам полней и точнее выявить всю работу, проделанную театральными коллективами, покажет наиболее интересные творческие замыслы режиссуры, актеров, художников.

Поэтому даже самые первые дни нынешнего начавшегося сезона можно рассматривать как своеобразный смотр наших сценических сил,—развернувшийся по всей стране смотр живых, практических итогов, накопленных коллективами за годы их существования.

Хочется думать, что каждый театр, включаясь в новый сезон с мыслями о своих высоких задачах, постарается во всеоружии предстать перед зрителями, отобрав к предстоящему смотру все лучшее из имеющихся у него богатств.

Формы проведения смотра могут быть самыми разнообразными, в зависимости от того, кто из театров чем располагает. Видимо, на местах по большей части будут проходить декады подготовки к юбилейной дате, а может быть, даже и месячники, если театр имеет насыщенный репертуар.

Я считаю, что в таких смотрах могут участвовать и классические пьесы — зарубежные и отечественные,— но прежде всего, конечно, современная драматургия. Думаю также, что конкурс на лучшую пьесу к пятидесятилетию Октября явится серьезным подспорьем театру при выборе новых произведений для сценической интерпретации.

Предполагается, что наиболее интересные театральные явления страны — постановки, получившие широкое зрительское признание,— будут показаны не только в Москве. Мы намерены устроить своеобразный обмен спектаклями между городами и республиками. Намечаются также обменные гастроли театров, посвященные юбилейной дате; поездки отдельных артистов; участие крупнейших мастеров театра в постановках периферийных театров.

Можно заранее с уверенностью сказать, что эти начинания найдут поддержку у зрителей. Ведь их интерес к театру сейчас так велик, как, пожалуй, еще никогда!.. В самом деле, вспомним начало пятидесятых годов — странную усталость театра, полупустые залы, мрачные предсказания критиков, что и спектакли и кинокартины чуть ли не навсегда вытеснит телевизор из человеческого бытия... Трудно даже поверить, что все это было!

Время повсеместного, всеохватывающего внимания к театру, время острейших, неостывающих и непрекращающихся споров о театре — вот что такое наши шестидесятые годы. И характерно, что споры эти затрагивают не только всех нас — актеров, режиссеров, театральных художников. Не менее горячо, заинтересованно в них участвует и зритель.

Романтика или психологический спектакль? Пьеса о герое, исполненном приподнятых и возвышенных чувств, или разговор со сценой о буднях, о повседневности?.. Вот в основном вокруг чего идут эти споры.

Но если в будни мы часто играем «будни», то, готовясь к событийной дате — пятидесятиле-

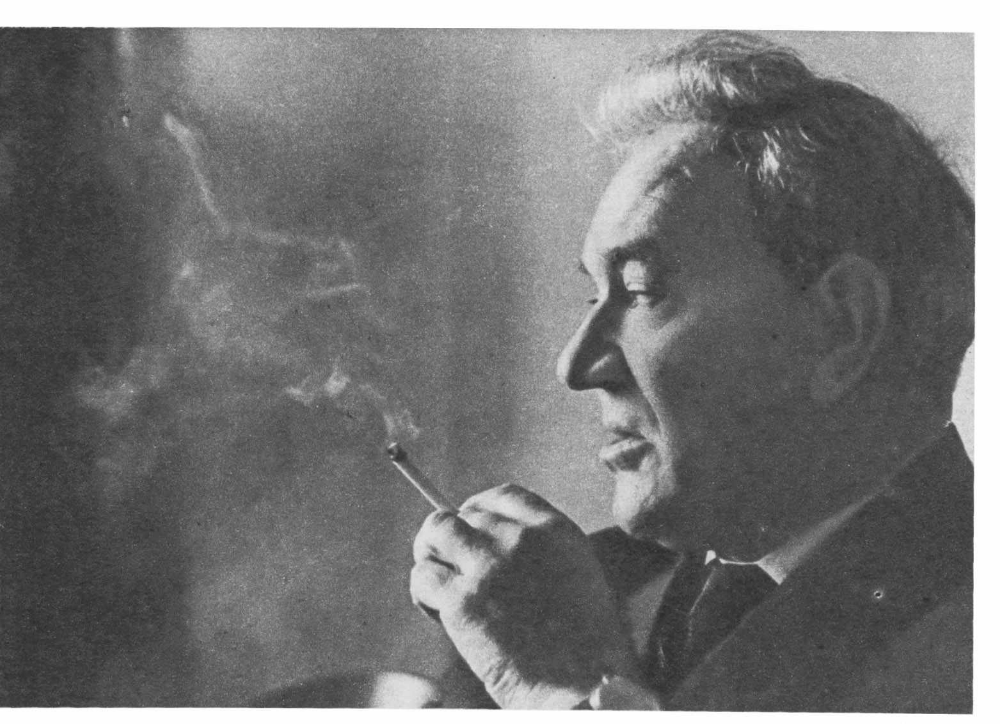

Фото Риммы Лихач.

тию Октября, мы, конечно, хотим создавать образы крупные, масштабные, средствами театрального искусства показывать людей — героев нашей жизни.

Конечно, все пережитое народом, вся жизнь накладывает свой отпечаток на искусство. И былая помпезность, пустые и пышные славословия навсегда и вполне справедливо вытеснены со сцены. Но это, как говорится, и слава богу! Если кто и жалеет об этом, то лишь такой незадачливый художник, который необратимо отстал и уже больше не умеет, не может идти в ногу со своим временем, слышать запросы этого времени и отвечать на них... Многие зрители получили представление о художнике такого типа, встретившись на сцене со старым живописцем Богутовским в пьесе «Страница дневника» А. Корнейчука. Богутовский — погибший человек и конченый художник: догма, рутина, закоснелый взгляд на жизнь и творчество загубили в его душе все живое, светлое.

В той же пьесе выведен еще один интересный герой — драматург Искра. Он задумал пьесу о людях, о современности, и казалось Искре, что его произведение вскроет какие-то реальные противоречия жизни, будет волновать. Но вот Искра сам столкнулся со своими современниками, понаблюдал за ними. И что же? Их сложные характеры, их богатая внутренняя жизнь, нелегкая судьба — все это настолько поражает Искру невыдуманной силой и разносторонностью, что он рвет свою рукопись!.. Пьесу о современниках ему придется теперь писать заново.

И, право же, это хорошо!

И уж совсем хорошо было бы, если б такая высокая требовательность, рожденная условиями самой действительности, современности, почаще сказывалась на облике героев в иных пьесах, с какими приходится реально сталкиваться нашим театрам.

Больше всего это относится именно к пьесам о современности...

О понятиях «современно», «современность» сейчас тоже спорят без конца. Можно и дальше спорить о них до хрипоты, порой начиная где-то запутываться в ясном их смысле. Давайте возьмем толковый словарь Даля, посмотрим, что здесь написано: «Современный, одновременный, совместный, совпадающий по времени... сущий, бывающий в наше время, наших времен, сверстный нам... Современные писатели, современные друг другу, либо нам»...

Думается, не в интересах народа, зрителя уходить от прямого и точного толкования требований подлинно современного в искусстве театра.

Современное нам, то есть совпадающее по времени с нами — людьми, живущими сейчас, сегодня,— театральное искусство, равно как и современная драматургия, прежде всего должны быть могучим рупором идей своего времени, отвечать духовным потребностям трудящихся масс; отвечать запросам художников и творцов, развившимся в глубочайших народных толщах за годы революции.

Современная мысль, современное понимание облика, чувств, всего поведения героя — вот что делает близким и понятным нам не только то, что находится рядом с нами, до чего мы можем дотронуться рукой, как до плеча своего соседа. Мы умеем прочитывать **современно** и классику именно потому, что все глубже проникаем актерским и режиссерским сознанием во внутренний мир **человека**, путем художественного анализа постигаем **глубины человеческого.**

Поэтому-то и участие классики я считаю правомерным в предпраздничном смотре театров.

Однако нельзя забывать, что **нынешний** театр и **нынешняя** драматургия обязаны оставить свои приметы для будущего, внести свою лепту в создание галереи образов героев. В связи с этим мне особенно радостно назвать — вслед за такими событийными спектаклями, какими в свое время были «Любовь Яровая» в Малом театре, «Бронепоезд 14-69» на сцене МХАТа и «Виринея» у вахтанговцев или «Оптимистическая трагедия» в Ленинграде,— совсем новую постановку «Панфиловцев» в Ярославском театре имени Ф. Волкова или вспомнить о воскрешении коллективом Хабаровского драматического театра незаслуженно забытой пьесы Е. Яновского «Ярость».

Можно также самые добрые слова сказать о спектаклях, получивших высокое звучание почти по всей стране. Это «Поднятая целина», «Совесть», «Правда и кривда», «На диком бреге...», «Жив человек», «Материнское поле»... Военная ли, суровая полоса жизни раскрывается в этих пьесах, мирный ли труд является сферой действия человека, героя,— важно, что театр страстно утверждает высокие нравственные качества своего современника, показывает, как в ходе новой жизни формируются новые, коммунистические отношения между людьми...

И все-таки позволю себе заметить, что спектакли, утверждающие героическое начало в нашем искусстве, далеко еще не заняли, на мой взгляд, подобающего им места в репертуаре театров. А это особенно тревожит, если вспомнить, что всего только два сезона — включая нынешний — имеем мы в своем распоряжении, чтобы достойно подготовиться к юбилейной дате. Два сезона — совсем немного, если еще учесть, что не всегда мы умеем, по правде-то говоря, тратить дорогое время достаточно целеустремленно, а главное — с необходимыми и желанными результатами.

Как показал прошлый сезон, иные «поиски» порою приводили лишь к кажущемуся, эфемерному успеху, когда спектакль, крикливо и трескуче заявленный, не нес в себе почти ничего значительного, существенного по мысли, уподобляясь позолоченному ореху с высохшей, пустой сердцевиной. Все внимание постановщика, а за ним и коллектива в таких случаях бывает устремлено на всяческие внешние ухищрения; форма оттачивается все больше и больше и в конечном счете начинает поражать своей броскостью, эксцентричностью, необычностью. Содержание же, оставшись в забвении, неизбежно мстит за себя, будучи выражено двусмысленно, с претенциозной невнятностью.

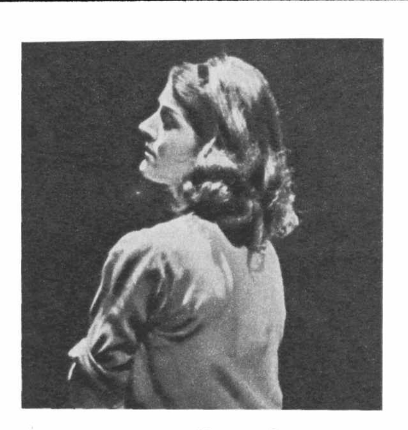
Тут, конечно, возникает видимость «самого» современного решения, «самого» смелого прочтения. Но опыт показывает, что наиболее интересные решения театра лежат не на поверхности. Они всегда связаны с проникновением актера во внутренний мир героя, лежат на пути создания характеров.

Были в прошлом сезоне и другие спектакли, поставленные столь тускло и неинтересно, что и содержание и форма оказывались одинаково невыразительными, серыми. Зря такие спектакли претендуют на реализм либо даже на романтику...

Разумеется, подобные пьесы и спектакли не характерны для истекшего театрального года, но и о них мы должны знать, чтобы, намечая дальнейшие перспективы нашей сценической деятельности, не огорчать зрителя да и самих себя.

Вот сколько забот у театра!.. Забота о переполненном зале, забота об афише, неусыпная забота о репертуаре, глубоко и серьезно продуманном с самых высоких позиций современности. Забота о драматургии, решительно связавшей свою судьбу с героикой, с таким человеком, который не прозябает в жизни, а **строит жизнь.**

«БАРАБАНЩИЦА» НА ОПЕРНОЙ СЦЕНЕ

«Тишина, тишина какая!» — этими словами Нилы Снижко начинается новая опера А. А. Николаева «Ценою жизни»; либретто написано лауреатом Государственной премии С. А. Цениным по пьесе А. Салынского «Барабанщица».

В спектакле Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко принимают участие актеры разных поколений: зрелый мастер сцены, заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии Т. Ф. Янко; актриса Валентина Каевченко, исполняющая партию Нилы; молодая дебютантка Г. Иванова...

— Рождение нового оперного произведения, рассказывающего о современности,— сказал постановщик оперы, заслуженный деятель искусств РСФСР Л. Д. Михайлов,— серьезное событие для музыкального театра. Очень важно, что тема подвига и события войны раскрываются через психологию людей, а не путем внешней событийности.

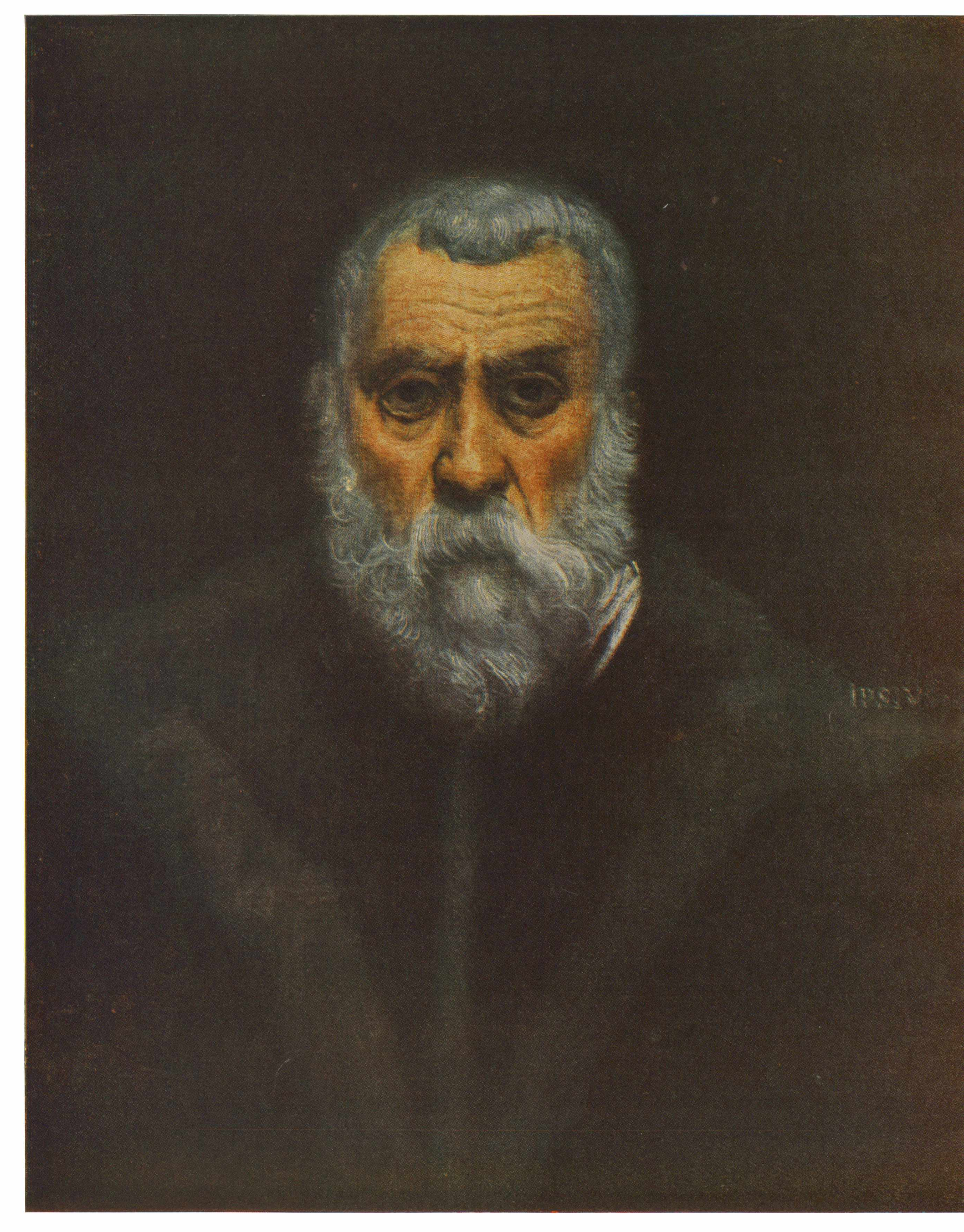
Я увидел в зале композитора Тихона Николаевича Хренникова и подошел к нему, чтобы спросить о том, как ему понравилась премьера.

— Новая опера,— сказал Т. Н. Хренников,— произвела на меня большое впечатление! По-моему, спектакль можно считать подлинным достижением советской музыки.

Марат ЦЕБОЕВ

НА ФОТО: В. Каевченко в роли Нилы Снижко.

Фото А. Степанова.

Тинторетто. 1518—1594. АВТОПОРТРЕТ.

В. Тициан. 80-е годы XV века — 1576. АЛЛЕГОРИЯ АЛЬФОНСО Д'АВАЛОС.

ИТАЛЬЯНСКИЕ МАСТЕРА

А. ГУБЕР,
главный хранитель
Музея изобразительных
искусств

С МОСКОВСКОЙ ВЫСТАВКИ

Итальянское изобразительное искусство занимает особое место в развитии мировой культуры. Главные события художественной жизни в эпоху классического средневековья (до XIII века включительно) развивались по ту сторону Альп, как говорят итальянцы. Но вместе с зарождением новых, уже не феодальных, а капиталистических отношений Италия сделала тот решительный и многозначительный вклад в культуру, который именуется Возрождением. XIV, XV, XVI века — эпоха невиданного расцвета искусства, которого «никогда уже больше не удавалось достигнуть» (Энгельс «Диалектика природы»). Вся последующая художественная культура как в своих практических достижениях, так и в своих теоретических основах восходит к этому многозначительному времени. Правда, в конце XVI столетия наметился достаточно ясно и кризис, когда поступательное движение вперед приостановилось, когда под мощным воздействием неблагоприятных экономических, социальных, политических и идеологических факторов художники стали подражать манере великих мастеров прошлого и завели искусство в тупик. Но из этого кризиса итальянская художественная культура вышла своими силами, и на рубеже XVI и XVII веков великим реформатором стал Караваджо. Новый найденный им путь был в равной степени важен и для итальянского искусства, и для испанского, и для голландского.

Все это приходится вспомнить на выставке картин из французских музеев, открытой в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Выставка эта невелика — на ней всего 52 картины, из них 10 итальянских. Все они из музея Лувра в Париже. И хотя, разумеется, десяти картин мало, чтобы дать хоть приблизительное представление об итальянском искусстве с XV по XVII век, но даже и половины их было бы достаточно, чтобы доставить зрителю высокое эстетическое наслаждение.

Едва ли не самый большой шедевр на выставке — автопортрет Тинторетто—«маленький красильщик»— так прозвали Якопо Робусти (1518—1594), венецианского художника, автора множества грандиозных и по замыслу и по размерам полотен, украшающих церкви, дворцы и скуола в Венеции. Ему принадлежат самые большие в мире картины маслом на холсте, например, «Рай» в зале Большого совета во Дворце дожей, 22 метров ширины и 7 метров высоты, с тысячами фигур. Он же расписал стены, простенки и потолки сначала в верхнем, а потом и в нижнем этаже Скуола ди Сан Рокко. Многие венецианские церкви до наших дней хранят его картины (например, «Введение Марии во храм» в церкви Санта Мариа дель Орто). Знаменательна его тесная связь со скуола — так называли в Венеции братства или объединения, с целью взаимопомощи и нравственного совершенствования. Демократические по самой своей природе, связанные больше с низшими и средними слоями, чем с верхушкой венецианского общества, они обладали для Тинторетто особой притягательной силой. Недаром в его искусстве впервые появляется толпа вместо совокупности отдельных, изолированных друг от друга фигур. Никто не умел так, как Тинторетто, передать чувство общности людей, их взаимную связь, их единство в общем порыве. И свет у художника служит той же цели: он выхватывает из тьмы главное, ведет к нему отсветами и объединяет целое.

Для мастера грандиозных композиций, для Тинторетто, портрет не был ведущим жанром, хотя его кисти и принадлежит ряд изображений современников. О возможностях Тинторетто-портретиста свидетельствует его автопортрет на выставке, наивысшее достижение художника в этой области. Написанный незадолго до смерти, вероятно, около 1590 года, автопортрет говорит своим особым и внятным каждому языком. Здесь нет ничего от сложности и динамики его многофигурных композиций—погрудное изображение старого человека в черной одежде, сливающейся с темным нейтральным фоном. Ничто не мешает и ничто не отвлекает от главного — лица, обрамленного поседевшей бородой и коротко остриженными волосами с небольшой челкой на лбу. Глубоко запавшие складки от носа к углам рта. Сдвинутые брови и приподнятые напряженно работающей мыслью морщины на лбу. Но самое притягательное — большие глаза. Они устремлены на зрителя, но, может быть, и не видят его: взор направлен внутрь, как у глубоко задумавшегося человека. В нем—вся нелегкая жизнь художника, прошедшая в исканиях и поисках, так и не завершившихся. Тинторетто прощается с людьми, оставляя им самого себя. И в этом — громадная сила его гуманизма. Автопортрет его — один из самых действенных и глубоких в истории мирового искусства. Недаром его копировал великий французский художник XIX века Эдуард Мане.

Веронезе был на десять лет моложе Тинторетто и умер немного раньше его (1528—1588). Родом из Вероны (откуда прозвище, «Веронезе»—значит «веронец»), он с 1554 года работал в Венеции и стал крупнейшим венецианским колористом. «Распятие», которое мы видим на выставке, написано после 1580 года, то есть также незадолго до смерти. Веронезе, как и Тинторетто, был автором многочисленных картин, созданных для украшения венецианских дворцов, церквей и загородных вилл. Он часто пользовался традиционными религиозными сюжетами, чтобы изобразить в них пышное венецианское общество, преимущественно за пиршественным столом или же в виде каких-либо аллегорий. «Распятие» написано не в том ключе. У подножия высоко поднятого креста с распятым Христом мы видим собравшихся в горе близких ему людей. Желтоватый лак несколько скрывает чистоту тонов Веронезе (особенно чувствуется это в небе), и тем не менее первое и последнее впечатление от картины определяется прежде всего ее колоритом. Сопоставления желтых, красных, коричневых тонов одежды на фигурах у подножия креста и белой набедренной повязки на Христе, необычность освещения закатным солнцем и луною передают не только трагизм момента, но вносят в сюжет элемент героичности. Изображенные люди — подлинные люди Возрождения. Смерть любимого человека — для них горе, великое горе, но они им не сломлены. Веронезе передал их внутреннюю силу и заставил зрителя поверить в нее. И, несомненно, не без внимательного изучения творчества Тинторетто появились в этой картине Веронезе удары света, как вспышки. Здесь не нейтральное освещение мастеров раннего и даже высокого Возрождения, а один из начальных моментов того этапа в истории живописи, когда свет начинает играть роль динамического и активного начала.

По-новому была поставлена проблема света великим реформатором итальянской живописи Караваджо (1573—1610). На выставке представлена его ранняя картина «Гадалка», написанная в 1592—1594 годах. Она хорошо показывает, как решительно Караваджо повернул внимание и художников и зрителей к повседневной жизни, взяв из нее и сюжет для своей картины и типы, положив начало так называемому бытовому жанру. Здесь группа из двух полуфигур поставлена так близко к переднему краю (или, правильнее, к передней плоскости) картины, что зрителю представляется возможным почти осязательно почувствовать фактуру ткани, холод стального эфеса шпаги, мягкость кожи. Эта осязательность подчеркнута прикосновением рук гадалки к руке молодого человека: художник настоятельно предлагает зрителю повторить это прикосновение. А свет у Караваджо, падающий сверху вниз, как солнечный луч в темный подвал, создавал невиданную и невозможную ранее рельефность. Современники называли все это невероятной правдивостью. Мы могли бы только дополнить их, указав на взгляды гадалки и молодого человека,— они не встречаются, а пересекаются в самой светлой средней части картины и позволяют угадывать возникающее чувство. Этот тонкий психологизм — также одно из достижений Караваджо.

Превосходные картины Джентилески и Фетти на выставке показывают, как эти превосходные колористы, каждый по-своему, извлекли уроки из реформы Караваджо.

Наконец, одним из украшений итальянского раздела выставки является «Парнас» Мантеньи (1431—1506), для нас особенно драгоценный, так как работ этого мастера в советских собраниях нет. «Парнас» был исполнен мастером в 1497 году для рабочего кабинета Изабеллы д'Эсте, супруги герцога Мантуанского, одной из самых замечательных женщин эпохи Возрождения, воспитанной на изучении древних языков и античной культуры. Мантенья и сам был не только почитателем, но и знатоком античности, ее мифологии и ее искусства. Можно спорить (а такие споры действительно ведутся) о названии картины «Парнас» — оно сохраняется по традиции,— являются ли танцующие в хороводе девушки нимфами или музами, следует ли называть играющего на лире Аполлоном или Орфеем, уместны ли здесь стоящие на холме фигуры одетого, как римский воин, Марса и обнаженной Венеры, почему здесь справа стройный Меркурий облокотился на крылатого коня Пегаса. В этом споре мы можем и не принимать участия. Важнее другое: художник воплотил здесь радостное представление своего времени об идеальном бытии, где прекрасные и сильные телом и духом люди наслаждаются жизнью в единении с прекрасной природой. Вся картина пронизана удивительной ясностью и логичностью художественной мысли, от нее веет целомудренной свежестью, покоем и гармонией, а господствующий в ней ритм, вероятно, самое счастливое достижение итальянской живописи до Рафаэля.

Словом, с выставки уносишь такое богатство впечатлений от немногих картин, что убеждаешься еще раз в великой очистительной силе искусства. Прекрасное, если оно было действительно прекрасным, действительно нужным и действительно передовым в свое время, сохраняет силу своего воздействия навсегда. И нет никакого сомнения, что именно это влечет в музей так много жаждущих приобщиться к прекрасному.

1

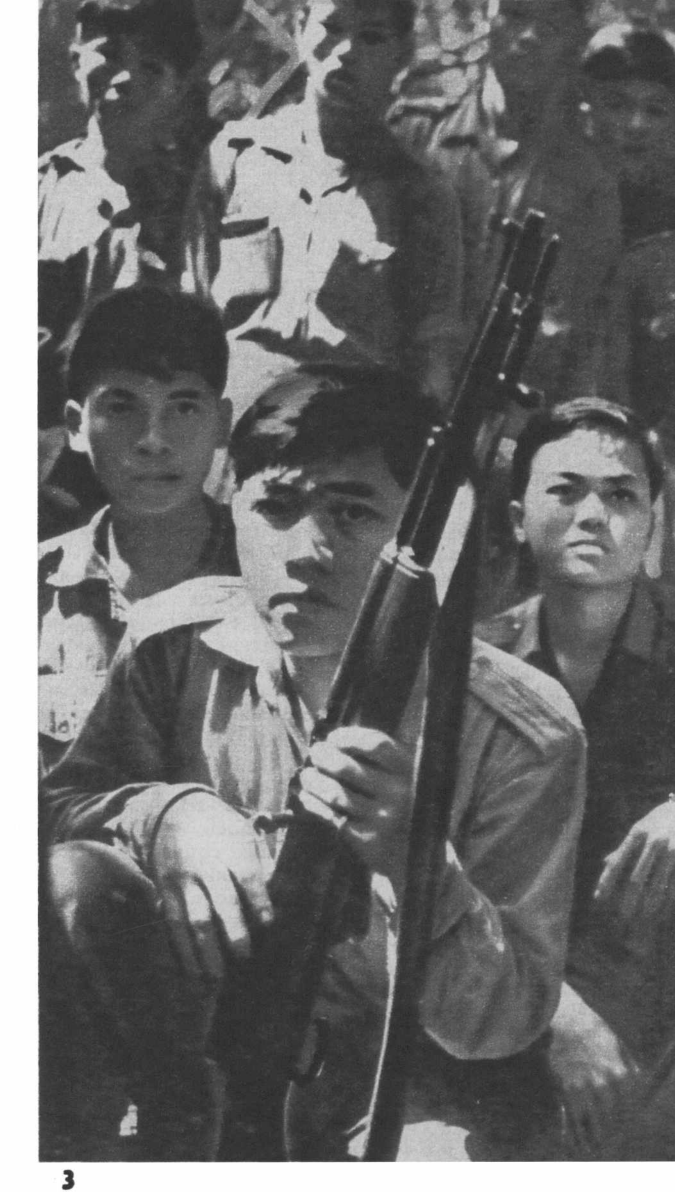
2

Автор этих снимков Иван Щедров — первый советский корреспондент, побывавший в Южном Вьетнаме. Свыше тысячи километров проделал он по земле, охваченной пламенем борьбы против американского империализма. За два месяца ему удалось встретиться с бойцами Армии освобождения, с партизанами оккупированных районов, с крестьянами и рабочими освобожденных районов. Первым из иностранных корреспондентов он был в главной ставке Верховного главнокомандующего патриотических сил. Неделю он жил в 15 километрах от Сайгона, в котором находится главная ставка американского военного командования. Его снимки рассказывают о боевых буднях сражающегося народа.

1. Одна из крупных операций патриотов в районе Бинь Зя завершилась победой. Бойцы Н-ского подразделения Армии освобождения овладели американским бронетранспортером.

2. После операции патриотов к югу от Сайгона. Эти каратели выбрали плен.

3. Последние минуты перед выходом на боевую операцию. Н-ское подразделение регулярной Армии освобождения. Снимок сделан в районе речки Шонг Бе, где летом шли крупные кровопролитные бои.

3

6

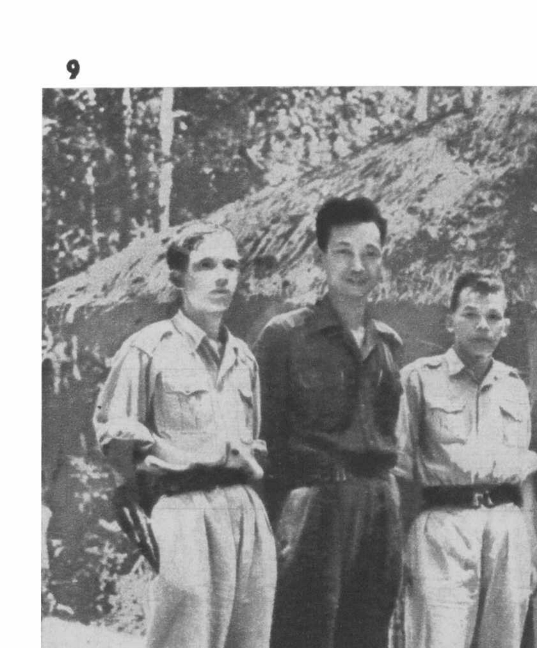
7

8

9

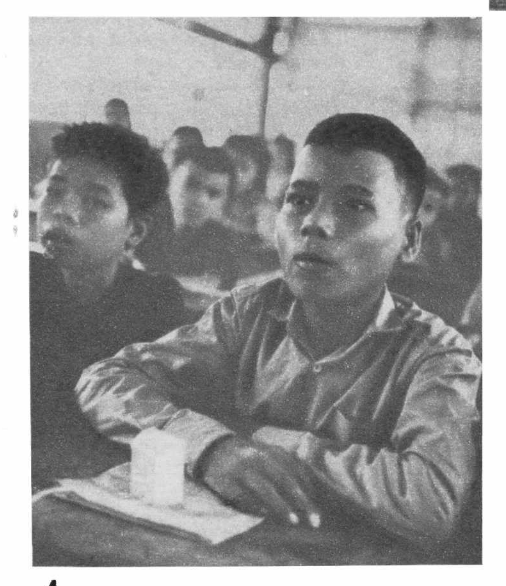
4. Под бомбежками и арт-обстрелами продолжают работать школы. Несколько месяцев назад американские самолеты разбомбили эту школу. Погиб учитель и несколько учеников.

5. Отсюда в эфир каждый день в строго определенное время десять раз идут позывные: «Говорит радиостанция Освобождение! Говорит радиостанция Освобождение!» Боевой рупор южновьетнамских патриотов вот уже свыше трех лет остается неуловимым. Ни современная радиолокационная техника, ни десанты карателей ни разу за все это время не смогли сорвать работу героического коллектива подпольной радиостанции.

6. В освобожденных районах проживает 10 миллионов человек. Крестьяне получают от народной власти землю. Сейчас основной фигурой в южновьетнамской деревне стал середняк. На снимке: одна из крестьянских семей трудится на земле, которую она получила от народной власти, в 25 километрах от Сайгона.

7. С этим знаменем батальон Армии освобождения не раз ходил в атаку на врага.

8. Главная резиденция президента Национального фронта освобождения Южного Вьетнама Нгуен Хыу Тхо тоже в джунглях. Известный сайгонский юрист, в 1954—1955 годах он являлся одним из лидеров движения за мир в Южном Вьетнаме. Проамериканский диктатор Нго Динь Дьем упрятал Нгуен Хыу Тхо и его товарищей за тюремную решетку. Часть из них погибла, часть продолжает томиться в фашистских концлагерях. Нгуен Хыу Тхо в конце 1961 года удалось вырваться на свободу. Весною 1962 года на I съезде НФО он избран председателем Президиума ЦК НФО.

4

5

9. Ставка Главного командования вооруженных сил Национального фронта освобождения разместилась в глубине джунглей. В центре — легендарная женщина Нгуен Тхи Динь, заместитель Верховного главнокомандующего НФО. В начале 1960 года под ее руководством в провинции Бен Че началось народное вооруженное восстание, положившее начало второй войне Сопротивления.

10. Через несколько минут эта группа партизан, пробравшись на утлой лодчонке сквозь заросли, кишащие комарами, змеями и прочими обитателями джунглей и болот, неожиданно появится в тылу у врага.

Александр АНДРЕЕВ

Рисунки А. Лурье.

Последние два часа мы двигались в темноте. Сумерки легли на дорогу как-то сразу, точно внезапно выкатились, клубясь вместе с сырым туманом, из леса, вскоре соединились с водянистыми тучами неба и наглухо заслонили свет. Наступил октябрьский осенний вечер с резкими и злыми порывами ветра; ветер приносил редкие капли дождя и бродящий, кисловатый запах опавшей листвы и грибов...

Перед Подольском я остановил батальон: люди устали и проголодались. Они устали не столько от скорого и нелегкого перехода, сколько от того впечатления, которое производила дорога.

По шоссе и по его обочинам навстречу батальону медленно тащилась горестная и жалкая процессия отчаявшихся беженцев. Они шли уже долго — из-под Курска, из-под Орла, из Тулы. Утомленные лошади едва везли подводы со скарбом, с женщинами, с ребятишками... Если падала лошадь, впрягались в повозки сами. По опушкам вдоль дороги старики, подростки и девчонки гнали скот, целые стада колхозных коров, свиней, овец...

Беженцев обгоняли грузовики с ранеными бойцами, а к фронту, гремя на выбоинах, мчались машины с боеприпасами. Шоферы нещадно матерились, если беженцы со своими возами забивали проезжую часть и приостанавливали движение.

Бойцы нашего батальона, наблюдая этих людей, с таким страхом и с таким упорством уходящих на восток, понимали, какая дьявольски беспощадная сила накатывалась на нас, подступая к самому сердцу страны...

Батальон остановился. Ветер понес вдоль дороги дымок походных кухонь и вкусный запах горячей пищи. Бойцы, гремя котелками, выстраивались в длинные очереди, из-под полы светились фонарики; получив порцию, отодвигались в полумглу, садились прямо на дорогу, спустив ноги в кювет, ужинали...

Я прошел к штабной машине, отыскал лейтенанта Тропинина, велел пригласить комиссара Браслетова, который двигался с третьей ротой, замыкая колонну.

Мы залезли в кузов, накрылись брезентом, и Тропинин включил фонарик. Круглое световое пятно расплылось по карте. Лейтенант докладывал свои соображения о дальнейшем движении батальона.

— Нам нужно использовать для марша ночное время,— проговорил он,—чтобы избежать налетов вражеской авиации. Предлагаю двигаться сейчас же, как только люди примут пищу. И часа через три-четыре организовать отдых с ночлегом. Предлагаю также, товарищ капитан, двигаться не по шоссе, где мы все время будем на виду у врага, а, минуя Подольск, свернуть вправо, в направлении на Малоярославец, и, пройдя приблизительно два километра, свернуть влево примерно вот здесь и продолжать движение по проселочной дороге лесом, параллельно основной магистрали.

Доводы Тропинина показались мне убедительными.

— Что вы думаете насчет этого, Николай Николаевич?— спросил я Браслетова.

Комиссар ответил без обычного колебания:

— То, что доложил лейтенант, вполне резонно и оправданно. Мы обязаны привести батальон в полном составе, не дать немецким летчикам растрепать его.

Командиры рот тоже согласились с предложением лейтенанта Тропинина, и мы вскоре разошлись: надо было торопиться.

Шли спешным маршем в настороженной темени; и ночью дорога жила лихорадочной жизнью, учащенно пульсируя... В ночном, опустевшем прифронтовом Подольске, как только выбрались на крутую гору, грянула еще раз лихая и отчаянная песня бойцов первой роты. Патрули, забежав вперед колонны, удивленные, осветили меня и Чигинцева фонариками, и один из них, полный и мордастый, проговорил с насмешкой:

— Помирать — так с песней, да?

— Почему именно помирать?— спросил я, отстраняя их с пути...

За городом отчетливее стали заметны зарева пожаров. Они дрожали над землей, то затихая, то разгораясь вновь, накаляя небо до щемящей душу красноты.

На ночлег остановились неподалеку от небольшой деревушки, в лесу. Бойцы, наскоро наломав еловых веток на подстилку, валились и засыпали. Чертыханов откуда-то притащил брезент, шуршал им, расстилая.

— Ложитесь, товарищ капитан,— сказал он вполголоса.— А то не успеете отдохнуть. Дождь пойдет — не беда, есть чем укрыться...

— Ты ложись, спи, а я отлучусь ненадолго,— сказал я.

Прокофий тотчас вскочил и молча пошел впереди меня.

— Вы плутать будете в темноте, а я знаю, где они находятся,— проговорил он, отгадав мое намерение.— Идите за мной.

Он вел меня по влажной, пожухлой траве, огибая темные колючие ели, незаметные для глаза пни, спящих вповалку бойцов.

— Осторожно — елка, глаза выколоть может,— предупреждал он негромко.— Здесь пень, не споткнитесь. А это сонное царство — храпят богатыри, как по нотам...

Два раза нас отрывисто и приглушенно окликали часовые:

— Кто идет?

— Свои,— так же отрывисто отзывался Чертыханов и, проходя мимо, напоминал:— Не усни смотри...

Приостановившись возле белого ствола березы, он указал в темноту:

— Видите повозку?

Я ничего не видел во тьме, как ни вглядывался.

— А слышите, как лошадь сеном хрустит? Их повозка. Я вас тут подожду...

Я чувствовал, что устал после непривычного пешего марша. Но мысли о Нине не дали бы мне спокойно уснуть: как она перенесла первый день пути?

Я неслышно приблизился к повозке. Распряженная лошадь жевала, похрустывая, сено. В повозке, укрытые брезентом, спали Нина и солдат со шкиперской рыжей бородой. Солдат, запрокинувшись, прерывисто всхрапывал. Нина спала тихо, свернувшись в клубочек, голова накрыта полой шинели. Я притронулся к выбившейся прядке волос — она была влажная от росы — и хотел уже уйти, чтобы не потревожить ее, но она, не отнимая от лица шинели, спросила тихо:

— Дима, это ты?

— Да. Разбудил тебя?

— Я сама проснулась, как только ты подошел. Сердце два раза стукнулось, точно в дверь... Тебя узнает мое сердце.

Я рассмеялся.

— Выдумщица ты...

— Правда же! Ты сегодня утром подходил к нам, к нашей подводе, еще там, на Бронной?

— Подходил.

Нина осторожно, чтобы не разбудить солдата, выбралась из-под брезента и спрыгнула на землю.

— Вот видишь! Сердце подсказало, что ты смотришь на меня. Я боялась обернуться — а вдруг тебя нет...

Солдат повернулся и сонным голосом проговорил:

— Нина, далеко не отходи — ночь...

Глава из нового романа.

— Я здесь, Федот Иванович,— отозвалась Нина.

Мы отдалились от повозки на несколько шагов.

— Ты устала?— спросил я.

— Нет,— сказала она.— Отчего мне уставать? Захочется — иди пешком, надоест — садись на повозку... Раненых после налета перевязали, погрузили на попутные машины. Вот и все. А как ты, Дима?

— Все пока хорошо. О тебе думаю много... Иногда жалею, что взял с собой.

Нина отступила от меня, обиженная.

— Что мне сделать такое, чтобы ты не думал обо мне? На место придем— уйду от тебя в другую часть... чтобы ты не думал. Не тревожься за меня. Я не пропаду: вон откуда ушла, из рук фашистов... Обещаешь?

— Постараюсь,— сказал я.— Это ведь от меня не зависит...

— Зависит,— сказала Нина.— Если ты себе прикажешь не бояться за меня, значит, так и будет. Неужели тебе нехорошо оттого, что мы вместе? Война нас сблизила и обручила. Как ей. Чертыханов тотчас же уснул; дышал он глубоко, ровно и от усталости шумно, со сдержанным стоном. Я долго не мог заснуть, смотрел в черное небо с расплывавшимися красными лужами зарева и думал... Вспоминались солдаты и офицеры — герои книг западных авторов, прочитанных мною совсем недавно, перед войной. Они, те герои, называли себя потерянным поколением. Мне нравилась их грусть, их сожаления, их страдания, они рассуждали о бессмысленности войны, о загубленных молодых жизнях... Как различна судьба моего поколения с судьбой тех людей! На нашу долю выпала высочайшая историческая задача — отстоять во что бы то ни стало, ценою жизни, Отечество, иначе рабство на многие годы, на столетия...

Слева, километрах в шести от нас, над шоссейной дорогой пролетали вражеские самолеты. Они знали, что днем и особенно ночью к фронту двигались подкрепления. Развесив зеленоватые фонари — страшные совиные глаза войны,— выискивали цели и швыряли бомбы. Гул тупо и нехотя накатывался на рощи,

— Дима! Батюшки, вот так встреча!— Он поспешно встал, и мы обнялись.

— Как вы сюда попали?— спросил я.— Куда вас направляют?

— То есть как куда? — Он смахнул с уголка глаза слезу.— В бой. Ты читал призыв: подымайся, народ, на врага, не посрамим земли русской!..

Он произнес это несколько патетически, со страстью, в которой улавливалась тонкая и горькая ирония. Я наблюдал за ним с душевной болью и огорчением: в нем, всегда подчеркнуто собранном, строгом, со стремительными, какими-то мятежными движениями, появилась старческая суетливость и душевная тревога, прикрытая невеселой усмешкой. Старенькая, оставшаяся от времен гражданской войны шинель была узка в плечах, на груди не сходилась, и кисти рук высовывались из рукавов, как у мальчишки.

— Разве мы могли отстать, Дима?.. В моем отделении все люди уважаемого достоинства.— Глаза, сузившись, сверкнули прежним веселым озорством.— Вот этот отважный воин,

НОЧНОЙ МАРШ

же мы можем расставаться? Нас может разлучить только смерть — твоя или моя...— Я вдруг уловил необыкновенный, смятенный блеск ее глаз, когда она произнесла слово «смерть». И чтобы оттолкнуться от него, она заговорила беспечным голосом, с неестественным смехом:—Знаешь, теперь, когда прошлая жизнь осталась где-то позади, далеко-далеко, мне она стала казаться какой-то розовой, как весеннее утро без единого облачка. Обиды, которые тогда казались значительными и глубокими, теперь выглядят просто смешными и ничтожными.

Она все говорила, перескакивая с одного на другое, торопливо, точно старалась победить в себе не то смущение, не то отчаянное душевное смятение...

Я смотрел на ее сверкавшие во тьме зубы, держал ее руки в своих руках и радовался тому, что мы вместе.

Нина спохватилась:

— А где Чертыханов?

— Где-то тут,— сказал я и взмахнул рукой в темноту. Нина тихонько свистнула. Чертыханов таким же свистом ответил ей.

— Прокофий, иди сюда,— позвала она.

Чертыханов выступил из темноты, какой-то огромный, мохнатый и страшноватый.

— Чего?

— Забирай своего командира и уводи. Ему отдохнуть надо. Иди, Дима.

Чертыханов тем же путем и с теми же односложными предупреждениями привел меня назад. Я лег на постель из еловых веток, от которых крепко пахло свежей смолой, хвотрепал их и где-то вдалеке, в темных чащобах, глох...

На рассвете, отойдя от места ночлега километров на пять, бойцы первой роты встретились со странной колонной полувоенных и гражданских людей. Люди эти, чаще всего пожилые, были разномастно одеты в шинели, в телогрейки, в ватные пиджаки с меховыми воротниками, перепоясанные ремнями из серой парусины. Они сидели сбоку дороги на земле, на пенечках, на вещмешках и что-то жевали. Кое-кто из них был вооружен винтовками, возле остальных валялись связки гранат и бутылки с зажигательной смесью. Я догадался, что это были ополченцы. Они устало и застенчиво улыбались, провожая нас, молодых и крепких, понимая свое положение и свою неприспособленность к военным походам.

Прокофий Чертыханов, шагая мимо, отметил с насмешкой:

— Старая гвардия вооружена до зубов!..

Пробегая взглядом по лицам «старой гвардии», худым, в суровых морщинах, и кругленьким, с еще нестертым сытым румянцем, растерянным, озабоченным и решительным, я увидел знакомые глаза, немигающий и горячий взгляд, который мог, кажется, прожечь насквозь.

Это был заслуженный артист республики Николай Сергеевич Столяров, наш учитель. Я никак не ожидал встретить его именно здесь.

— Здравствуйте, Николай Сергеевич,— сказал я, подбежав к нему.

Он чуть сощурился, точно не узнавая меня.

что с гранатами у пояса,— кандидат биологических наук Лукашов Петр Степанович.— Николай Сергеевич театральным жестом указал на человека в ботинках и обмотках на худых икрах; кандидат сидел на пенечке, вздернув ввысь острые колени, и читал сложенную вчетверо газету, поднеся ее к самым очкам.— Рядом с ним — преподаватель истории кино в Институте кинематографии, товарищ Казанский. А тот, что чинит сапог своему другу, это заведующий мастерской по ремонту обуви. Есть у нас начальник главка, профессор есть, мастер из пекарни есть и даже циркач, жонглер... И так во всем батальоне...— Николай Сергеевич чуть наклонился ко мне и проговорил как по секрету:— Мы их, фашистов, эрудицией расхлещем. Интеллектом!..

Я взглянул вдоль дороги. Бойцы нашего батальона перемешались с ополченцами, обращаясь к ним почтительно: «папаша» или «дорогой товарищ». Курили, закусывали...

— Николай Сергеевич, вы же безоружны,— сказал я.— Что вам делать на фронте?..

— Как это безоружны?— Николай Сергеевич тут же разыграл роль оскорбленного в лучших порывах человека.— А гранаты? А бутылки с керосинчиком? Мы батальон истребителей вражеских танков!

В сводках воинских штабов этот батальон наверняка числился как свежая боевая единица. На нее рассчитывали, ею намеревались затыкать бреши; командиры, ведущие сражения, ждали ее с надеждой и нетерпением. Я был убежден, что все эти уважаемые, большой духовной ценности люди пошли в бой честно, по

приказу сердца, с единственной и великой целью — умереть, но не пропустить врага в Москву. Но я был убежден также, что они все, не приспособленные к тяготам войны, безоружные, в первом же сражении погибнут и врага пропустят. Лишь увеличат число потерь, какие мы уже имели.

Николай Сергеевич, как бы разгадав мои мысли, проговорил раздельно и с печалью:

— Тяжело и не сразу, но одолеем мы его, Гитлера...—Затем он весело кивнул мне:—Кое-что слышал про тебя. Сергея Петровича Дубровина встретил месяц назад, он рассказал мне про тебя и про Нину.

— Она со мной,— сказал я.— Мы ведь поженились.

— Знаю. Так и должно было случиться. Хотел бы я на нее взглянуть...

— Она тоже будет рада повидать вас... Чертыханов! — позвал я. Прокофий вынырнул из-за дерева.— Сходи за Ниной.

Едва Чертыханов успел кинуть за ухо ладонь и сказать: «Есть сходить за Ниной»,— как по всей колонне понеслось зычно и пронзительно: «Воздух! Воздух!»

— Рассредоточиться! — крикнул я что было силы.

Команда полетела от взвода к взводу, хотя и без команды всем было ясно, что при налетах авиации нужно как можно дальше отрываться от дороги и друг от друга, искать укрытия как можно надежнее.

Чертыханов пробежал к старой и хмурой ели, где уже было несколько человек ополченцев, связных и бойцов, и позвал меня. Я нырнул под темный и тяжелый зонт ветвей и стал наблюдать, как наш батальон и ополченцы растекались по лесу, мелькая среди деревьев.

Самолеты шли звеньями, низко, не спеша, с распластанными огромными крыльями. Грозный и мощный рев их, подобный водопаду, ниспадающему с кручи, придавливал к земле. Не стреляя, не бомбя, они, казалось, направлялись к дальним целям. Через минуту я догадался, что самолеты эти транспортные. Из раскрытых дверей стали один за другим выпрыгивать люди с большими коробками за плечами. Они выпрыгивали из всех машин одновременно. Через секунду после прыжка коробки за плечами как бы лопались, из них вырывалась, подобно пламени, белая струя; струя расширялась, образуя белый купол.

— Парашютисты! — опять понеслось по лесу.— Парашютисты!

Я послал связных в роты с приказом: «Уничтожить парашютный десант противника, расстреливая его в воздухе. При приземлении не давать ему сосредоточиваться...»

Выступив из-под навеса ветвей ели, я увидел, как на меня — буквально на голову — падал парашютист; опускаясь, он палил из автомата. Я вскинул свой автомат и выстрелил. Немец, оборвав пальбу, безжизненно повис на стропах и вскоре рухнул к нашим ногам, как мешок; парашют, колыхаясь, накрыл его.

По всему лесу трещали выстрелы, глухо и сочно лопались гранаты, слышались предсмертные крики. При каждом таком вскрике у меня щемило сердце: мне чудилось, что это кричит Нина, просит моей помощи и защиты, хотя я знал, что Нина далеко отсюда...

Николай Сергеевич был бледен от волнения, прислушивался к бою, сжимая в руках гранату. У ополченцев это была первая встреча с врагом.

Парашютистов расстреливали в воздухе и на земле. Но самолеты привозили и выбрасывали их вновь и вновь. Над вершинами деревьев дрожали, надутые воздухом, парашюты и, опускаясь, тонули в темной лесной чаще. Больше всего их выпрыгивало на нашей стороне, где и ополченцев было больше.

Один десантник зацепился стропами за вершину сосны. Он попытался освободиться от строп и спрыгнуть на землю. Но, увидев Чертыханова, принялся строчить из автомата, пока не кончились патроны. Затем он швырнул вниз гранату. Она шлепнулась и, полежав некоторое время, взорвалась, вырыв воронку с шапку величиной.

Чертыханов рванулся было к нему, но я остановил его:

— У него еще граната!

Десантник отстегнул от ремня вторую гранату и стал озираться, куда бы ее кинуть, в то же время пытаясь освободить себя от парашюта.

Чертыханову ничего не стоило застрелить немца, но он почему-то не делал этого. Он затеял с ним веселую и опасную игру. Он выбежал на открытое место, надеясь, что немец бросит в него последнюю гранату, и отбежал назад. Солдат замахнулся, но не бросил. Чертыханов подбежал вторично, уже ближе, и вскинул автомат. И тогда немец не выдержал и бросил вторую гранату. После этого Чертыханов подошел к сосне смело и неторопливо. Я тоже подошел.

Десантник висел, чуть покачиваясь на стропах, молодой парень в короткой парусиновой куртке, в каске, в ботинках с грубыми подошвами, прочно прибитыми гвоздями; на черной подошве гвозди выделялись отчетливо, крепкие и высветленные. «О нашу землю оттočил»,— подумал я про эти гвозди. Круглые, немигающие глаза немца стали от страха и ненависти студенистого, мертвого цвета. Он, должно быть, решил не сдаваться. Дрожащей рукой он выхватил из кармана куртки нож, лезвие тут же выбросилось, тонкое и опасное.

— Вот гад, все еще на что-то надеется! — выругался Чертыханов с сокрушенным удивлением. Он нашел валявшийся поблизости сук и долго метил по руке парашютиста, чтобы выбить нож. Наконец это ему удалось. Нож упал к ногам Чертыханова. Затем, разрывая парашют, он стащил немца с сосны. Солдат, затравленно озираясь по сторонам, взглянул вверх — над лесом в это время пронеслись, ревя, самолеты, чтобы выбросить последнюю партию десантников,— произнес длинную фразу по-немецки и плюнул на Чертыханова. Прокофий чуть отклонился, затем, сказав в ответ сложную и длинную фразу по-русски, ударил немца в челюсть — снизу вверх. Немец плюхнулся на землю.

— Вставай! — сказал Чертыханов, свирепея.

Парашютист мгновенно вскочил и, вскинув подбородок, вытянул руки по швам.

— Уважаешь силу-то, сволочь,— сказал Чертыханов.

— Не трогай его, он может пригодиться нашим разведчикам.

Крупный десант был выброшен меньше чем за десять минут. Кругом по лесу, приглушенная ветвями деревьев, слышалась перестрелка. Рвались гранаты. Руководить боем в такой обстановке не было никакой возможности: каждый боец действовал по своему усмотрению.

Человек шесть немцев — им удалось сгруппироваться,— опасливо оглядываясь, двигались в нашу сторону веером. Разрывные пули, ударяясь в стволы, щелкали, как удары бичей. Нам пришлось залечь и отстреливаться. Немцы тоже залегли. Стреляли они редко: экономили патроны.

Я сказал Чертыханову:

— Возьми трех бойцов. Зайдите им в тыл...

— Не давайте им подняться,— попросил Прокофий. Он толкнул в бок одного бойца, второго, молча приглашая их за собой, и поспешно отполз в сторону, в кусты. Мы помогали им огнем, прижимая немцев к земле... Они так и не поднялись...

Я обернулся назад, услышав бешеную стрельбу и треск разрывных пуль. Один из парашютистов, стреляя, приземлялся прямо на дорогу. К нему трусили, спотыкаясь, ополченцы Столяров, Лукашов, Казанский. Я приподнялся и крикнул им:

— Стойте! Стойте!! — Но они не услышали моего голоса, им, должно быть, хотелось взять немца живьем.

Десантник, приземляясь, упал на бок, парашют, точно надутый ветром, протащил его метра два и свернулся белой тряпкой. Немец вскочил на колени и выстрелил в подбегавших к нему ополченцев. Лукашова косо качнуло в сторону; неверно переставляя длинные и худые в обмотках ноги, он сделал несколько шагов и очками ткнулся в пенек. Столяров, точно налетел с ходу грудью на какое-то препятствие, получил удар и, взмахнув руками, опрокинулся навзничь. Казанский сунулся за ствол старого дуба и вынул из-за пазухи телогрейки бутылку с зажигательной смесью.

Немец, отстегнув себя от парашюта, ошалело вращался на одном месте и стрелял во все стороны наугад. Затем он прыгнул к дубу, прижался спиной к стволу, поспешно перезарядил автомат и стал стрелять через дорогу в лес короткими очередями.

Казанский, невысокий, толстенький, вывернулся из-за ствола и, подпрыгнув, шлепнул бутылкой по железной каске немца. Жидкость воспламенилась мгновенно. Парашютист, охваченный огнем с головы до ног, закричал дико и страшно и побежал, ничего не видя, в лес — живой факел,— упал, вскочил и опять побежал, все время пронзительно вопя, пока кто-то из бойцов не добил его...

Прибежала Нина, запыхавшаяся, в расстегнутой шинели, пилотку держала в руке, и волосы, растрепавшись, бились на плече, как крыло черной птицы. Она была бледна, но не испугана.

— Такое сразу началось, Дима, я даже растерялась немного,— заговорила Нина, подходя ко мне.— Стрельба началась сразу во всех местах. Я боялась больше своих, чем немцев: ополченцы кидали гранаты куда попало, потому что у них ничего другого не было, кроме гранат. Я видела, как три человека швырнули гранаты в одного парашютиста. Все три гранаты разорвались у его ног... Мы с дядькой Федотом скрылись под телегой. Я указывала, где приземлялся парашютист, а он стрелял в него из винтовки. Он ведь таежный охотник и стреляет очень метко...

Она говорила все это торопливо, сбивчиво, излишне возбужденно. От возбуждения на щеках проступил живой, удивительно чистый румянец — как заря. Я смотрел на нее и чувствовал, как все, что произошло здесь, в этом лесу, вся эта трагедия, откатывается куда-то за пределы человеческой мысли, эта мысль вдруг очистилась от крови, от убийств, от человеческих болезненных криков, от вражды. Она стала чистой и ясной...

— Дима, почему ты молчишь? — с некоторым изумлением спросила Нина.

— Николай Сергеевич убит,— сказал я глухо.

— Какой Николай Сергеевич?

— Столяров. Наш учитель.

Нина, прижав ладонь к щеке, в испуге отступила от меня.

— Как? Не может быть!..— В этих коротких словах выражено было все: и наша преданность ему, и благодарность за то, чему он нас учил, и то, как он здесь очутился, и почему из всех, кто здесь находился, погиб именно он.

Столяров лежал на том же месте, где свалила его очередь немецкого парашютиста. Лежал он на спине, подогнув под себя одну ногу; его чуткие и выразительные руки отброшены были в стороны, и сквозь несомкнутые веки еще блестели его глаза...

Неподалеку бойцы нашего батальона и ополченцы рыли братские могилы для погибших.

Для Нины это было так внезапно ошеломляюще, что она, подходя к убитому, чуть не упала, споткнувшись на ровном месте. Она опустилась на колени и долго, с удивлением и ужасом, смотрела на желтое, недвижное и покойное лицо, еще не веря, что он мертв. Знакомые черты, такие порывистые, меняющиеся каждую секунду, выражавшие тончайшие оттенки движения души, голос резкий, повелительный и томительно проникновенный, взгляд глаз, грозный и насмешливый, ум глубокий и человеколюбивый — все, что вселяло в нас, учеников, радость осмысления жизни и творчества, ушло из жизни безвозвратно...

Перестрелка в лесу давно утихла. Лишь изредка где-то далеко прозвучит выстрел — там выслеживали одиноких парашютистов. Десант был уничтожен. Тридцать семь человек взято в плен. Но я знал, что убито и ранено было много наших, особенно из ополченцев: они были безоружны.

Ко мне подбежал Браслетов, порывисто, не скрывая бурной радости, обнял.

— Живой, Дима? — крикнул он, стискивая меня в объятиях.— И я, видишь, уцелел! Ну, черт возьми, попали мы в оборот!.. Никак не ожидал... Знаешь, с меня фуражку сбили пулей.— Он снял с головы фуражку.— Смотри, дыра...— Верх фуражки прямо над звездой был пробит: стреляли, видимо, с земли.— Если б взял на несколько сантиметров ниже, то — в лоб. И прощай, моя жена!.. Но и я в долгу не остался: двоих в воздухе срезал. С третьим столкнулся грудь в грудь. Выстрелить не успел, ударил автоматом. Немец свалился

и потерял сознание. Хотел пристрелить, но раздумал, обезоружил его, связал руки стропой... Сейчас он пожалует сюда...

Двое бойцов подвели пленного, молодого офицера с белесыми бровями на мертвенно-бледном лице. Он посмотрел на меня внимательно и бестрепетно: ему было теперь все равно, что с ним сделают. Связанные за спиной руки затекли, и я сказал:

— Развяжите его.

Освободив руки, немец пошевелил пальцами, сжимая их в кулаки и разжимая. Затем осторожно притронулся к виску — месту удара,— откуда сочилась кровь.

По лесу, словно молчаливые тени, бродили наши бойцы. Они собирали оружие, выгребали из сумок убитых галеты, шоколад, сухой спирт, консервы, снимали с рук часы, вытаскивали парабеллумы. Некоторые разрывали парашюты на запасные портянки...

— Как дела, лейтенант?— спросил я подошедшего к нам Тропинина. Лейтенант понял, о чем я спрашиваю.

— Убито четырнадцать человек, товарищ капитан.— Он глядел мне в глаза прямо, не мигая, огромными, побелевшими от тоски глазами.— Убит командир второй роты лейтенант Оровецкий. Раненых — более двадцати. Ополченцев я исключаю.

Я повернулся к парашютисту.

— Лейтенант, допросите пленного,—сказал я.

Тропинин стал разговаривать с парашютистом, свободно задавая ему обычные и необходимые на войне вопросы. Чужая речь, которой я наслышался, блуждая по смоленским лесам вокруг деревень, занятых немцами, резала слух остро и больно, вызывая желание зажать уши.

Офицер удивленно улыбнулся, услышав родной язык; на вопросы отвечал охотно и спокойно, понимая, что для него все потеряно. Он объяснил, что точного количества людей в десанте он не знает, но что было посажено в самолеты и выброшено не менее трехсот человек, пожалуй, даже больше. Задача десанта заключалась в следующем: выбросившись в районе Серпухова, перерезать дорогу Москва—Тула, захватить переправы через Оку, если окажется возможным, захватить Серпухов или вызвать в городе панику, таким образом дать возможность войскам сделать стремительный рывок на Москву.

— Вы были уверены, что такую задачу выполните?— спросил я.

— Да,— спокойно ответил немец.

— Такими силами?

Парашютист, пожав плечами, взглянул на меня с некоторым изумлением, поражаясь моей наивности.

— Конечно,— сказал он.— Мы знали, что после окружения ваших войск под Вязьмой Красная Армия перестала существовать. Оставшиеся ваши войска окончательно деморализованы, и при появлении любого немца они или бегут, или сдаются в плен. Поэтому мы были уверены в успехе.

— Какой нахал!— сказал пожилой ополченец.

— Погодите,—сказал я.— Дайте поговорить... Вы были убеждены сами, что Красная Армия уничтожена, а оставшиеся войска деморализованы?

— Да, прежде всего сам,— сказал немец.— В этом не так трудно убедиться. Если наши войска за две недели прошли восемьсот километров, окружая большие скопления ваших войск, то Красная Армия бессильна против нашего железного натиска. Ну и пропаганда, конечно, поработала, чтобы убедить нас в этом...

— Вы уверены, что Германия победит Россию?— спросил я. Немец чуть улыбнулся.

— Конечно. Это неизбежно.

— А то, что отряд ваш, который должен был захватить целый город, уничтожен полностью, это вам о чем-нибудь говорит?

— Это чистая случайность,— ответил немец, не задумываясь.

Лейтенант Тропинин и комиссар стали выяснять у пленного, с какого аэродрома они сделали вылет, намереваются ли еще сбросить десант и тому подобное.

— Нина, перевяжи ему голову,— сказал я и отошел от них.

Прокофий Чертыханов, шагая сзади меня, проговорил с нескрываемым изумлением:

— Вот ведь черт! На краю смерти стоит, а все равно твердит свое: Германия победит. А мы говорим: победим мы. Выходит, чья вера сильнее, а, товарищ капитан?

— Выходит так,— ответил я, направляясь к дороге, где остановились четыре грузовика с бойцами в кузовах.

Из кабины передней машины выпрыгнул капитан, невысокий, щуплый, с тонкими и желчными губами и с ошалелыми, остановившимися глазами. Он подбежал ко мне спотыкаясь: длинные полы шинели захлестывали ему ноги.

— Что за люди?— крикнул он визгливо, паническим голосом, то ли от страха, то ли от излишнего возбуждения.— Что это за люди, капитан?— Он озирался на толпившихся по обочинам дороги бойцов и ополченцев.

— Наши, советские люди,— сказал я.

— Что это за ответ?!— крикнул капитан так же визгливо.

— А что за вопрос?— сказал я спокойно.— Вы же видите: это бойцы маршевого батальона, а те, что постарше, без формы и без оружия,— московские ополченцы. Еще что вам надо знать?

Капитан вскинул на меня свое лицо, маленькое, с острым носиком, с тонкими губами и маленькими, глубоко запавшими глазами — лицо недоразвитого и ограниченного человека.

— В этом районе был выброшен немецкий воздушный десант,— сказал капитан.— Вы знаете об этом?

— Воздушный десант уничтожен,— сказал я.

— Как?—Капитан был чрезвычайно удивлен: он прибыл со своим отрядом на борьбу с десантом, а десанта нет.

Я понял, что с ним надо разговаривать мирно, разъяснительно, как с ребенком.

— По стечению обстоятельств десант был выброшен именно в том месте, где находились наши батальоны. Поэтому он и был уничтожен.

— Весь?

— Не знаю. Лес большой, могли и скрыться...

— И вы так спокойно сидите! — крикнул капитан.— Враг у нас в тылу, а вы спокойно сидите?

— Вот вы теперь с ним и боритесь,— сказал я.— Мы спешим к фронту.

Лейтенант Тропинин, подойдя, доложил, что раненых двадцать восемь человек, из них много тяжелых, и что их надо немедленно отправить в госпиталь.

Капитан встал, чтобы идти к машинам. Я задержал его, сказал как можно мягче, по-свойски:

— У тебя четыре машины, выдели одну, чтобы отвезти раненых. Хотя бы до Подольска. Пока вы прочесываете местность, она вернется.

— Конечно, отправлю,— проворчал капитан.— Не бросать же их здесь...

— И имей в виду, что у нас тридцать семь человек пленных. Мы их тоже передаем вам. Среди них тоже есть раненые.

— Пленных я немедленно отправлю в Москву,— сказал капитан, направляясь к машинам.

Он подал бойцам, находящимся в кузовах, команду, и те, соскочив на землю, разделились на две группы и неровными цепочками пошли в лес по одну сторону от дороги и по другую, тут же потерялись в мглистом и сыром лесном сумраке.

Я сказал Тропинину, чтобы он готовил батальон к маршу, а Чертыханова попросил разыскать командира батальона ополченцев.

Это был пожилой, кругленький и грузный человек с черными крошечными усиками под носом; новенькая шинель перетянута новыми же ремнями.

— Здравия желаю, товарищ майор,— сказал я, подходя к нему.

— Здравствуйте, товарищ капитан,— ответил майор.— Спасибо вам, ребята. Если бы не вы, парашютисты перебили бы моих старичков, как цыплят.— Он снял фуражку и вытер платком глубокие пролысины на лбу.

— Могу я вас попросить, товарищ майор? — обратился я к нему.— Будете хоронить своих людей, захороните заодно и наших. Мы и так задержались в пути...

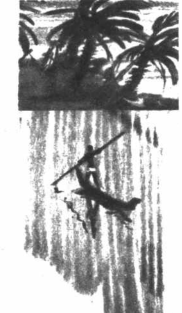
— Да, да, конечно,— сказал майор поспешно.— Мы это сделаем... Еще раз спасибо, капитан, за выручку...

Черное солнце

Гауссу ДИАВАРА

Мали

ДОБРОТА МОЕГО КРОВА

Дом моего детства!
Ты на берегу памяти,
Как на берегу пруда:
Отражение живо твое,
Покамест не выпьет земля
Пруд моей деревни
Или кровь моего сердца...

Моя земля! Я слышу в тишине
Твой голос ласковый —
он верный друг мой!
И где б я ни был, он поет во мне,
Как голос моря в раковине
круглой.

Дом моего детства!
Ты — мой альбом.
Я с волнением листаю тебя.
Вот хижины — как копий острия,
Над крышами дымы —
как голубые лесенки на небо.
Вот пальмы беспокойные —
Импалы,
К земле прикованные...

Вот аисты. Им чужд земной уют —
Величественна стройность
их полета.
Вот у реки купальщики поют,
И блещет берег щедрой
позолотой.

Дом моего детства!
Щепоть земли с порога твоего —
Мой талисман.
И где б я в мире ни был,
Со мною
Доброта родного крова!

ГИМН СОЛНЦУ

Закатное солнце красно,
Как белый человек в бане.
В закатный час напрасно
Ждать солнце в желтом тюрбане.

Желтым бывает солнце,
Когда приходит торнадо,
И в эту пору солнце
Розовым видеть не надо.

Бывает розовой каплей
В момент рассвета светило.
Глядите! К лиловому уху
Небо его прицепило.

Солнце бывает разным:
Розовым, желтым. И все же
Под платьем — самым красным —
Солнце мое — чернокоже!

Так говорят в деревне
Черные старики,
Рассевшись в тени деревьев
Вечером у реки...

Солнце мое, послушай!
Остановись! Постой!
Я отдаю тебе душу
За право ходить под тобой.

Души моей не коснется
Звезд ночной фейерверк.
Я поклоняюсь солнцу
В наш атомный век!

Прекрасна наша планета,
И, глядя с восторгом вокруг,
Я верю в победу света,
В крепость сердец и рук.

Сестры мои и братья,
Вера моя крепка.
Идемте же вместе к правде,
Как к огню маяка!

ТОРНАДО

О том, что близится торнадо,
Мир сообщает, не тая:
В тяжелых тучах, как в балладах,
Все сказано: от «А» до «Я».

Как шкура тигра, шкура неба:
Разводы молний, влажный блеск.
Полоской траурного крепа
Чернеет за рекою лес.

Торнадо плачет, завывает
И, в ярости, без лишних слов,
В витой шнурок рывком свивает
Громады пальмовых стволов.

А баобаб в ладонях веток —
Могучий, добрый великан —
Качает, словно малых деток,
Седых крикливых обезьян.

Торнадо! Близится торнадо!
Шумит ручья веретено,
И песни пенных водопадов
Пьянят, как крепкое вино.

Крестьяне в хижинах томились —
Безводье, духота, жара,—
Покуда добрый дождь-кормилец
Не хлынул словно из ведра.

Последний день перед потопом.
Певучи птицы, как стихи.
В деревни по овечьим тропам
Отары гонят пастухи.

Торнадо! Близится торнадо —
Каникулярная пора.
Вот, первым струям ливня рада,
Бежит из школы детвора.

Под гул дождя теперь придется
Ей сказки сказывать,— и вдруг
В великом ужасе прижмется
К коленям бабушкиным внук.

В печи огонь — макет пожара,
Сверчки стрекочут в тишине,
И чья-то робкая гитара
Мурлычет песню, как во сне.

ВЕЧЕР

Умер день...
И с неба бронзового,
Синего и розового,
Распластанного над землей,
Как окаменевшая Сахара,
Пала звездная тень
На круглые хижины деревень.

Умер день...

Ветра вечернего пальцы
Пальмовые прически портят.
Птицы — пальм постояльцы —
Взволнованно вертятся на ветках.
Стоят
Мечтательные цапли.
Над трубами дымы, как сабли,
Стоят.

Умер день...

Вот прилетело эхо:
Это
Гребцы на пироге,
На прохладной речной дороге.
Там выныривают из желтого ила
И плывут,
Качаясь на серой волне,
Зеленые крокодилы...

Умер день...

Вижу я
В полумраке вечера,
Как идут к своим хижинам
Мужчины и женщины.

Ночь луну выкапывает,
На небо выкатывает...
Аромат папоротника
Над землей агатовой.

Перевел с французского
Давид МАРКИШ.

ДОГОНЯЙТЕ ЛЕТО!

Уходит лето.

Единственное место, где еще можно его поймать,— юг, Черноморское побережье.

Сказано: дыхание правды сурово, но чисто, омоем в нем наши сердца. Омоем и не будем строить иллюзий, будто в гостинице вас ждет номер с видом на море, а в столовых и кафе полно свободных столиков. Увы, все эти проблемы как стояли, так и стоят незыблемо. Впрочем, зыбь в виде толики новых гостиниц, пансионатов и торговых точек появляется каждый год. Но что зыбь, когда нужен девятый вал! Спрос превышает предложения.

Правда, если не в следующем, то еще через год в жизни так называемой неорганизованной отдыхающей массы произойдет большое событие. Должна, наконец, родиться Пицунда — курорт новый, современный, первоклассный, такой, о котором многие мечтают давно. Это будет курорт для тех, кто не хочет тратить свой отпуск на мелкий лечебный ремонт (занимайтесь им дома, в поликлиниках, на ходу!), а хочет просто отдохнуть. И тут Грузинское курортное управление, строящее и оборудующее Пицунду, обещает много хорошего: двухместные комнаты в гостиницах-пансионатах (их будет семь, 14-этажных), морской вокзал, курзал, зимний бассейн с подогретой водой, специальные пищеблоки и много других удобств.

Три тысячи человек одновременно смогут пользоваться благами Пицунды, ее бирюзовым морем, ее душистой сосной. И при этом не думать ни о хлебе насущном, ни о крыше над головой.

Чем еще порадует в ближайшие год-два Грузинское курортное управление на побережье от Сухуми до Леселидзе?

В Гаграх — большой морской бассейн, чтоб можно было получить свою порцию моря и зимой.

В Гудаутах — гостиница-пансионат на 200 мест...

Вот, собственно, и все для несанаторных отдыхающих. Из республиканского бюджета, предназначенного на здравоохранение, большего для курортного строительства не выжмешь.

И все же больше оптимизма! Еще никто из так называемых неорганизованных, диких отпускников не возвращался с юга не солоно хлебавши морской воды. В худшем случае — несколько дней мелких мытарств, и все образуется.

Теперь дышите глубже, забудьте, сколько вам лет, какие у вас заслуги перед человечеством, и полностью отдайте себя во власть моря, солнца и пальм. Вы в Абхазии, или, как ее называют сами абхазцы, в Стране Души — Апсны. Пусть это не самое благоустроенное место на всем побережье, но оно теплее и экзотичнее других. И если вы за экзотику, за любопытство к древностям, за бурную игру воображения,— в Абхазии все это получите сполна. Ночью вам будут сниться крутобокие каравеллы с алыми парусами, близнецы — диоскуры Кастор и Поллукс, эти бойкие древние греки, основавшие на абхазском берегу город Диоскурию...

Правда, Диоскуры — легенда. Но утром, когда нырнешь в воды Сухумской бухты, то сквозь призрачные блики в воде появятся зыбкие очертания самых что ни на есть настоящих городских руин. Это уже реальность, исследованная и доказанная абхазскими гидроархеологами. Известно, что античный город Диоскурия, открытый у берегов Сухуми, служил главным пунктом торговых связей между древней Элладой и Кавказом.

...Чем бы ни был заполнен ваш отдых в этих благословенных местах — Гагра, Пицунда, Новый Афон,— помните: давным-давно зажег здесь свой очаг человек. Он искал тепла. Кому этого не хочется и теперь?

Поэтому догоняйте лето в Абхазии...

Ия МЕСХИ
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Чем не экзотика!..

Догорел еще один день в Новом Афоне.

Для тела и для души...

Солнце...

«Дикарь» на выдумку хитер.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ДВА ИНТЕРВЬЮ О ЛЮБЕЗНОСТИ

В 33-м номере «Огонька» был опубликован репортаж «Экспедиция за любезностью». Наш корреспондент побывал в двух точках, где каждый рассчитывает найти прежде всего любезность: ресторан, магазин. К сожалению, этой единственно приемлемой формы обращения с посетителем, покупателем, клиентом он не встретил. Автор поделился своими некоторыми соображениями.

Сегодня мы публикуем два интервью по поводу этого выступления журнала.

К. БЕЛЯКОВ, заместитель начальника Управления общественного питания Государственного комитета по торговле Совета Министров СССР:

— Тема о любезности, поднятая «Огоньком», чрезвычайно важна. В стране насчитывается свыше 180 тысяч предприятий общественного питания. Почти 90 процентов из них переведены на самообслуживание. В остальных — это около 20 тысяч — имеется обслуживающий персонал. Возьмем самую скромную цифру — по три — пять официантов или официанток на точку. Получается армия в шестьдесят — сто тысяч человек, главная обязанность которых — быть приветливыми, вежливыми, любезными. Но согласитесь, что этим качествам нужно учить. Так вот, к сожалению, официантам просто негде учиться. За исключением Москвы и Ленинграда, Министерство торговли РСФСР почти нигде не открыло специальных курсов для официантов. Многие рестораны сами набирают учеников, но методы обучения там, конечно, самодельные. Между тем в Чехословакии, например, существуют двух-трехгодичные школы официантов, метрдотелей, работников гостиниц. Одну такую школу я видел в Карловых Варах. Обучают там многому, в том числе иностранным языкам, экономической географии, даже психологии и уж, конечно, в первую очередь любезности. Очень полезно было бы завести такие школы и у нас.

Почему приходится так долго ждать заказа в ресторанах?

Мне думается, что дело тут не столько в системе «мой столик — не мой столик». И не в том, что подолгу официанты простаивают у кассы: во многих ресторанах они сами выбивают чеки, а в конце дня отчитываются (правда, кое-где касс маловато и на одну приходится по четыре официанта). Дело, на мой взгляд, в другом. Прежде всего малы раздаточные помещения, и официант вынужден долго ждать получения посуды, закусок. Какой же выход? Во многих ресторанах для каждого официанта завели сервант с посудой. Теперь ставим серванты-холодильники, чтобы официант мог хранить там запас напитков. Опытные образцы таких сервантов уже начал выпускать Киевский завод. Целесообразно было бы завести витрины-холодильники для холодных закусок.

И. ПЛАТОХИН, заместитель начальника Главного управления торговли Мосгорисполкома:

— «Огонек», конечно, прав, утверждая, что покупатели еще часто жалуются на нелюбезность, невежливость, подчас даже грубость продавцов. Но у нас есть и чем гордиться, продавцам есть у кого поучиться. Зайдите, например, в магазин «Малыш» на улице Горького. Его продавцы не просто любезны, а предельно внимательны к покупателям, они даже знакомы с их семьями, они советуются с женскими консультациями, поликлиниками. Загляните в магазины «Марина», «1000 мелочей», «Кинолюбитель» — уверяю вас, там вы встретите образцы любезности.

Мы испытываем большую нужду в продавцах. Хотелось бы видеть за прилавком образованных, культурных молодых людей, способных любезно обслужить покупателя. И что же оказывается?

Почти ежегодно мы проделываем такой эксперимент: в старших классах некоторых школ пробуем вводить необязательную дисциплину «Торговля», чтобы пробудить интерес к этой специальности. И слышать не хотят! Доходит до того, что родители стараются перевести своих детей в другие школы, опасаясь, что из них сделают продавцов.

Теперь о форме оплаты труда продавцов. Мы давно об этом думаем, спорим. Сейчас продавцы получают в зависимости от товарооборота, от процента выполнения плана и, надо сказать, зарабатывают неплохо. Ввести систему оплаты в зависимости от количества проданных предметов? Что ж, над этим стоит подумать. Во всяком случае, мысль, поданная «Огоньком», заслуживает серьезного рассмотрения.

Что касается общественного «контроля любезности», то такое уже было. Года три назад существовали при многих магазинах общественные советы, избиравшиеся из числа постоянных, живущих поблизости от магазина покупателей. Как правило, это были люди заслуженные, уважаемые, доброжелательные. Работали они систематически и больше всего следили именно за культурой обслуживания. К сожалению, такие советы были упразднены и заменены общественным профсоюзным контролем. Контролеры же почему-то своей главной обязанностью считают только внезапные проверки: обмер, обвес, обсчет. Но ни они, ни государственные инспектора вопросами культуры обслуживания не интересуются. А жаль...

ОТ РЕДАКЦИИ

Итак, товарищи признали, что любезности, вежливости, приветливости в сфере обслуживания явно не хватает. Признали. И что же? В своих интервью они, к сожалению, не высказали почти никаких конструктивных предложений, не сообщили читателям, что же предпринимается и что будет предпринято для того, чтобы сфера обслуживания превратилась в подлинную сферу советского сервиса.

«Огонек» выступил с конкретными предложениями. Может быть, они неприемлемы и их следует заменить другими? Может быть, есть, например, другие формы материального поощрения работников торговли, сферы обслуживания, но такие, которые находились бы в прямой зависимости от, выражаясь условно, любезности? Хотелось бы услышать об этом, и притом обязательно с позиции покупателя, клиента.

Нет, разговор о любезности не закончен. Редакция ждет его делового продолжения. Советский сервис должен быть создан. И как можно скорее.

Дина ТЕРЕЩЕНКО

Горошина

В каждом из нас
есть хорошее.
Есть
хоть с горошину.
А горошину посадить можно,
вырастить.
Дело не сложное.

Память

Закат покидает столицу.
Торопится нынче закат.
Опять мне сегодня приснится
с войны не вернувшийся брат.
Не будет во сне похоронной,
а будут, как в дни до войны,
на улице нашей зеленой
девчонки в него влюблены.

Увижу, как дверь распахнется,
услышу шагов его звон...
Помашет рукой, усмехнется,
в толпе затеряется он...

Обелиски

Хутор.
Домик над малой речушкой.
Банька старая на задах.
Переполненные теплушки
в задыхающихся поездах.
Сколько в памяти сохранилось
в сердце врезавшихся примет!
Сохранили их и схоронили
за плечами завьюженных лет.
Схоронили мы самых близких.
А кому-то война нужна.
В каждом городе обелиски.
Обелиски!
Была война.

Олекса ЮЩЕНКО

„Морское око" в Карпатах

К небу взмыв зеленые вершины,
За горою дыбится гора,
Будто моря пенные глубины
Взволновали буйные ветра...

Волнами застыли предо мною,
Неподвижно высятся в тиши.
В сумерках иду крутой тропою.
Ни огня. Ни звука. Ни души.

Густо обрамленное ветвями,
Красотою землю окрыля,
Озеро сияет меж горами,
Будто колыбель из хрусталя.

Горы подымаются высоко,
А когда-то море было тут.

Видно, потому «Морское око»
Озеро бездонное зовут.
Буки, пихты, сумрачные ели...
Чащи леса тёмны и глухи.
Над водой прозрачной загустели
Голубые заросли ольхи.

Око смотрит пристально...
Как будто
Хочет взором небо пронизать.
А вокруг взметнулись горы
круто —
Им дубы столетние под стать.

Ветки их колышутся в тумане,
И немая эта тишина
Может, словно буря в океане,
Душу всю перевернуть до дна.

Я давно не кланялся вам, горы,
Не смотрел в глаза вам
с давних пор.
Потому-то на меня с укором
Смотрит око... Око синих гор.

Перевел с украинского
Леонид Вышеславский.

Николай ДИМЧЕВСКИЙ

Шоссе

Бетон и бирюза —
шоссе над Енисеем.
Бетон живет труднее бирюзы.
Спит бирюза внизу,
а по бетону
змеем
вползает туча, полная грозы.

Дорога дерзости!
Сквозь красоту и скалы —
тревожным росчерком,
трубящей белизной!

И синева Саян,
как грань кристалла,
пробита и сквозит
дорогою сквозной.

Но впереди
еще тайга и топи.
Там все сначала —
трактор
и топор.
Идти,
зарубкой отмечая тропы,
лесную шубу драть с плеча у гор,
вести грузовики за облаками,
где грозен храп ветров
и зол мотора стон,
чтоб острие дорог
прошло между веками
и с красотой Саян
спаялся наш бетон!

З. ХИРЕН

Женщина из Дигоры

К вечеру снежные шапки Казбека порозовели, и хотелось глядеть и глядеть на них. Позади остались глубокие и пасмурные ущелья, речка Урух — на вид тихая, но при первом же ливне кипучая, бурная, что твой Терек,— редкий лесок, приютившиеся над пропастями аулы. Где-то тут поблизости и Дигора, вчера — селение, а нынче — город.

...Увидев ветхую библиотечную книгу, мы безошибочно заключаем: на полках не залеживается. И вот, оказавшись в Дигоре, я попросил заведующую библиотекой Риму Калабекову показать именно такие книги. Хотелось получить представление о том, что здесь, в Осетии, читают.

Рима, знакомя с зачитанными книгами, сказала, что следует обратить внимание не только на их внешний вид, но еще на одно обстоятельство: «Есть тут книги и моих земляков». Подала два толстых тома романа. На одном — название «Осетины», на другом — «Навстречу жизни». Это был роман писательницы Езетхан Уруймаговой. Назывался он поначалу «Осетины», но при последующих изданиях стали его именовать «Навстречу жизни».

— Интересно, в каком году был издан роман?

— Первый том — в 1948-м, а второй — в 1958 году.

Впрочем, по внешнему виду не отличить, какая из книг раньше вышла.

Оба тома, как говорится, зачитаны до корешков.

Рима Калабекова заметила, что это наиболее благополучные экземпляры, есть и похуже, но они на руках.

О чем роман? Писательница решила поведать миру о судьбе своего родного осетинского народа, небольшого, но храброго, отважного, выбравшего себе место под солнцем среди этих вот величественных гор и пасмурных ущелий. Да, слово «ущелье» звучит здесь как «улица», «проспект», «площадь». Люди, знакомясь друг с другом, спрашивают: «А вы из какого ущелья?» И в ответ слышат знакомые названия. Да, чтобы жить в этих местах, от человека требуется многое. Все добывается в борьбе с суровой, непримиримой и безжалостной природой. События в романе разворачиваются в начале девятисотых годов, а должны были завершиться нашими днями. Но писательница дошла лишь до 1910 года... Перед нами проходит гряда трагедий, драм, горьких человеческих разочарований и светлых надежд, гряда характеров — сильных, несгибаемых, слабых и хлипких.

Кто же такая Езетхан Уруймагова?

— Она жила на той же улице, где живу и я,—ответила Калабекова.— Это жительница нашего селения, училась тут, у нас, затем учительствовала.

Когда вышел первый том, писательница приехала в Дигору, и мы устроили конференцию читателей. Думали сперва собраться в библиотеке, но куда там: пришли сотни людей, почти все взрослое население. Но не думайте, что это была обычная читательская конференция. Автору пришлось нелегко. Многие хвалили ее, но это большей частью те, которые считали себя родственниками положительных героев. Но на собрание явились и предполагаемые родственники отрицательных героев. Эти требовали от писательницы ответа...

И хоть роман посвящен событиям далеким, давним временам, а говорили о нем, о его героях так, будто дело идет о нынешних днях.

Езетхан Уруймаговой, как я вам сказала, пришлось нелегко. Конечно, ей было интересно узнать, что думают односельчане о ее романе, но надо было еще убедить их, что она вовсе не собиралась выводить в романе реально существующих людей, что все обиды неосновательны: это просто совпадение, никого из живых, реальных жителей она не описывала, ведь надо учесть, что в годы, которым посвящена книга, она, Езетхан, только на свет появилась.

Но, к сожалению, все эти увещевания не могли остановить разгоревшиеся страсти.

Рима Калабекова, рассказывая обо всем этом, заметила, что, по ее мнению, наверное, многие писатели позавидовали бы Езетхан.

Прошло немало времени с тех пор. В Дигоре все меньше и меньше остается сверстников героев романа, но все равно, как вы убедились, интерес к книге не угасает.

Рима познакомила меня со старейшим здешним педагогом заслуженным учителем РСФСР Александром Майрановичем Базаевым и со многими другими товарищами и подругами писательницы. Вместе с ними Езетхан тут училась, вместе затем учительствовала.

— Езетхан, Езетхан... Мы ее просто Лизой называли, она дочь нашего крестьянина,— сказал он и протянул снимок.

Езетхан еще совсем маленькая, ее отец в черкеске с начищенными газырями: кинжал, папаха; мать в черном платке, в черной широченной юбке, подпоясанной узким кавказским ремешком. Но основную площадь снимка занимает великое множество маленьких девочек. Это сестрички Езетхан, и в те времена считалось это в крестьянской семье бедствием. А почему? На девочек землю не нарезали. Семья жила впроголодь.

— Как Езетхан стала писательницей? На этот вопрос, знаете, ответить нелегко,— улыбается собеседник.— Бывало, придет ко мне и говорит: послушайте, я вам почитаю отрывки из своего романа. Ну, знаете, люди мы все занятые, а в руках у нее толстая-претолстая общая тетрадь. Нет, отвечаю, как-нибудь в другой раз придешь.

А она не обижается, еще и еще раз является со своими отрывками. Куда ж тут денешься, надо слушать. Послушал и поверил, что Езетхан задумала что-то очень серьезное. Однако оценить по-настоящему ее литературный талант никто у нас не смог. Езетхан затем уехала, училась в Орджоникидзе... А потом узнаем: в свет вышел ее роман. Вскоре привезла она его нам, и возродилась наша старая дружба. Езетхан часто приезжала сюда, продолжая работать над второй частью романа, о многом спрашивала, советовалась. Нам всем, конечно же, было лестно, что из нашей учительской среды вышла писательница.

Я спросил, не сохранились ли еще фотографии Езетхан, и мне показали много снимков. Разглядывая один из них, вспомнил, что где-то однажды я встречал эту женщину. Но где, когда?

Александр Майранович сказал, что в городе живет дочь писательницы Лемза. Лемза-то и помогла мне вспомнить, где я встречал Езетхан.

Лемза Порфирьевна работает сейчас в городе Орджоникидзе, в осетинском театре. Узнав, что я интересуюсь судьбой Езетхан, она сказала:

— Вы лучше поймете все, когда почитаете письма Николая Семеновича Тихонова к моей матушке. Вот они.

И я принялся читать эти письма. Их оказалось довольно много. Одно было датировано 1941 годом. И, взглянув на эту цифру, выведенную рукой поэта, я как бы вновь окунулся в Ленинград тех грозных дней. Гулкие коридоры и лестницы Смольного, вооруженные люди и среди них Николай Семенович Тихонов, похудевший, осунувшийся, в помятой гимнастерке, но, как обычно, веселый, остроумный.

...И вот я читаю последнюю строчку тихоновского письма осетинской писательнице: «Спасибо Вам за статью Кирова. Она мне пригодится».

Тут я вспомнил, в каком стихотворении поэт воспользовался статьей Кирова. Было это вскоре после войны. Случайно встретились на Черном море с Н. С. Тихоновым. Он тогда много писал и часто читал свои стихи мне. Я стал просить их для «Огонька», но Николай Семенович отказался. Он собирался в Ереван, затем в Тбилиси и вот почти перед самым отъездом обещал написать мне в Москву. Вскоре получаю один за другим два толстых пакета. Письма от Николая Семеновича и вместе с ними стихи, обилие прекрасных стихов. Поэт прислал их из Сагурамо: «Приветствую Вас из такой глуши, где я живу почти без всякой связи с миром. Сижу и работаю с утра до вечера. За окном дождь и холод. Обложен тучами, как Казбек. «Киров на Казбеке» в цикл не входил, но его можно печатать вместе. В основание этого стихотворения положено подлинное описание восхождения Сергея Мироновича на Казбек, сделанное им 9 августа 1910 г. и описанное им в статье, напечатанной в газете «Терек» № 3815 от 2 сент. 1910 года. Я нарочно сохранил в стихах его ощущения, и поэтому в стихотворении есть известная романтичность, как дань времени...»

Теперь-то понятно, где и когда я увидел Езетхан Уруймагову. Весной 1949 года у Николая Семеновича в Москве встретил я тихую женщину, приехавшую к поэту по своим литературным делам. Тогда я понятия не имел об их переписке. Запомнилось, как Николай Семенович делился с гостьей впечатлениями о своих давних путешествиях по Северной Осетии и как предложил ей свои записные книжки, которые, как он сказал, ему не понадобятся, а ей могут пригодиться для второй части романа, в которой писательница намеревалась вывести Сергея Мироновича Кирова.

— Знаете,— сказал я Лемзе,— теперь-то я убежден, что был знаком с вашей матушкой, видел ее у Тихонова. Тихая, скромная женщина.

— Как бы не так!—рассмеялась Лемза.—Тихая.—И Лемза стала рассказывать о том, как мать сражалась, отстаивая каждую строчку своего романа, защищая его от несправедливых редакторских вторжений.— Несмотря на тяжелую болезнь, мама до последних дней жизни продолжала трудиться над романом. Вторая часть вы-

шла незадолго до ее смерти. Авторский экземпляр принесли ей, когда она уже не вставала с постели, и все-таки она приподнялась, прижала к груди книгу и заплакала. Этот экземпляр я отправила затем Николаю Семеновичу Тихонову. Я просто знала, что точно так поступила бы и мать. Первый экземпляр обязательно послала бы ему.

Вернувшись в Москву, я позвонил Николаю Семеновичу. Рассказал о встрече в Дигоре и попросил разрешения опубликовать в «Огоньке» письма, которые он в течение многих лет писал Езетхан Уруймаговой.

Николай Семенович предложил встретиться. И вот мы сидим за его громадным письменным столом и сверяем с перепечатанными на машинке старые письма, привезенные мной из Осетии. Прошло много лет, натыкаемся на две строчки, которые машинистка не разобрала. Николай Семенович долго старается разобрать свои же строчки. Но это и ему с трудом удается. Затем Николай Семенович достает из книжного шкафа тот самый первый экземпляр посмертного издания, о котором говорила мне Лемза. Поэт читает вслух письма Езетхан:

— «Вы знаете, когда я была маленькой девочкой,— писала она Тихонову,— я завидовала поповской прачке Устинье: она говорила по-русски, пела, читала по-русски...»

Представляете себе теперь, что значило для этой женщины написать два тома прекрасной русской прозы,— обращается ко мне поэт.

Я же, слушая все это, думаю о том, какую громадную роль сыграли в судьбе простой горянки письма Н. С. Тихонова. Он писал ей много лет подряд и даже в самые грозные дни ленинградской блокады.

Вот некоторые из этих писем...

«Уважаемая товарищ Уруймагова!

Очень рад был Вашему известию о том, что Вы продолжаете работать над романом и даже так хорошо, что кончаете уже первую книгу.

Если Хетагуров предлагает Вам читать в обществе литераторов серьезных, то читайте отрывки, и слушайте, что они Вам скажут, и напишите мне, что они сказали.

Мы с Вами обсудим их советы и посмотрим, что делать.

Если речь идет о чтении просто любителям или читателям, и хотя бы «где-то там», то читайте, если хотите, и тоже ничего не меняйте, не написав мне. Очень я боюсь, по правде, чтобы скороспелая критика Вам не повредила или не убила в Вас желания продолжать работу. Со случайной критикой и так бывает, что она сразу же берет дубину, да еще самую толстую.

Если буду в Москве, а эта возможность у меня выяснится в первой половине мая, то обязательно позвоню Вам.

Крепко жму руку — Н. Тихонов.
29 марта 39 г.».

«Уважаемая Елизавета Алексеевна!

Простите великодушно, что я вовремя не ответил на Ваше письмо. С 30/XI до сегодняшнего дня я находился на работе на фронте и не мог отвечать на письма.

Конечно, я хочу прочесть Ваш роман. Мне страшно интересно, что у Вас получилось в результате такой упорной и долгой работы.

Вы можете или переслать мне рукопись, или же, если я буду в апреле — мае в Москве на несколько дней, Вы мне передадите ее в Москве.

Но лучше, я думаю, Вам прислать ее мне. Это вернее и спокойнее. Я быстро ее прочту и сейчас же отвечу. Война окончилась — и теперь я найду время отвечать вовремя. Очень рад, что Вы не бросили начатого труда. Уверен, что есть много интересного в том, что Вы сделали.

Не смущайтесь размера — сократить всегда можно.

Н. Тихонов.
28 марта 40 г.».

«Уважаемая Елизавета Алексеевна!

Я прочел Ваш роман, не отрываясь, но с карандашом в руке. Вот мое мнение. Из Вас выйдет настоящий прозаик, реалист с хорошим глазом, добрый мастер. Уже одно то, что Вы справились с целой толпой разнообразных героев, свидетельствует о врожденном чувстве композиции, смелые сцены, где Вы не боитесь впасть в мелодраму или в гиньоль, сдержаны тактом и только кое-где требуют редакторской правки.

Осетинский быт начала XX века представлен подробно, занимательно, серьезно. Женщины очень удались Вам. Ну и мрак, скажу я Вам, была та жизнь. С другой стороны, неизгладимая природная красота, та, о которой старик Толстой писал в «Казаках» («А горы»...), в своей юношеской повести, у Вас является эпическим фоном...

Я теперь дрожу над Вашей рукописью, как Плюшкин, с одной стороны, ее надо отдать какому-нибудь писателю на редактирование, а может, именно и не писателю, под моим, конечно, наблюдением; с другой, боюсь, чтобы ее не повредили такие поправщики.

Я веду переговоры и с издательством и с журналом «Звезда». Убрать нужно из рукописи частые у Вас излишне красивые выражения, вроде: сея в воздухе печаль и уныние, стаями улетали птицы в теплые края. Почистить надо отдельные неточные выражения. Я подчеркивал их в тексте. Кое-где надо сократить, несомненно. Так, напр., не нужны рассуждения об убийцах (стр. 331) и др.

Это все мы сделаем общими силами, но от Вас нужно окончание этого тома, чтобы считать роман законченным.

Еще раз хочу принести Вам свои поздравления по случаю окончания такой ответственной работы. Мне очень хочется увидеть Ваш роман в печати и снова перечитать, но уже в книге или в журнале.

Крепко жму руку — Н. Тихонов.
28 мая 1940 г.».

«Дорогая Елизавета Алексеевна!

Как дела с Вашим романом? Вы еще не сообщили мне, что Вам окончательно сказали в издательстве «Советский писатель», и я не знаю, чем у Вас там кончилось. Это раз. Во-вторых, я очень бы хотел иметь экземпляр рукописи, хотя бы тот, что был у меня, да если бы Вы его немного почистили своею собственной рукой.

Я хочу попытаться устроить роман в журнал «Звезда», так чтоб он мог начать печататься с нового года. Это было бы самое естественное. После журнала уже не было бы сомнений в издательстве, а в журнале за его печатанием я бы последил сам.

Я могу и поговорить с редакцией и порекомендовать его с чистой совестью. Вы правы и в том, что не надо дополнять образ Сергея Мироновича неправдоподобными, выдуманными подробностями, и там, где он у Вас появляется, это самое естественное его появление. Таким образом, я жду письма Вашего и рукописи. Я уже в Ленинграде, и адрес у меня старый, Вам известный.

Выражение «бороться за роман» означает только, чтобы Вы не соглашались на неправильные замечания критиков и не портили сделанного поспешными «исправлениями» и «дополнениями», а также чтобы Вы не падали духом от первых неудач на пути издания романа. А мы с Вами добьемся, что роман будет напечатан. Вы потихоньку поправляйте его стиль и отдельные главы.

Желаю успеха.— Н. Тихонов.
9 сентября 40 г.».

«Милая Елизавета Алексеевна!

Приветствую Вас и желаю Вам в этом году увидеть Ваш роман, хоть по частям — в журналах, а полностью — в книге, в издательстве...

Но мне хочется знать, какие уже изменения Вы внесли в тот экземпляр, что у меня на руках. Вы, вероятно, для издательства в Москве уже начали окончательную обработку текста. Сообщите мне, какие главы Вам самой хотелось бы сохранить в «Звезде», и подскажите мне для начала порядок глав, чтобы повествование не рвалось на совсем отдельные куски, а чтобы центральная, ведущая нить повести была непрерывной.

Так как роман предполагается печатанием во второй половине года, времени у нас хватает, но, конечно, чем скорее мы успеем приготовить текст — тем лучше, можно его будет хорошенько проверить со всех сторон. Очень рад за Вас, что удалось поработать в Осетии, в архивах и на местах, и что Вы полны энергии и желания работать.

Спасибо Вам за статью Кирова. Она мне пригодится. Крепко жму Вашу руку и желаю успеха —
Н. Тихонов.
19 января 1941 г.».

* * *

Эти письма как бы дополняют портрет женщины из Дигоры, дают представление о ее сложном и нелегком писательском труде, о ее целеустремленности. Большой советский писатель Н. С. Тихонов не только прочитал ее роман, но принял близкое участие в его опубликовании, в судьбе автора.

МЕЧТА ОКАЗАЛАСЬ ПРЕКРАСНОЙ

В нашей стране давно известно имя выдающегося английского актера Лоренса Оливье. И вот наконец своими глазами мы видим умное, подвижное лицо артиста, слышим его удивительный рокочущий и гибкий голос, ощущаем живую трепетность его великолепного искусства.

...На полутемной сцене суета, крики. Потрясенный Брабанцо проклинает мавра, похитившего его дочь. Снуют слуги, вот уже сверкнули шпаги. И в это мгновение появляется Отелло-Оливье. Самый вид его поражает. Он в белой рубашке, перехваченной под животом узким поясом, босиком. На черных запястьях — тяжелые браслеты.

Отелло благодушен, умиротворен; он счастлив. И никак не может понять, чем так недоволен Брабанцо. Такая же немного недоумевающая улыбка не сходит с его лица и тогда, когда стоит он перед Советом. Спокойно и гордо рассказывает он о том, как они с Дездемоной полюбили друг друга.

Прекрасны и точны жесты актера, поразительна походка — грациозная, вкрадчивая. Так двигаются только люди, привыкшие пробираться неслышно сквозь тропические заросли. Отелло-Оливье — африканец во всем: и в радости и в страдании. Он человек открытый, эмоциональный. Если он любит, так откровенно, неуемно, страстно. Если страдает, то безудержно и яростно...

Лоренс Оливье не любит давать интервью. И в нашем распоряжении были считанные минуты.

— Какие роли вы предпочитаете — комические или трагедийные?

— Для меня это не имеет значения,— ответил Оливье.— Я с одинаковым увлечением играю драму и комедию, так как убежден, что каждая роль обогащает актера, учит новому.

Так же артист относится и к проблеме «театр или кино». Оба эти искусства он считает очень важными и значительными. Страстно любя театр, он испытал огромное удовлетворение от работы над фильмами «Генрих V» и «Ричард III» по историческим хроникам Шекспира.

Постепенно разговор становится все более непринужденным. Лоренс Оливье рассказывает о тех годах, когда он мальчиком жил в маленьком городке Лечворсте, где отец его служил священником. В школьные годы он с увлечением играл в любительских спектаклях. На одном представлении присутствовала знаменитая английская актриса Элен Терри. Она предсказала юноше актерское будущее. С того времени Оливье и решил посвятить себя театру.

На профессиональной сцене он дебютировал в пятнадцать лет: на родине Шекспира в Стратфорде-на-Эвоне в спектакле «Укрощение строптивой» сыграл... Катарину. После этого учился в Королевской академии драматического искусства.

За сорок три года работы в театре Лоренс Оливье сыграл множество ролей, и среди них Гамлет, Лир, Макбет, Кориолан, Тит Андроник, а наряду с ними Мальволио в «Двенадцатой ночи» и Питер Тизл в комедии Шеридана «Школа злословия». Но когда речь заходит о любимых ролях, артист называет чеховского доктора Астрова.

Последние годы вся жизнь Оливье заполнена заботами о Национальном театре, где он является директором и художественным руководителем. Театр молод — в октябре ему исполнится всего три года. «Цель нашего театра — с максимальной полнотой воплотить в спектакле замысел драматурга. Этому отдаем мы все свои силы и способности...»

На гастролях в Советском Союзе Национальный театр, кроме «Отелло», показывает комедию английского драматурга XVIII века У. Конгрива «Любовь за любовь» и пьесу Г. Бригхауза «Выбор без выбора».

В день открытия гастролей, после спектакля «Отелло», Оливье подошел к рампе и на чистейшем русском языке сказал:

— Товарищи! Нашей мечтой было играть в Москве. И мы благодарим вас, что мечта эта оказалась такой прекрасной.

Л. КАФАНОВА

—Нашей мечтой было играть в Москве.

Фото Риммы Лихач.

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки О. КОРОВИНА

ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА РЕЗИДЕНТА

ПОВЕСТЬ

КРАЖА В ВАГОНЕ 22 АВГУСТА 1961 ГОДА

Скорый поезд Сухуми — Ленинград опаздывал. В купе мягкого вагона ехали четверо.

Пассажир, которого звали Михаилом, возвращался в Петрозаводск из командировки. Павел, севший в Армавире,— радиотехник, жил в Москве. Он в отпуске, был на юге. Пожилые муж и жена ездили в гости к сыну в Сухуми и сейчас торопились в свой несравненный Ленинград.

Обитатели купе смотрели в окно, за которым на черном фоне августовской ночи пролетали огни маленьких станций. Старушка чувствовала себя явно неуютно и посматривала то в окно, то на своих попутчиков с беспокойством.

— Прилично идет. Километров сто, не меньше,— нарушил молчание Михаил.

— Не вижу причин для радости, молодой человек,— откликнулась старушка.

— Антонина Ивановна, так ведь быстрее будете в Ленинграде,— заметил Павел.

Михаил и Павел, как говорится, окружили своих пожилых спутников заботой и вниманием. Старушка с удовольствием принимала их услуги. Особенно хорошее впечатление произвел на нее Павел.

Пора было ложиться спать — время близилось к двенадцати. Мужчины вышли из купе, чтобы дать возможность Антонине Ивановне переодеться. Павел пошел поболтать с проводниками, а вернувшись, принес новость: у одного пассажира в соседнем вагоне украли вещи.

— Безобразие! Распустили воров и хулиганов, житья нет! — возмущалась Антонина Ивановна.

— Дорогая моя, опять ты начинаешь волноваться, ведь тебе вредно, ты знаешь,— успокаивал ее Дмитрий Михайлович, супруг.

— Вредно? Конечно, вредно... Не хватало еще, чтобы обокрали нас с тобой! Нет, нужны более строгие законы. Вспомни, как поступали с ворами в Турции и Китае...

— Дорогая моя, это слишком кровожадно,— возразил Дмитрий Михайлович.

Молодые люди, слушая этот разговор, снисходительно улыбались.

— Антонина Ивановна правильно говорит. Родимые пятна прошлого надо выжигать каленым железом,— подлил масла в огонь Павел.

— Да, в этих вопросах нужна решительная и беспощадная линия,— поддержал его Михаил.

— Вот, вот, вы правы. Но попробуйте это доказать нашим законникам.— Антонина Ивановна бросила сердитый взгляд в сторону мужа.— Вот, посмотрите на него. Юрист!

Юрист, вздохнув трагически, закрылся газетой. Вскоре тема была исчерпана, и разговор погас.

Перед тем как лечь спать, Антонина Ивановна тщательно осмотрела свой чемодан, попросила Михаила задвинуть его подальше в угол багажной полки и предупредила, что дверь купе на ночь надо обязательно запереть. Ответственным за эту важную операцию был назначен Павел...

Утром старушка, проснувшись, первым делом проверила багажник и чуть не лишилась чувств. Чемодана на полке не оказалось. Вместе с ним исчез Павел.

Дмитрий Михайлович суетился, беспомощно разводил руками, виновато поглядывая то на свою супругу, то на растерянного Михаила, и все приговаривал:

— Как же это, а? Что же это такое?

Михаил побежал к проводнику, принес стакан воды, дал Антонине Ивановне попить.

— Вот вам и родимые пятна... Хорош радиотехник! Таких радиотехников вешать надо! — зло говорил он.

Когда Антонина Ивановна пришла в себя, Михаил отправился искать начальника поезда, чтобы заявить о краже.

На очередной остановке о происшествии сообщили в отдел милиции при вокзале.

Капитан милиции, внимательно выслушав заявление о похищении чемодана, проверил паспорта пострадавших супругов и их попутчика, а отныне свидетеля по делу, Михаила Кириллова, и составил протокол происшествия, записав обстоятельства дела и приметы преступника.

— Не волнуйтесь, гражданка, разыщем,— уверенно заявил капитан, протягивая Дмитрию Михайловичу авторучку, чтобы он подписал протокол.

— Нет уж, голубчик, подписывать буду я, а не он.— Антонина Ивановна решительно отобрала ручку у мужа, подвинула протокол к себе и, наклонившись низко-низко к столу, поставила свою подпись.

— Да, товарищ капитан, чуть не забыл,— спохватился Михаил.— Этот тип выдает себя за радиотехника.

Капитан улыбнулся Михаилу.

— Прошу и вас, товарищ Кириллов, подписать протокол.

Михаил Кириллов единым размашистым росчерком поставил свою подпись.

— Благодарю вас. До свидания,— закончил процедуру капитан милиции.

— Но чемодан, чемодан... Ведь там фотографии моего внука! — сокрушалась Антонина Ивановна, покидая комнату милиции.

— Не волнуйтесь, гражданка, разыщем вам чемоданчик,— отвечал капитан.

Пассажиры вернулись в свое купе. Оставшуюся часть пути Антонина Ивановна пребывала в грустном настроении. И теперь уже без всякого удовольствия, скорее даже с некоторым недоверием принимала знаки внимания со стороны Михаила.

В Ленинграде они расстались сухо.

СПУСТЯ ДВА МЕСЯЦА

Поезд пришел в город Н. поздним осенним вечером. Носильщики бросились к вагонам. Один из пассажиров с чемоданом в руке не спеша вышел из вагона и, отказавшись от услуг носильщика, неторопливо зашагал по перрону. Вошел в вокзал, прогулялся по залам, заглянул в киоски и остановился около стойки буфета. Здесь он слегка перекусил и только после этого направился к выходу.

На стоянке такси неторопливый пассажир сел в машину.

— В центр,— бросил он шоферу.

Машина тронулась. Пассажир равнодушно скользил взглядом по мелькавшим на улице освещенным витринам. Вдруг знаком руки приказал шоферу остановиться, вышел из машины, несколько минут постоял около обувного магазина. Оглядел витрину, а потом посмотрел вправо, влево. На улице было пустынно и неуютно. Лишь редкие прохожие стуком каблуков нарушали тишину, да время от времени шуршали шинами еще более редкие автомобили. Как бы приняв наконец решение, пассажир снова сел в такси. Не проехав и с полкилометра, он остановил машину и сказал, что хочет расплатиться. Шофер взял деньги и уехал.

Пассажир остался один в полутемном переулке. Зажав в зубах папиросу, достал из кармана спички и, прикрываясь от ветра, повернулся. Внимательный глаз ничего подозрительного не обнаружил. Пассажир направился к трамвайной остановке, на которой ожидало несколько человек. Он сел во второй вагон последним и, когда трамвай набрал скорость, выпрыгнул из него, свернул в переулок и, уже не задерживаясь, зашагал спокойно, фланирующей походкой. Он ходил по улицам еще минут двадцать. Наконец остановился около дома, огороженного высоким дощатым забором, еще раз осмотрелся и только после этого нажал кнопку. Во дворе громко залаяла собака.

Через несколько минут послышались шаги, и недовольный голос сонно спросил:

— Кого тут носит?

— Откройте, техник из горэнерго,— объяснил пришелец.

— Чего надо?

— Не бойтесь, не съем. Проверка. В вашем районе обнаруживается утечка электроэнергии...

Собака все лаяла.

— Какая утечка? Что за ерунда! Приходите днем.

— Ну что ж, тогда придется с милиционером... Вам же хуже будет.

Угроза подействовала. Хозяин дома цыкнул на пса. Калитка отворилась, ночной гость нырнул в темноту двора. Хозяин, быстро закрыв калитку, поторопился вслед за техником из горэнерго.

— С проводкой у вас в порядке? — осведомился техник, входя в дом.

— Наверно...

— Давайте посмотрим.

Поставив чемодан на пол, техник внимательно осмотрел счетчик, потрогал пломбу, вынул блокнот и что-то записал в него.

Затем приступил к осмотру проводки, обошел все комнаты — их было три — и, покончив с этим, блаженно развалился на стуле в кухне. Он не стеснялся. Его вид и поведение казались хозяину по меньшей мере неучтивыми. Две-три минуты прошло в молчании. Хозяин, обиженно насупясь, решил, видно, первым разговора не заводить и начинал посматривать на непрошеного посетителя с тревогой.

Техник закурил без разрешения. Ему, кажется, здесь очень нравилось, ему некуда было торопиться. Он давно заметил неприязнь хозяина дома и как будто даже наслаждался его мучениями. Наконец он нарушил молчание и задал вопрос, который показался хозяину дома просто издевательским:

— Ну-с, как поживаете?

— Хорошо поживаем. Вы закончили свою работу? — раздраженно осведомился, в свою очередь, хозяин.

— Однако вы не очень-то любезны.

— Я не располагаю временем для любезных разговоров. Если у вас больше нет ко мне вопросов, не смею вас долее задерживать,— сухо отрезал хозяин.

— Вопросы есть. И немаловажные.— Техник продолжал откровенно издеваться.

— Ну, так я слушаю вас.— Хозяин едва сдерживал себя.

— Например, вы не знаете, где обитает ныне...— он сделал паузу,— Леонид Круг?

При этом имени у хозяина дома перехватило дыхание. Сделав над собой усилие, он хмуро произнес:

— Такого я не знаю...

— Жаль. Мне он очень нужен,— как ни в чем не бывало заметил гость.

Хозяин не знал, что делать. Он тупо уставился на «техника из горэнерго» и молчал.

Тогда техник вынул из кармана пиджака зажигалку, демонстративно повертел в руках, как бы любуясь ею, и щелкнул раз, другой, третий. Искры сыпались снопом, но пламя не появлялось. Зажигалка не работала. Техник посмотрел на хозяина и спросил:

— Не найдется ли у вас бензина?

— Автомобильный подойдет? — Голос хозяина выдавал волнение.

— Желательно авиационный.

— Такого нет...

— Тогда давайте автомобильный...

Хозяин, не в силах больше сдерживаться, рванулся к «технику».

— Извините меня, пожалуйста, но вы понимаете...— В волнении он не находил слов.

— Вашей выдержке позавидуешь,— перебил техник.— Давайте знакомиться. Зароков.— И он протянул хозяину руку.

— Дембович, Ян Евгеньевич,— представился хозяин.

— Это ваша девичья фамилия?

— Да.

— Вы, кажется, были завербованы еще в сорок первом?

— У вас точные сведения.

— А с сорок седьмого активно не действовали?

— Нет.

— Ну вот, теперь анабиоз кончился. Я приехал в этот город именно потому, что здесь вы. Кто, кроме вас, живет в доме?

— Никого. Я холост.

— Превосходно. А сейчас спать. Я лягу там.— И Зароков показал на угловую комнату.

Хозяин отправился стелить постель. Гость нетерпеливо следил за его приготовлениями, он чувствовал неимоверную усталость, непреодолимое желание лечь, вытянуться и закрыть глаза.

— Меня не будить. В дом никого не впускать. Поговорим завтра.

— Спокойной ночи,— произнес Дембович и вышел из комнаты. Зароков закрыл за ним дверь.

Дембович, наблюдая в замочную скважину, увидел, как его гость вяло стянул с себя пиджак, вынул из-под мышки правой руки пистолет, висевший на каком-то хитром приспособлении, сунул его под подушку и, не раздеваясь дальше, рухнул на кровать.

Дембович осторожно выпрямился и на цыпочках отправился на свою половину.

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Сегодня вечером шоферу голубой автомашины такси везло. Прошло всего два часа, как он выехал из парка, но сделал десять ездок, и выручка тянула уже на половину плана. Высадив очередного пассажира, он подкатил к стоянке такси, где нервничала в ожидании очередь, человек десять — двенадцать. В очереди произошло некое нетерпеливое движение, кто-то кого-то оттеснил, кто-то сказал: «Нахалы, обязательно норовят...» Но шофер не обратил внимания на скоротечный скандал: все это было ему привычно.

На заднее сиденье водворились двое, и мужской голос повелительно сказал:

— В ресторан, шеф! В самый лучший, если есть такой в этом богопротивном городе. Не обижу.

Шофер обернулся, посмотрел на пассажиров. Голос говорившего показался ему знакомым. Он поправил зеркальце и внимательно оглядел сначала ее, потом его. Девушка была вульгарна. Лицо мужчины, как и его голос, показалось шоферу знакомым. Он вгляделся — и не поверил своим глазам.

— Слушай, шеф, мы когда-нибудь поедем? — спросил пассажир.

— Минуточку,— трогая с места, ответил шофер.

На какой-то малолюдной улице машина остановилась. Шофер вышел, поднял капот, снова закрыл, сел за руль, попробовал завести мотор, но ничего не получалось.

— Ехали мы, ехали...— усмехнулся пассажир.

— Не торопись, «радиотехник» Павел. Деньги промотать еще успеешь,— безуспешно терзая стартер, словно между прочим сказал таксист.

Пассажир положил руку на плечо своей спутнице, бросил коротко: «Выйди»,— и, когда она вылезла из машины, тихо спросил:

— Откуда знаешь?

— Не спеши... Или забыл? Поезд Сухуми — Ленинград. И чемоданчик славной Антонины Ивановны.

— Хочешь сдать?

Таксист, полуобернувшись, посмотрел на пассажира насмешливо, потом показал рукой на ветровое стекло.

— Вон, погляди вперед, что там такое?

Метрах в двадцати светился над тротуаром сине-красный прямоугольник — вывеска отделения милиции. Как раз в этот момент из подъезда отделения вышли три милиционера. Они направлялись в сторону такси.

— Видишь, я мог бы легко тебя сдать,— сказал таксист сжавшемуся на заднем сиденье пассажиру, когда милиционеры миновали их.

— Спасибо, шеф, век не забуду,— скороговоркой прошептал пассажир.— А теперь двигай.

Он приоткрыл левую дверцу, девица села, и машина у таксиста вдруг завелась как ни в чем не бывало.

Всю дорогу ехали молча. У ресторана «Центральный» машина остановилась. Раскрашенная девица вышла первой, Павел остался рассчитываться с шофером. Когда дверца захлопнулась, они посмотрели друг на друга.

— Ну что, узнал? — отсчитывая сдачу, спросил шофер.

— Нельзя так пугать человека,— сказал Павел.— Сдачи не надо... Слушайте, шеф, если память мне не изменяет, вы ехали в Петрозаводск? И зовут вас Миша?

— Память у тебя хорошая, «радиотехник» по чемоданам. Гуляй пока. Может, встретимся. Знаешь, как гора с горой...

— Семь бы лет я тебя не видел.— И Павел вылез из машины, громко хлопнул дверцей.

Михаил не торопился уезжать, хотел посмотреть, что будет дальше. Павел-«радиотехник» остановился в нерешительности с девицей у входа в ресторан, они что-то горячо доказывали друг другу. Во время этого разговора Павел дважды озабоченно посмотрел в его сторону.

В конце концов Павел махнул рукой. Девица затопала по улице, а Павел один вошел в ресторан.

— Свободен?— услышал Михаил голос нового пассажира.

— Еду в парк,— соврал он, быстро развернул машину и дал газ так, что колеса в первую секунду провернулись вхолостую, оставив на асфальте черный след. Он спешил домой, чтобы захватить Дембовича и привезти его к ресторану. Встреча с Павлом была нежданной, но раз уж этот воришка появился на орбите, Михаил Зароков не хотел его терять.

...Павел, войдя в зал, вел себя настороженно. Он занял столик в углу, откуда хорошо был виден вход.

Посетителей в ресторане с каждой минутой становилось все больше,— наступил вечер. Входили парами, по одному и целыми компаниями. Но один посетитель не мог не обратить на себя внимания Павла. Высокий, полнеющий, седой, он не вошел, а вступил в зал. Огляделся с удовольствием, словно все здесь присутствующие были его личными гостями. Когда он приблизился, Павел увидел резкие морщины на его шее. Седой опустился на свободный стул за столиком невдалеке. Павел следил за ним, пока тот не остановил взгляд на его столике. Павел тут же уткнулся в меню. Даже постороннему было заметно, что ему не по себе, хотя он и старался сохранять беспечный вид. Оторвав взгляд от меню, он увидел, что седой встал и идет к нему.

— Вы не против, если я составлю вам компанию? — услышал Павел.

— Сделайте одолжение.— Павел не поднимал головы.

Незнакомец поправил полы пиджака, усаживаясь поудобнее.

— Вы уже заказали?

— Да. Но, кажется, здесь вообще не подают,— ответил Павел.

— Старая привычка: в классных ресторанах раньше всегда было принято не спешить.

Сосед Павла оказался словоохотливым человеком. Он тоном знатока стал рассказывать, как в прежние времена обслуживали в ресторанах. Когда официант принес Павлу закуску, его сосед, не обращаясь к помощи меню, сделал свой заказ.

Павел ел, а сосед посвящал его в традиции ресторанного быта, и голос его звучал почти задушевно. Он был настроен на долгую беседу, а может быть, даже на близкое знакомство.

Павел осмелился предложить ему рюмку водки. Тот охотно принял предложение.

— Вы крайне любезны, молодой человек. Ваше здоровье... Люблю это заведение. Только здесь по-настоящему отдыхаешь. Люблю этот ободряющий звон бокалов.

— Вы здесь частый гость? — спросил Павел.

— А вы разве впервые?

— Я транзитом...

— Тогда вам повезло. Мы в одном из лучших ресторанов города. Здесь не спешат, выдерживают марку заведения. Однако это уж слишком...— Он посмотрел на часы.

Павел предложил выпить еще по рюмочке.

— Я вижу, вы компанейский парень. Давайте в таком случае знакомиться,— сказал сосед.— Куртис.

— Матвеев.

— Чем занимаетесь?

— Ем бифштекс.

Куртис улыбнулся.

Когда официант поставил перед Куртисом его заказ, он налил рюмки и сказал:

— Ну, что ж? За людей свободной профессии.

— Закону не нравится ваш способ существования? — спросил Павел.

Куртис вздохнул.

— О нет! Я вполне лоялен. Получаю пенсию. У меня большой участок,— знаете, яблони, картошка, то, се. Сейчас зима, и я совсем свободен. У меня есть сын, работает конструктором на Урале. Помогает, конечно. Но все это не имеет значения.

Они пили рюмку за рюмкой, и взаимная симпатия росла.

— Значит, вы, молодой человек, проездом? А где же остановились? — спрашивал Куртис.

— Пока приземлился здесь. А дальше видно будет.

— Значит, нигде...— Куртис как будто был доволен, сделав такое заключение.— Я гулял по улице и видел, как вы входили в ресторан. Обратил на вас внимание, потому что вы были с очень яркой девушкой. Где водятся такие красавицы?

— На вокзале прихватил.

Павел вытер губы бумажной салфеткой, помолчал и спросил:

— Между прочим, улица Карла Маркса далеко отсюда?

— Найдем. Могу помочь.

Щедро расплатившись с официантом и стараясь шагать прямо, новые знакомые покинули ресторан. Куртис держал Павла под руку. Они искали улицу Карла Маркса.

Встречный прохожий объяснил, как лучше пройти. Через несколько минут они стояли перед серым трехэтажным зданием. Павел посмотрел на номер дома, огляделся вокруг.

— Побудь здесь.

— Нет, нет. Я с тобой,— запротестовал Куртис.

Они вошли в подъезд, поднялись, держась за перила, на третий этаж, остановились у двери квартиры под номером семь. Павел нажал на кнопку электрического звонка. Дверь открылась, и перед ними предстал мужчина огромного роста, лет тридцати пяти. На нем была морская тельняшка.

— Мне бы Зудова,— спросил Павел.

— Я Зудов,— ответил простуженным голосом человек в тельняшке.

— Привет Боцману.

— Привет,— без всякого энтузиазма откликнулся Зудов, оглядывая Павла суровым взглядом из-под густых бровей.

— Пройдем?

— Валяй здесь.

— Разве так встречают гостей? — обиделся Павел.— Я привез для боцманской трубки табачку. Вот, держи.— И Павел, вынув из внутреннего кармана пиджака небольшой сверток, протянул его Боцману.

Боцман спокойно разглядывал Павла, затем посмотрел на Куртиса.

— Слушай, детка. Трубку я оставил на память милиции. Отнеси туда и табачок.

Павел сунул сверток в карман. В это время открылась одна из многочисленных дверей, выходящих в коридор квартиры, и оттуда с громким криком выбежал мальчик лет трех. Он споткнулся и упал в ноги Боцману. Боцман подхватил мальчишку. Из той же двери в коридоре появилась белокурая маленькая женщина.

— Уловил? — беззлобно спросил Боцман.

Павел не отвечал.

— Еще вопросы есть?

— Мне нужна хата... Всего на несколько дней.

— Ты кто? — спросил Боцман.

— Бекаса слыхал?

— Приходилось... Все один промышляешь?

— Ну ладно, Боцман. Не поминай лихом.

— Идем ко мне, дорогой Бекас,— сказал Куртис, обнимая Павла за плечи.

В одном из переулков они вошли в подъезд высокого дома, поднялись на четвертый этаж. В квартире, куда попал со своим новым знакомым Павел, никого, кроме чистенькой, аккуратной старушки, не было.

Они сняли пальто.

— Располагайся. Будь как дома. Я сейчас.

Куртис вышел.

Через несколько минут старуха накрыла на стол.

Не нужно было обладать особенной наблюдательностью, чтобы понять, что Куртис проявляет к Бекасу повышенный интерес.

— А все-таки какая у тебя профессия? — усаживаясь за стол, спросил он Павла.

— Не пойму, маэстро, к чему этот допрос?

Павел огляделся, как бы опасаясь стен. Куртис это заметил и поспешил успокоить:

— Никто не услышит...

— Хотите, чтоб я покаялся? — спросил Павел.— Но ведь вы не поп, я не грешник.

— Извини, хочу помочь. У меня есть надежные люди. Надумаешь быть с ними — не прогадаешь.

Он еще долго уламывал Павла, и наконец тот сдался, чтобы только отвязаться. Он удовлетворил любопытство новоявленного

друга и рассказал коротко о своей неудачно сложившейся жизни. Куртис слушал, молчал и сочувственно посматривал на него.

— Да, нелегка твоя жизнь. Ну, а что же ты собираешься делать здесь?

— Пока даю показания Куртису.

— А если без шуток?

— Стерегу одного. Думаю в дороге перейти с ним на «ты».

— Оставь его в покое. Могут найтись дела посолиднее. И без разъездов.

— Что мне надо, я нашел. И упускать не собираюсь.

— Но сколько можно стрелять по воробьям? Пока ты молод, это еще годится. А состаришься?.. Плохо одному в старости...

— Что-то ты мне, Куртис, все ребусы подсовываешь, а карандаш прячешь.

— Не торопись,— сказал Куртис.— Я плохого тебе не желаю.

В конце концов они договорились, что Павел пока останется в городе и будет жить здесь, у старушки. По этому поводу они еще выпили. И через час Павел, пробормотав: «Эх, славно получается!» — подошел к кровати, лег, помахал Куртису рукой и завалился спать.

Куртис, подождав минуту, уложил Бекаса поудобнее и вынул у него из кармана сверток, от которого отказался Боцман. Вместе со свертком он извлек маленький золотой медальон; это получилось нечаянно — Куртис мизинцем случайно захватил цепочку.

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

У Зарокова был выходной день, однако встал он рано. Позавтракал. Несколько раз с нетерпением взглянул на часы. Скоро десять, а Ян еще не вернулся. Что могло случиться?

Но вот раздался лай собаки, и Зароков сразу успокоился. По этому лаю он безошибочно узнавал, кто идет: хозяин дома или посторонний.

— В ресторане я его нашел сразу...— раздеваясь на ходу, начал рассказывать Дембович.— Парень стоящий. Фамилия его, если не врет, Матвеев. Трижды судим. Бежал из колонии. Имел здесь явку, но хозяин отказал. Отец был арестован в тридцать восьмом, из тюрьмы не вернулся. Мать — пенсионерка, живет в Москве. У него свои счеты с властями. Дорожит свободой, не любит над собой начальства. Придется с ним еще повозиться, но уверен: можно обломать. Отвез к старухе.

— Идиот! — Зароков вскочил со стула.— Зачем к старухе?! Такое чистое место! Если он вор — может наследить, провалить квартиру. Лезешь напролом, как медведь.

— Но вы же сказали: нельзя его упускать...

— Не хватало только, Дембович, чтобы вы меня поближе познакомили с контрразведчиками, которые интересуются как раз седыми пожилыми людьми, имеющими подозрительные связи.

— Он урка,— как-то нехотя, не стараясь уверить, сказал Дембович.— Я знаю их жаргон. Тут невозможно обмануть.

— Ах, Дембович, Дембович! — сказал Зароков.— Блатному жаргону можно выучиться по книгам. У меня даже был один знакомый художник, немолодой человек, который говорил на жаргоне хлестче любого урки.— Он понемногу отходил.— Надо быть осторожнее. Можешь обижаться, сколько тебе угодно. Но впредь не торопись. А теперь выкладывай по порядку. Как можно подробнее.

Обстоятельно отчитавшись, Дембович положил перед Зароковым сверток, а сверху аккуратно поместил медальон.

— Это было у него. Привез Боцману.

Зароков глядел на сверток с поблескивающим наверху медальоном.

— Можно подумать, что ты в свое время только и делал, что грабил пьяных. Самая неквалифицированная специальность...

— Вы же говорили, что при возможности хорошо бы обыскать карманы.

— Ну, ладно...

Зароков развернул сверток. Там был серебряный портсигар с чернью, совсем новый, а в нем серебряные колечки, тоже с чернью, бирюзовые сережки и серебряный браслет,— видно, все это из какого-то второразрядного ювелирного магазина. Но золотой медальон — тусклый ромб на тусклой золотой нитке — был наверняка из другой коллекции. Зароков подбросил его на ладони, спрятал к себе в бумажник.

— Портсигар ты ему вернешь. Скажешь, взял, чтобы старуху в соблазн не вводить. Про медальон ничего не говори.

Зароков собрал все в портсигар, завернул его в газету.

— Имеет свои счеты с властями, говоришь... Но, боюсь, оплачивает он их не теми векселями, какими ты думаешь...

— Я вас не совсем понимаю. Если вы его подозреваете, зачем он вам?

— Мне будут нужны люди. Если этот человек действительно вор, то лучше иметь такого симпатичного вора, чем другого. Дай бог, чтобы так оно и было. Но надо все проверить. Узнай, кто такой Боцман. Обо мне Бекасу, разумеется, ни слова. Связь с ним будешь поддерживать только ты. Я понятно говорю?

— Вполне... Я назвался ему Куртисом. Старуху предупредил,— отвечал Дембович.

— А что за красавица была с ним?

— Говорит, на вокзале прихватил.

— Ну, хорошо. Надо подумать, куда его пристроить. С улицей следует кончать.

— Устроить на работу совсем нетрудно, были бы документы.

— Будут.

На этом они закончили разговор. Дембович пошел по хозяйству.

...Сам Зароков месяц назад без особого труда устроился в таксомоторный парк — шоферов там не хватало. Уже через несколько дней он знал почти всех парковских по имени.

Работал Зароков, как и все шоферы, через день. С самого начала он постарался зарекомендовать себя как можно лучше. Не спешил уходить домой после смены, подолгу задерживался в гараже, и не было случая, чтобы он отказался кому-нибудь помочь. Скоро о нем заговорили как о хорошем, отзывчивом человеке. Как-то начальник колонны попросил его принять участие в осмотре послеремонтных машин. О чем речь? С удовольствием! И шофер Зароков в свободное время подолгу возился с машинами.

Правда, существовало и еще одно обстоятельство, из-за которого Зароков охотно торчал в гараже. Ему сразу понравилась диспетчер Мария. Ей лет двадцать шесть — двадцать семь. Высокая, темные волосы, серые глаза... Словом, Зароков решил поближе познакомиться с диспетчером и не упускал случая поговорить с нею. Вот почему и сейчас он отправился в парк.

В диспетчерской, которую шоферы называли между собой брехаловкой, было полно.

— Ну вот, еще одна жертва,— громко сказал шофер в серой кепке.

Мария сидела за столом, заполняла кому-то путевой лист.

— Здравствуйте, Зароков,— не поднимая головы, сказала она.

— Ого! Персонально! — сказал тот же шутник.

— Новички-холостячки берут первенство, нам здесь делать нечего,— подхватил другой.— Пошли, ребята!

— Потише, товарищи, мешаете! — зажав рукой микрофон телефонной трубки, крикнула Мария.

— Ну вот, мы уже и мешаем...

Кое-кто поднялся, собираясь уходить. Зароков сел на освободившуюся табуретку, вынул пачку «Казбека», стал угощать.

— Богато живешь. А мы так «Волну» с перекатом,— взяв папиросу, опять пошутил шофер в серой кепке.

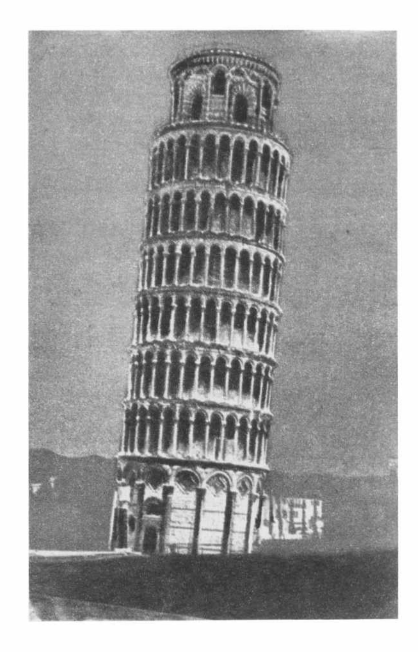
— Как дела, ребята? — спросил Зароков.

— Спрашиваешь, будто не знаешь. План везешь — дела хороши, плана нет — переходи на иждивение жены.

В это время в диспетчерской появился начальник колонны. Все стали расходиться. Зароков пожалел, что разговора с диспетчером с глазу на глаз не получилось, простился и ушел восвояси.

Продолжение следует.

ВОКРУГ БАШНИ

В. ЕРМАКОВ, Л. КОЛОСОВ

Плакучие ивы прячут свои ветви в тени берега. Утренний луч солнца скользнул по дальним холмам и затерялся в море. Стальной трос, подвешенный к консоли, тянет тугую сеть. Бьются в нейлоновой корзинке вытащенные наружу пресноводные рыбешки. Мы сидим, опустив ноги в Арно. Прохладная в эти дни, мутная река тащит в себе все то, что сбросили сюда Флоренция, Эмполи, Пиза...

Здесь разлапистыми протоками завершает свой путь Арно. Маленькая это река или большая? Конечно, было бы странно сравнивать ее с Волгой. Но масштабы страны, где мы живем, необычны. Маленькое на узкой полосе Апеннинского полуострова кажется большим, а века представляются короткими. Когда-то море лизало стены пизанской крепости, но кто помнит, где оно касалось тогда ее камней? Легенда (их выдумывают в Пизе каждый год по сотне) гласит: было время, когда жители города поднимали красные паруса своих бригантин и уходили в море, чтобы привезти потом домой награбленные сокровища. И море обиделось на разбойников. Оно ушло от города.

Легенда? Быль? Кто знает!.. Во всяком случае, старинные хроники подтверждают, что пизанцы любили навещать (не всегда как друзья) чужие города и очень не любили пускать к себе в город соседей. И хотя сейчас дело не в жителях Пизы, но нас, советских журналистов, тоже долго не пускали сюда.

Но в один прекрасный день — так начинаются сказки — разрешили посетить Пизу и нам, корреспондентам «Правды» и «Известий». Пропуск был специальный, официальный, с подписями и печатями. В нем власть предержащим предписывалось «оказывать Владимиру Ермакову и Леониду Колосову всяческое содействие», но категорически запрещалось «вышеупомянутым господам выезжать за пределы города». Нас всегда потешали эти нелепые запреты и ограничения. Нет никакой тайны в конструкции Пизанской башни, мозаика Равенны не представляет собой последних достижений военной техники, бастионы Лукки не являются укреплениями НАТО, а в Пистойе больше не делают пистолеты. Однако по-прежнему нам запрещено пользоваться «автострадой солнца» на всем ее протяжении от Милана до Неаполя, купаться в Адриатическом море и трогать руками альпийский снег. Печальное наследие «холодной войны» касается не только поездок «подозрительных» советских журналистов,— в конечном итоге оно накладывает тяжелые путы на всю сегодняшнюю итальянскую политику.

А наша сказка началась в тот самый миг, когда поздно ночью выпрыгнули мы на перрон пизанского вокзала. Темнота смягчала линии, скрывала морщины времени на стенах домов, делала необычно яркими редкие пятна уличных фонарей. Город двигался нам навстречу, незнакомый и таинственный. В гостинице нас ждал не только портье, но и некий плешивый синьор среднего возраста. Краткие формальности, брошенные в номере чемоданы — и мы отправляемся на первую рекогносцировку. Долго плутаем в узеньких улочках, пробираясь к Арно, задирая головы, разглядываем шпили старинных церквей. Неотступно следует в десяти шагах тень плешивого.

В единственном открытом ночью кафе мы нанесли удар по фондам пизанской полиции. Нашей тени пришлось заказывать холодное молоко и сандвич. А в кафе полно посетителей. Ночные бродяги и таксисты, рабочие вечерней смены и заспанные представительницы самой древней профессии... Разговор идет, естественно, не о достопримечательностях города. Кто-то умер, кто-то попал в аварию, растут цены, не хватает денег. Наш приход обратил на себя внимание. И не потому, что мы были иностранцами, а из-за тени. Видно, местный Шерлок Холмс был хорошо известен в этом районе. В кафе воцарилась тишина. Все с любопытством ждали, что будет дальше.

Дальше, по правде сказать, ничего не было. Мы попросту взяли по хинному вермуту и, подняв воротники плащей — с моря тянуло холодком,— вернулись в гостиницу. Нам очень не хотелось комкать первое свидание с Пизанской башней. На ходу дожевывая сандвич, поплелся к отелю и наш спутник.

Утро ворвалось в распахнутое окно голубиной воркотней, перезвоном колоколов бесчисленных церквей, йодистым запахом водорослей, который принесло море. В холле разноплеменная журналистская братия. Нас ведь пригласили сюда из Рима на ежегодную регату.

А мы ждем своего автобуса. Он подходит к подъезду, огромный, красный, пышущий жаром. Потом мы только поражались, с какой виртуозной ловкостью шофер разворачивал эту махину в узеньких, как траншеи, городских улицах. Они различаются только по названию. Улица Святой Марии, улица Узкого предместья, улица Гарибальдийской тысячи.

Улица раздвигается. Растолкав дома, она вдруг превращается в площадь. Тянутся по земле толстые цепи ограды. Аккуратно подстрижена трава газонов. А посередине площади, будто вырезанная из слоновьего бивня, башня из белого мрамора...

Все мы реагируем по-разному, глядя на это падающее чудо. Француз тихо присвистывает, замолкают шумливые испанцы, американец что-то деловито записывает в блокнот. Мы ищем подходящих сравнений. Невеста в беломраморном подвенечном платье? Жрица, склонившаяся перед вечным огнем? Или просто синьорина, разглядывающая с любопытством маленьких людей, суетящихся у ее ног?

Рождение «кампаниле делла Примациале» стоило жизни ее творцу. Архитектор Бонанно, произведя расчеты, забыл внести поправку на зыбкость пизанской почвы. Едва была закончена кладка первых трех колец башни, она наклонилась. Взбешенные отцы города изгнали Бонанно из Пизы, и он умер в нищете, забытый всеми. Это случилось почти восемь веков назад. Понадобилось еще сто лет для того, чтобы нашелся смельчак, взявшийся исправить трагическую ошибку своего предшественника. Джованни ди Симоне удалось построить еще пять этажей, но водрузить над ними колокольню он не решился. Наклон башни показался ему слишком опасным. Прошло еще полвека, и в 1350 году Томмазо Пизано наконец повесил на кампаниле бронзовый колокол.

А башня продолжала наклоняться понемногу, на какой-нибудь миллиметр в год. Но годы летят быстро, а миллиметры превращаются в более крупные единицы измерения. С 1918 года по 1962 год, подсчитали ученые, она наклонилась еще на четыре сантиметра. Сейчас крен ускоряется. Он уже достигает миллиметра за десять месяцев. И башня может упасть. Это не рекламная шумиха туристских компаний. Это реальность. Приговор ученых, разместивших в фундаменте башни свои приборы, единодушен. Если башню не лечить, то она обязательно умрет. Профессор Колонетти, почетный председатель Национального комитета научных исследований, заявил журналистам, будто катастрофа близка. На пресс-конференции он сказал, что 13 октября 1964 года башня устояла лишь чудом. В этот день над Пизой пронесся ураган. «Нельзя терять ни одного дня,— отметил профессор.— Более сильный ураган может привести к непоправимой катастрофе».

Предлагаются сотни рецептов: уколы бетоном, подведение нового фундамента, замораживание почвы. Предложения итальянских, немецких, французских и советских ученых. Включились — посвоему — в спасение башни и деловые люди из Соединенных Штатов. Проект мистера Бруса Ламберта (Дирплек, штат Массачусетс) поразил всех своей примитивной простотой. Он сообщил властям, что, дабы избавить их от забот и тревог, согласен купить башню Пизы за наличный расчет или в кредит, разобрать ее по кирпичикам, увезти в родную деревню и поставить ее там, в Дирплеке, Массачусетс, чтобы из всех ближайших городов приезжали туда люди и любовались башней, которая, как поется в известной студенческой песенке, «качается, качается, но никогда не падает».

Ему ответила газета «Паэзе сера». Она писала: «Вполне вероятно, что если завтра этот Ламберт увезет с собой башню, то немедленно другой американец захочет купить Миланский собор, чтобы установить его в каком-нибудь Гринлейке, штат Оклахома, в качестве местного туристического чуда. Разумеется, найдется тип, который ухватится и за собор Св. Петра, чтобы сделать из него гостиницу в Скалистых горах. Все это совсем не весело, скорее грустно. Эти американцы имеют чрезмерно коммерческое представление о жизненных ценностях. Они не отдают себе отчет, что башня Пизы — это что-то большее для нас, чем простая башня, что купол Св. Петра и Мадонна Миланского собора не являются только куполом и статуей. Это часть нашей истории, кусок нашей души, доля итальянского сердца. Мы понимаем великолепно, каким образом и почему у американцев сложилась идея, что весь мир может быть куплен. За двадцать лет они привыкли, что, раскошелясь на горсть долларов, можно у политических руководителей, которые должны были бы оставаться итальянцами, купить землю, чтобы установить там свои ракеты. Но в этой связи они не должны строить себе иллюзий: товар, который они приобрели в Италии, скоропортящийся. Политические деятели и правительства приходят и уходят, а башня Пизы, клонясь, все-таки не

Караваджо. 1573—1610. ГАДАЛКА.

А. Мантенья. 1431—1506. ПАРНАС.

падает. И все то, что по-настоящему является итальянским, как эта башня, не продается...»

Нагретая солнцем, бронза колокола теплая, будто человеческая щека. С сорокаметровой высоты вдруг обнаруживаешь, что город маленький и вполне обозримый. Он растекся вокруг петляющей реки, подобрался к морю, разбросал в зелени садов розовые виллы. Город бесценных памятников, город-музей, если хотите. Но и здесь прошла война. О ней напоминают обожженные взрывами остатки древних стен, заплаты набережных, слишком новые улицы и мосты через Арно. Их построили вместо тех, которые были уже не просто мостами, а произведениями искусства. Гитлеровцы взорвали их в сорок четвертом.

Говорят, что церковь, где до сих пор висит маятник Галилея (в этом городе он вслед за Коперником и Джордано Бруно пришел к мысли, что Земля все-таки вертится), уцелела совершенно случайно. Маятник хотели увезти гитлеровцы, а бомбы, падавшие с таким обилием на город без укреплений и военных баз, были в основном американские. Так что здесь, говорили нам, у жителей есть кое-какие неоплаченные счета.

О Галилее здесь много спорят. Всем известно, что он родился в Пизе. Но где? Кто были его родители? Как они попали в город? На какой улице дом, где он родился, церковь, где его крестили? Не один десяток людей ломали голову над ответами на эти вопросы, пытаясь найти решение этой любопытной исторической загадки для того, чтобы раскрыть нашим современникам жизнь великого итальянца во всех ее подробностях. Сначала думали, что отец Галилея был флорентийским офицером, который пришел сюда с войсками купеческой республики, ставшими гарнизоном в городе, где Арно вливается в море. Потом были выдвинуты другие гипотезы.

Мы присутствовали на заседании в местном университете, когда французский ученый раскрыл перед нами пизанское прошлое. Мы вместе с ним словно шагали по старинным улицам, останавливались возле порталов церквей, подсаживали в кареты незнакомых синьор в масках. А француз искал детали жизни Галилея, увлекая нас в свои странствования. Он опроверг прежние теории. В актах 400 нотариусов, которые тогда работали в Пизе, он нашел свидетельство, что отец будущего ученого был скромным учителем музыки. А сам Галилео жил возле Пизанской башни, у своей тетки Доротеи, и учился здесь, в городе, «математическим премудростям и философии греков». Потом выступил другой ученый. Он опроверг своего маститого коллегу и утверждал, что Галилео—аристократ.

Но в общем-то это мирные споры. Нынешние городские дискуссии носят куда более острый характер. И главное, они касаются не тех, кто занимается историей, а тех, кто ее делает сейчас, в наш век, в наш год, в наши дни. Муниципальные советники левых партий отказались в течение 48 часов выходить из здания, где находится орган местного самоуправления. Они протестовали против решения синдика (мэра), который вдруг объявил незаконным одно из решений совета. Это тактика итальянских рабочих: многие левые муниципальные советники Пизы стоят у станка. Они не выходили из зала заседаний так же, как сидели в цехах заводов и фабрик, окруженных полицией, среди тех, кто бастует, кто идет ныне в колоннах уличных манифестаций.

Падающую башню называют итальянским чудом. А недавно было в Италии и другое «чудо»— экономическое. Тогда в какой-то момент даже скептикам показалось, что чудеса действительно существуют. На полную мощность заработали заводы, как айсберг, попавший в теплые воды океана, начала таять безработица, в риторически блестящих речах министров каждым третьим словом было «благоденствие», «благополучие», «благосостояние». Мы помним плакат—его выпустили демохристиане: возле угла дома розовощекий, улыбающийся мальчонка. «Благосостояние за углом»—гласила подпись. Кто теперь вспоминает о таких плакатах? Все лопнуло, как мыльный пузырь. С заводов начали выгонять рабочих, заработали с максимальной нагрузкой судебные исполнители по описи имущества у тех, кто не смог внести очередной взнос за купленную в кредит малолитражную машину или телевизор...

Сейчас о «чуде» не вспоминают. Более того, говорить о нем считается признаком дурного тона у тех, кто когда-то трубил о «капиталистическом ренессансе», «потенциальных силах капитализма» и т. д. и т. п. Да, во времена итальянского «чуда» сократилось число безработных и количество забастовок; да, многие из тех, кто не был тверд в своих классовых убеждениях, переметнулись в противоположный лагерь. Но те шесть миллионов, которые голосовали за коммунистов в момент экономических неурядиц, превратились в восемь миллионов в период экономического «чуда». Нет, не ради лишней тысячелировой бумажки не выходили из зала заседаний левые муниципальные советники Рима, Милана, Турина, Пизы...

Предки пизанцев были воинственными людьми, а нынешние жители Пизы защищают мир.

Некоторые весьма ответственные за политику Италии люди, приезжавшие в США, говорили о «полном понимании» американских деяний во Вьетнаме и Доминиканской Республике. А Пиза была одним из первых городов, который внес свою лепту в те 141 миллион лир, что были собраны на госпиталь для вьетнамских добровольцев, отстаивающих свою свободу. В Пизе вышли на улицу тысячи людей разных профессий и неодинаковых политических убеждений, чтобы осудить Соединенные Штаты, начавшие пахать чужое поле в Доминиканской Республике. У пизанцев сохранилась воинственность. Может быть, как зов крови далеких предков. Это иногда случается. Наверное, не зря каждый год в Пизе устраивается регата. По улицам скачут на конях игрушечные рыцари, едут скрытые под вуалями их дамы сердца, несут бутафорское оружие бутафорские оруженосцы, а на Арно, превратившейся то ли от засухи, то ли от изменения масштабности времени из великой реки в обычную речку, идут игрушечные морские бои.

Итальянцы стали мудрее и жизнелюбивее. Поэтому и госпиталь для Вьетнама, и марши мира, и столкновения с полицией. Пизанскую башню построил не министр обороны, не министр иностранных дел и даже не премьер-министр— ее строили люди с мозолистыми руками и гением созидателей. Вот поэтому, когда у нас кончился срок пропуска, специального, официального, с подписью и печатями, мы сели в поезд и уехали из этого волшебного города с уверенностью: итальянский народ готов бороться за то, чтобы бесценным памятникам человеческому гению никогда не угрожало разрушение...

Пиза — Москва.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

О НАСУЩНЫХ ПРОБЛЕМАХ

Можно забыть имена некоторых героев Гайдара, но нельзя забыть требовательного мужества «Судьбы барабанщика» и «Военной тайны», благородной гражданственности «Тимура и его команды», неповторимого лиризма «Голубой чашки». Могут исчезнуть из памяти какие-то подробности жизни Павки Корчагина, Андрея Птахи, Виктора Безайса, Левинсона или Метелицы, Давыдова или Андрея Соколова, но никогда не исчезнут из сердца те вечно живые семена, которые заронены этими образами, потому что всходы их именуются просто и гордо — советский характер.

Свою новую книгу критик Семен Трегуб назвал «Спутники сердца»[1].

Много написано о В. Маяковском и Н. Островском. Но включенные в книгу С. Трегуба статьи, посвященные жизни и творчеству великого советского поэта и пламенного писателя-большевика, читаются с интересом. Эти статьи привлекают прежде всего страстностью и абсолютной ясностью концепции, логикой аргументации. Анализ творческого пути В. Маяковского и Н. Островского — тоже поле идейного сражения. И С. Трегуб ведет его бескомпромиссно и целеустремленно.

С большой любовью, с глубоким проникновением в особенности творчества написаны статьи о безвременно ушедших от нас поэтах Д. Кедрине, В. Стрельченко, А. Копштейне. Читатель, особенно молодой, будет признателен критику за статьи, запечатлевшие живые черты человеческого и творческого облика М. Горького, А. Толстого, М. Шолохова, Н. Асеева, Э. Капиева.

Хочется особенно отметить несколько статей С. Трегуба, составивших вторую часть книги. «Письмо товарищу», «Трудно быть поэтом», «Только ли верить?», «...Рассыпались разные гладиолусы...», «Полемические заметки» — все эти статьи, написанные в последние годы, представляют собой подлинный образец нелицеприятного разговора критика о самых насущных, самых острых проблемах идейности и художественного мастерства нашей литературы.

Не всякому критику, даже весьма активно работающему в литературе, легко составить книгу из своих статей. Точнее говоря, собрать написанное и выпустить в свет под одним переплетом, конечно, нетрудно. Но конгломерат материалов, а именно книга-произведение, проникнутое единством мысли, идеи, замысла, последовательностью целей, логикой борьбы, проходящей сквозь годы литературной деятельности,— такая книга получится далеко не у всякого критика.

Она получилась у Семена Трегуба.

Юрий ИДАШКИН

[1] Семен Трегуб. Спутники сердца. «Советский писатель». Москва. 1964.

КЛАССИК ЭСТОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Имя крупнейшего эстонского писателя Антона Таммсааре (1878 — 1940) стоит для эстонцев в одном ряду с именами Льва Толстого и Федора Достоевского. Богатство и целенаправленность гуманистических идей и образов его произведений дают основания для таких параллелей.

Критическая направленность повестей и новелл А. Таммсааре уже в первые два десятилетия XX века снискала ему заслуженную славу в прогрессивных читательских кругах. Еще более широкую известность на родине и за ее пределами принесли ему в 20—30-е годы романы «Хозяин усадьбы Кырбоя», «Я любил немку» и «Новый нечистый из пекла», пьесы «Юдифь» и «Королю холодно», эпопея «Правда и справедливость» — широкое полотно, раскрывающее глубины человеческих страстей, сочетающее высокий трагический накал с комизмом обыденности.

Хорошим подарком для русского читателя будет подготавливаемое издательством «Художественная литература» собрание сочинений Антона Таммсааре в шести томах. Подписка уже объявлена. Собрание сочинений выйдет в 1966—1967 годах.

МИФЫ ДВУРЕЧЬЯ

Недавно на прилавках книжных магазинов появилась интересная книга — «Мифы и легенды древнего Двуречья». Тем самым был восполнен пробел в популяризации и систематизации малоизвестных легенд, героических сказаний и народных преданий одной из великих цивилизаций древности.

Духовная культура древней Греции и древнего Рима дошла до нас уже в систематизированном виде. Вавилонская же литература стала известна с середины прошлого века, а большинство произведений на шумерском языке — только в наше время.

Книга состоит из трех разделов. В первом из них помещены мифические рассказы, характеризующие космогонические представления населения Междуречья. Из этого раздела мы узнаем о происхождении мира, о первых людях, об их борьбе за свое существование. Во втором разделе даются пересказы легенд и сказок о подвигах героев. Третий раздел знакомит читателя с хурритскими мифами о борьбе богов за верховную власть.

Самый интересный миф в сборнике — рассказ о подвигах могучего героя Гильгамеша, который стремится познать вселенную.

Из V тысячелетия до н. э. пришли к современному читателю легенды и мифы, популярно изложенные составителем книги Д. Г. Редером. Они расширяют наши представления об одной из древнейших культур.

В. ЦВЕТКОВ,
этнограф

Д. Г. Редер. Мифы и легенды древнего Двуречья. «Наука». Москва. 1965.

Фото Г. КОПОСОВА.

Лев КОКИН

ЕНИСЕЙСК

— Где вы делаете свой доклад, профессор?
— Под Туруханском, профессор. А вы?
— За Подкаменной Тунгуской.

Вполне правдоподобный разговор.

Стоит раздвинуть шторы на окнах — в аудиторию ворвется солнце. Одним махом сотрет с экрана замысловатые пики графиков, придаст научному сообщению голословный характер.

Девушка в очках повествует об опытах с мимозой (—Mimosa pudica,— говорит она по-латыни); в этих опытах удалось показать внутреннее сходство движения листьев с работой мышц у животных.

Аудитория — вся внимание. Вопросы и высказывания разрешаются лишь после доклада, но, нарушая регламент, пытается прервать докладчицу на полуслове мощный радиоголос:

— Приготовить швартовы к машинному отделению!

По ту сторону штор уже которые сутки тянутся лесистые берега: здесь села редки, а пристани того реже. Их названия знамениты: Туруханск, Игарка... Цепляясь за створные знаки, точно это зарубки на таежной тропе, речной лайнер «Чкалов» идет Енисеем все дальше на Север.

Перед рейсом на борт теплохода грузили обычные классные доски и проекционные аппараты с экранами. Пассажиры поднимались по трапу с портфельчиками в руках — точно корабль превращался в плавучую школу. А собственно, так и было, с тою лишь особенностью, что учителя и ученики в этой школе непрерывно менялись местами, и почти каждый ученик хоть раз да выступил в роли учителя, и почти каждый учитель хоть разок да почувствовал себя учеником.

Не семь пар чистых и семь пар нечистых — на этом ковчеге отправились в плавание по широкому плесу науки биофизики три с половиной сотни ученых людей: биологи и химики, физики, математики, инженеры и врачи. Вавилонское столпотворение — в отличие от описанного в библии — должно было начаться, едва ковчег отчалит от берега. Оно было запланировано — и оно началось. В этом, право же, нет ничего удивительного. Разноязычие — кара божья, якобы обрушенная на библейский люд за отважную попытку воздвигнуть башню до небес,— стало мучением современной науки с ее куда более дерзкими устремлениями.

В самом деле, любая крупная научная проблема требует ныне объединенных усилий ученых разнообразных профессий. Проблема — крепость. Самозабвение пехоты, могущество артиллерии, хитроумность саперов равно необходимы при осаде, и все это — в четком взаимодействии. Между тем, говоря словами физика Оппенгеймера, сегодня человеческое знание напоминает огромное зеркало, разбитое на мелкие кусочки, каждый из которых по-своему отражает мир. И чем дальше, тем мельче становятся осколки, тем труднее понять друг друга ученым: ведь каждый стремится все глубже заглянуть в свой осколок познания. И чем дальше, тем становится острее потребность в объединении, вызывая к жизни синтез наук, подобных биофизике.

Эта наука формируется на наших глазах, по сей день еще нет единого мнения, что она собой представляет. Биологи-экспериментаторы и прежде пользовались физическими методами. Однако биофизика — не только методы исследования, но еще и приемы мышления, анализа, заключения, которые свойственны представителям точных наук. Биофизика изучает свойства и особенности живого, понимание которых требует физического, физико-химического, физико-математического мышления. Молодая наука экспансивна. Ее владения непрерывно ширятся. Фактически биофизика есть не что иное, как завтрашняя биология.

Впрочем, на заключительном заседании Енисейской конференции — проходило оно на берегу, в педагогическом институте города Енисейска,— известный химик академик М. М. Шемякин отстаивал еще более широкий взгляд на будущее биологии. «Физики и математики,— говорил он,— уже в значительной мере нашли общий язык с биологами, тогда как химия явно недостаточно представлена в этом содружестве. Будущее науки о живом — физикохимическая биология».

* * *

На главной палубе конференц-корабля — доска объявлений. По утрам здесь людно: участники конференции выбирают, кого сегодня пойти послушать. Чтобы в общих чертах представить себе, о чем говорят ученые, можно наметить оптимальный маршрут по кораблю — с заседания на заседание, с одной секции на другую.

Первая секция («Управляемое культивирование микроорганизмов») расположилась в судовом ресторане. Скатерти на столах, графины с водой, яркие таежные жарки в вазах. Когда бы не это, да не две каймы берегов за окнами, да не дрожь, поднимающаяся временами откуда-то из корабельных недр,— все было бы в точности, как в зале любого института.

ИЕ ДИСКУССИИ

Микроорганизмы — бактерии, грибы, водоросли — отличаются поразительной скоростью роста. Пульт управления процессами роста расположен внутри живой клетки. Руководитель секции член-корреспондент АН СССР Н. Д. Иерусалимский сравнил регуляторный аппарат клетки с электротехнической схемой, начиненной сопротивлениями, конденсаторами и т. д. Если начинку изъять, наступит короткое замыкание, клетка погибнет. Но изъятие отдельных элементов лишь меняет схему, позволяя ученым добиваться полезных нарушений в регуляции обмена веществ. Уже получены виды бактерий, способных удвоить свою биомассу за двадцать минут. Иными словами, снимается урожай сам-восемь в течение часа!

Ученые обсуждают не только принципиальные возможности, но и конкретные технические решения: конструкции биокультиваторов — установок для выращивания микроорганизмов. Это, пожалуй, уже и не биофизика, а биотехника — зачатки будущей биопромышленности, где живые клетки станут звеном производственного конвейера...

К дверям музыкального салона — он находится этажом ниже — прикреплена бумажка с загадочной надписью «Эритрон». На председательском месте (у белого рояля) — член-корреспондент Академии наук Г. М. Франк. Врачам, биохимикам, биофизикам, физикам впервые удалось собраться вместе, чтобы со всех точек зрения рассмотреть работу сложной системы, внутри которой протекает жизнь эритроцитов — красных шариков, составляющих основную массу крови.

Крохотные вагонетки-эритроциты доставляют тканям по кровеносным сосудам кислород из легких, а на обратном пути вывозят углекислоту; они транспортируют питательные вещества по маршруту органы пищеварения — ткани и отходы — по маршруту ткани — органы выделения. Непрерывно действует эритроцитный завод в красном костном мозгу и цех по переработке износившихся эритроцитов в селезенке, где расположено также резервное эритроцитное депо. И все это производственно-транспортное объединение — система эритрон — очень чутко отзывается на любые изменения в организме. Наблюдая за работой эритрона, как диспетчер на железной дороге, врач мог бы следить за состоянием всего организма.

Но изображение на эритронном экране условное, закодированное. Если, скажем, у человека появилась опухоль, это, конечно, отразится и на крови. Но как? Врачу необходимо научиться разбирать этот шифр, чтобы одержать важную победу над многими тяжелыми заболеваниями, в том числе над раком. Чтобы ставить диагноз в самом начале болезни.

...Индустриальное получение белков микробиологическим путем — и ранняя диагностика рака. Понятно ли, почему эти проблемы оказались соседями на конференц-корабле? Что между ними общего? И что связывает обе эти проблемы с третьей, также обсуждаемой по соседству, в секции № 3, — с проблемой создания замкнутой экологической системы (ЗЭС)? Например, как в замкнутом объеме космического корабля обеспечить жизнедеятельность его экипажа во время дальнего — очень долгого! — полета в космосе.

Для биофизика эти мостки очевидны. Все это, на его взгляд, системы круговорота веществ. Саморегулирующаяся система! Этот термин понятен теперь и биологу и врачу — не говоря уже об инженере.

Биофизика интересует, как работают регуляторные механизмы. Как они действуют на самых различных уровнях — от микроскопической клетки до гигантского биологического сообщества — земной биосферы, то есть, попросту говоря, всего живого на Земле. Таков размах новой науки.

И мириады эритроцитов в крови самоуправляются по тем же законам, что и любое другое биологическое сообщество. С существенной, правда, разницей: регуляторные механизмы эритрона поразительно совершенны и свободно размещаются, например, в объеме мыши. Инженерам — творцам биокультиваторов или ЗЭС космического корабля — покамест остается мечтать о подобных конструкциях...

На корме обсуждаются проблемы биолюминесценции.

О свечении живых организмов писал еще Аристотель. Мерцают пни-гнилушки в лесу, посверкивают светляки. Богаты светящимися существами морские глубины. Однако в общем-то свойство люминесцировать присуще ничтожной части живых организмов. Так считалось до последнего времени, пока не был обнаружен совершенно новый вид люминесценции — сверхслабое свечение, свойственное, по-видимому, всему живому.

«Нам только кажется, что внутри нас мгла,— говорит один из ученых, увлекшихся новой проблемой,— а на самом деле все живое насыщено светом солнца, который запасен в биохимических соединениях в виде химической энергии и прорывается наружу как сверхслабое свечение».

Исследователи заметили, что интенсивность свечения неодинакова для различных тканей, для нормальных и раковых клеток — это раскрывает практические возможности (в диагностике, при определении качества пищевых продуктов и пр.) — хотя до сих пор непонятно, что же все-таки оно собой представляет, само свечение: средство связи между клетками или простую утечку энергии.

Так или иначе, теперь в руках ученых новый источник информации о протекающих в живой клетке процессах. Его удалось обнаружить, применив высокочувствительные фотоэлектронные установки, и дальнейшее использование метода, который сулит раскрытие все новых интимных тайн природы, связано с созданием еще более совершенных приборов.

Многочисленными и разнообразными приемами атакуют биофизики живую материю. Но это могущество не без слабости. «Чем богаче научный арсенал, тем обильнее информация, эта пища науки, и тем труднее переваривать ее прежними методами,— говорил на енисейской конференции член-корреспондент Академии наук Г. М. Франк.— Поэтому следующий наш рубеж — создание машинной биологии, когда с помощью электронно-вычислительной техники мощные потоки информации будут обрабатываться автоматически».

* * *

Седьмая секция заседала сверх программы.

Ее участников, собиравшихся на верхней палубе, интересовало действие ультрафиолетового излучения на кожный покров биофизика, что, естественно, требовало ясной погоды. После пересечения Полярного круга седьмая секция получила возможности для непрерывной круглосуточной деятельности.

Как ни важна официальная часть конференции, как ни интересны поставленные на ней доклады, любое научное совещание в не меньшей степени привлекательно своими кулуарами. В непринужденных, вольных беседах (это называется «личные контакты») возникает та никакими научными статьями и докладами не восполнимая общность, которая, как воздух, необходима в науке. Юнец контактирует с корифеем, биолог с математиком, иркутянин с тбилисцем. Человек с человеком. Вот когда — за чашкой чая или без оной — с успехом преодолевается разноязычие.

Процесс сближения далеко не всегда безболезнен.

Порой начинало казаться, что теплоход превратился в наполненный горючим танкер. Достаточно было соприкоснуться двум точкам зрения, как возникала угроза пожара. Место действия не имело значения. Огнеопасными становились каюты, коридоры, салоны, палубы. Время действия значило немногим более.

Как-то вечером собрались в музыкальном салоне — попеть, послушать пение. Белый рояль освободился от гнета эпидиаскопа и дневной своей роли кафедры и председательского стола по совместительству. Под аккомпанемент рояля выступали тенора и сопрано. Потом солистов сменил хор... Но в паузах между номерами импровизированного концерта где-то в углу возникало гудение, от раза до раза оно не теряло силы, и, когда любители музыки разошлись, оказалось, что в салоне догорает дискуссия по проблемам фотосинтеза. Последние ее вспышки были отмечены около двух часов ночи по местному времени...

* * *

Разного рода доклады случаются на научных совещаниях.

Скромные доклады-отчеты о честно поставленном опыте — они мирно принимаются к сведению и не претендуют на большее. Обзорные доклады — нечто вроде экскурсии по проблеме. Доклады с мыслями (имеются в виду оригинальные мысли) — с них-то обычно и разгорается сыр-бор. И наконец доклады-чудеса, непонятные, волнующие и сомнительные одновременно.

Запалом, от которого воспламенилась седьмая секция, послужило сообщение профессора — медика из Новосибирска.

Суть сводилась к следующему. Во время эксперимента на кварцевой пластинке с обеих ее сторон выращивались культуры клеток. Затем клетки с одной стороны пластинки были заражены вирусом. Вскоре и клетки с другой стороны приобрели вид пораженных, хотя вирусов в них не было!.. В чем причина инфекции? Не действует ли в данном случае некая световая сигнализация между клетками? Задавшись таким вопросом, экспериментаторы провели подобный же сеанс связи в системе «орган — орган». По соседству друг с другом подвесили два работающих сердца лягушек (разделив их предварительно кварцевой пластинкой). Произошло удивительное: при изменении ритма сокращений одного сердца ритм другого также изменялся!

Раздираемые противоречивыми чувствами любопытства и недоверия, биофизики затеяли спор. Рассуждая здраво, можно было смело утверждать, что опыт недостоверен. Кто-кто, а экспериментаторы знают: ничего нет проще, чем ошибиться. Но с другой стороны: если бы *такое* оказалось фактом! От одного предположения шла голова кругом. Световая сигнализация, оптическая система регуляции и управления в живом организме!

...Физик интересуется: что происходит, если изменять расстояние между подопытными сердцами? А если заменить кварцевую пластинку стеклянной? А непрозрачной?

Химик спрашивает: а не действие ли это каких-то летучих веществ? Быть может, сердца как бы нюхают друг друга?..

Заваривший кашу медик спорит, соглашается, отвечает. Он и сам в недоумении — в противном случае не о чем было бы говорить...

— Я был бы не прочь установить такой факт...— признается еще один физик.— Но, вы же понимаете, подозрения естественны...— И, помедлив, добавляет: — Наши оптимистические подозрения.

Мнения сводятся к одному: если это факт, то факт потрясающий. Но факт ли это? Чтобы получить надежный ответ, опыты следует повторить в другой лаборатории. Кто возьмется?

— Я.— Человек, сидящий в центре, поднял руку.— Я возьмусь, если нет возражений.

Это доктор наук, один из ведущих ученых-биофизиков. В глубине души он, подобно своим коллегам, вероятно, уверен, что опыт не чист. Но вдруг...

Настоящий ученый, будь он трижды скептик, тем не менее фантазер и в этом смысле до седых волос остается мальчишкой.

Тот, кто топчет идею в зародыше, a priori, кончается как ученый...

* * *

Когда подводят итоги научных конференций, говорят обычно, сколько прочитано докладов. Их число подсчитать нетрудно. Куда труднее — хотя, вероятно, важнее — определить, сколько стоящих мыслей, догадок, идей родилось в связи с ними.

А в нашем случае как оценить вклад палубных вахт в развитие биофизики?.. Роль енисейских просторов, и полярного незакатного солнца, и робких цветов тундры...

НА ГРЕБНЯХ ВОЛН

В. ВИКТОРОВ, Е. УМНОВ

Т. Пинегин и Ф. Шутков ведут гонку.

Среди всех бесчисленных подданных спорта яхтсмены самые обездоленные. Посудите сами: каково им наедине с волнами и ветром! Ведь всем известно, какое значение имеет для бегунов, футболистов, гребцов, хоккеистов, пловцов и прочих других дыхание стадиона, волнение зрителей, накал эмоций. А тут болтаются на нескольких катерах самые заядлые болельщики, да и то в таком отдалении, что, если нет у них под рукой десятикратных биноклей и мощных микрофонов, они ничего не увидят, а яхтсмены их не услышат.

И вот мы решили с помощью сильных телеобъективов приблизить насколько возможно арену борьбы «звездников», «драконов» и «пятерок» к любителям спорта, показать хоть мельком, что в море, вдали от берегов, от шумных стадионов, идет не менее яркое и напряженное соревнование, что парусные гонки по своему азарту ничем не уступают, например, гонкам мотоциклистов, велосипедистов или гребцов.

Итак, мы с вами совершили долгий переход по полноводной Даугаве и находимся в Рижском заливе на дистанции гонок килевых яхт. Сильнейшие экипажи оспаривают не только титулы чемпионов СССР. В течение недели в семи гонках решался еще один немаловажный вопрос: кто в будущем сезоне войдет в состав сборной команды страны, кто получит проходной балл на выступление в Мексиканском заливе на XIX Олимпийских играх?

Даже самым искусным с каждым годом все труднее получать путевки на крупнейшие международные соревнования: растут молодые капитаны! Так, например, чемпион Римской олимпиады, чемпион Европы 1964 года в звездном классе Т. Пинегин, проиграв отборочные гонки В. Скачкову, должен был уступить право на участие в первенстве Европы и Африки 1965 года, которое разыгрывалось на Атлантике, у берегов Марокко. И вот теперь все с нетерпением ждали новой встречи Пинегина и его неизменного соратника матроса Ф. Шуткова со Скачковым, и с азартным ленинградским гонщиком В. Васильевым, и с постоянным соперником Б. Мирохиным.

Острота этой борьбы определялась еще одним фактором: первенство страны решено было проводить на отечественных яхтах и парусах, и Пинегину предстояла временная разлука со своим замор-

Главный судья рижанин У. Виллерс наблюдает за ходом соревнований.

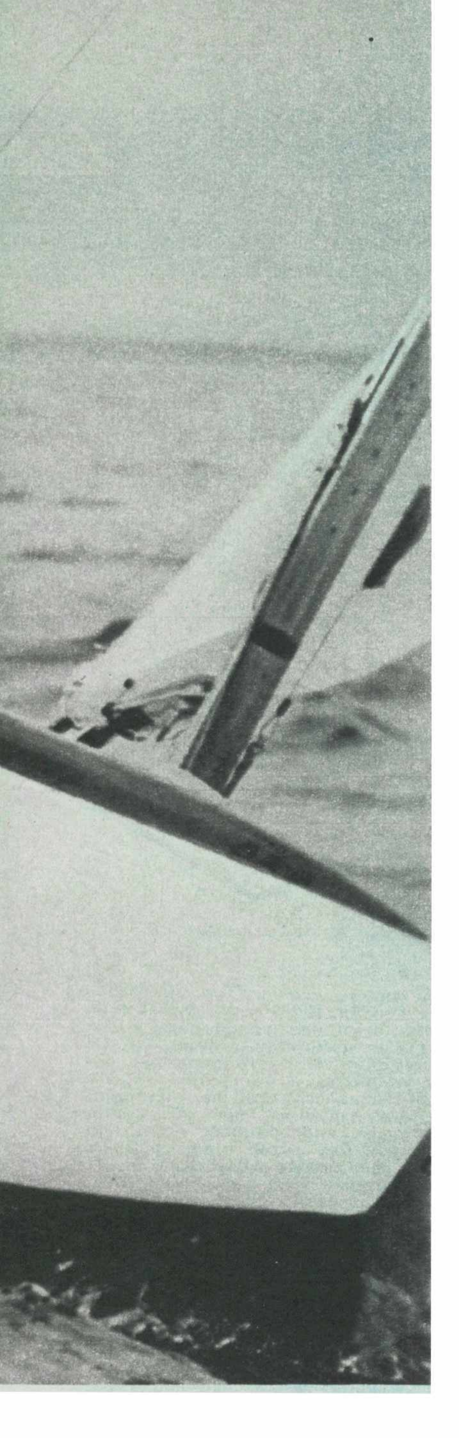

Заседает жюри. Гонщик В. Юрье (слева) обвиняет В. Скачкова в нарушении гоночных правил.

Резиновая прозодежда яхтсменов просыхает лишь к утру.

для Пинегина в острой борьбе с Б. Будниковым, самым молодым рулевым первенства. Будников был на финише вторым, опередив всех остальных фаворитов, а в дальнейших гонках доказал, что отныне наряду с Васильевым, Мирохиным, Зиле становится главным претендентом на победу.

Упорнейшая борьба продолжалась и в остальных гонках, но в конце концов мастерство Т. Пинегина и Ф. Шуткова вывело «Гелиос» вперед. Каких усилий стоила эта победа, можно увидеть, хотя бы посмотрев один кадр, который печатается на этом развороте. Стремительно неслись яхты под ударами пятибалльного ветра, и гонщикам то и дело приходилось повисать за бортом, откренивая свой корабль.

Нелегко приходилось спортсменам в сильные ветры: малейший просчет—и мачта полетит надломленная, как спичка (ведь поломка мачты на Токийской олимпиаде и лишила Пинегина и Шуткова призового места), но и в слабые ветры напряжение гонок не падало, но еще и нарастало. В этих условиях надо исключительно точно рассчитать каждый галс: порой от выигранного метра зависит победа. А продолжается гонка в слабый ветер часа четыре, ведь ее дистанция 10,8 морской мили. Чего только не случается на таком длинном и трудном пути! Когда же пройден финишный створ, предстоит долгий путь назад, просушка костюмов и парусов, обсуждение проведенной гонки, а то и заседание жюри, если на тебя подан протест или ты сам обвиняешь кого-нибудь в нарушении святая святых — гоночных правил. Потом отдых, и утром снова под парусами на старт...

Так проходила борьба не только «звездников», но и «пятерок» и «драконов». На яхтах этих классов экипажи состоят из трех человек, но и работы здесь больше: помимо стакселя и грота — оснащения «звездника», остальные килевые яхты имеют еще на вооружении и спинакеры — огромные разноцветные паруса, установка которых требует от матроса большой ловкости и сноровки. Да, борьба и в этих двух классах была не менее азартной и трудной. Тут тоже свои счеты, тоже извечный спор ветеранов и молодых.

Все труднее многократному чемпиону страны в классе 5,5 К. Александрову защищать свой титул, все более удивительными кажутся победы парусного патриарха Е. Канского, который в свои 58 лет завоевал первенство страны в прошлом году. Канский и теперь в родном для него Рижском заливе показывал чудеса мастерства и выносливости, но в конце концов должен был уступить первенство Ю. Шаврину. Рядом с мужскими экипажами вели спор и женщины. Они гонялись на «драконах», и здесь никто не мог оказать сопротивление великолепному эстонскому экипажу в составе У. Юрье, М. Тоомик, А. Орг. Не удалось и Александрову повторить свой прошлогодний успех: победу одержал ленинградец В. Горлов. На «Мечте» он осуществил свою мечту!

Экипаж «Тулилинда III» Э. Метсаар и Х. Лепик должен прекратить борьбу: порыв ветра сломал мачту.

ским «Тайфуном», родным братом знаменитого «Торнадо», на котором было достигнуто столько побед над лучшими гонщиками мира.

Да, на морских просторах идет борьба не только рулевых, но и яхтостроителей, проверяется достоинство новых конструктивных открытий, сокровенное искусство закройщиков парусов. И здесь-то соперники Пинегина имели одно, но огромное преимущество: и Мирохин и Васильев по специальности инженеры-кораблестроители. Они сами проектируют яхты, они их знают до мельчайших черточек, умеют до конца использовать все их достоинства. Васильевская «Арго» и мирохинская «Нева II» представляли большую угрозу для временного пинегинского «звездника» «Гелиоса». И действительно, первая же гонка закончилась победой Васильева, а вся вторая прошла

Победители в классе 5,5 — В. Горлов, Н. Громов и В. Кокорев.

«Драконы» подходят к поворотной вехе.

МЕЧТА — ПОЛУЛЮКС

Варвара КАРБОВСКАЯ

ФЕЛЬЕТОН

Вещи нужно называть своими именами. Говорят, назови хоть горшком, только в печь не суй. Нет уж, пожалуйста, не будем называть горшком то, что не горшок. В русском языке так много слов, что всегда можно выбрать настоящее и подходящее. Только для этого надо знать и любить язык и уметь выбирать. За малым дело.

А дело в общем-то не малое — давать названия чему бы и кому бы то ни было. Каждый писатель знает, как иногда бывает трудно окрестить рассказ, роман, пьесу. Об именах новорожденных и говорить нечего: происходят целые семейные трагедии, когда бабушка требует, чтобы внука назвали Иваном, а родители младенца фыркают и роются в Большой энциклопедии, пробуя на звук Гермеса, Рамзеса или Ги (увлекшись Мопассаном).

Не знаю, роются ли в энциклопедии крестные отцы таких заведений, как парикмахерские и кафе, таких вещей, как парфюмерные изделия, или таких произведений, как бальные танцы. Не знаю и не буду спрашивать, потому что тут важен не самый процесс выдумывания названий, а результат.

В прелестном Комарове, под Ленинградом, где залив, сосны и сказочные озера, есть перекресток дорог: к рынку, к почте, к магазинам. На этом перекрестке стоит очень хорошее кафе. Побольше бы таких... По пути на знаменитое Щучье озеро мы десять раз проходили мимо и не замечали названия этого кафе, оно как-то не бросается в глаза. Но однажды обратили внимание на объявление, приколотое кнопками к сосне рядом с кафе. Подошли и прочитали:

«Утерянный зубной протез находится в кафе «Мечта».

Много дней комаровцы потешались над этим объявлением.

А мы таким образом узнали, как называется кафе. Такую же точно «Мечту» мы видели в Зеленогорске и еще кое-где. Очевидно, эти «Мечты» изготовлены по стандарту. Сами по себе эти кафе хороши и удобны, но зачем такое название? Мне оно кажется неподходящим не потому, что связывается с этим трагикомическим объявлением. Оно представляется мне пафосно-слащавым.

— Пойдем посидим в «Мечте».

— Я подожду тебя у «Мечты».

Крестные отцы кафе, может быть, спросят: «А что, лучше если какая-нибудь «Белая лошадь»?»

Мечта сама по себе по смыслу выше лошади, даже самой крупной. Но «Белая лошадь», или «Под соснами», или еще как-нибудь — не сюсюкает, а у «Мечты» огорчительно-слащавый привкус. И зачем так принижать слово? Каждый, кто пьет не слишком-то душистый кофе, тут же говорит: «Нет, это далеко не мечта...»

Есть кафе «Снежинка», «Звездочка», как будто вы попали в детский сад и вам сейчас предложат манную кашку, молочко и «какаочко» (из лексикона одной влюбленной бабушки).

Множество кафе носят название «Молодежное». Это выглядит как шлагбаум для людей уже не совсем юных, не говоря уже о пожилых. Седой человек увидел через окно, что в кафе есть свободные столики, и хотел зайти.

— Вы куда, папаша? Написано же — «Молодежное»!

Эти «Молодежные» кафе некоторым немолодым представляются нахальными заведениями, где можно безопасно сказать пожилому человеку: «Куды прешь?» Нет, право же, не надо таких разделительных названий, за исключением, может быть, гостиницы «Юность». Делают возрастные строго административные разделения, а потом наивно удивляются: ах, молодые смотрят на старших, как на прошлогодний снег... Тогда уж, может быть, в тон «Молодежным» нужно открыть и «Пенсионерские» с дюжим седым бородачом у входа? Будет достигнуто полное взаимонепонимание, стенка на стенку! Пишу это и думаю о молодых. На энном километре пути, совсем недалеко, за углом, их тоже ждет преклонный возраст, который при желании можно сделать приятным и себе и другим, если не подчеркивать разницы непрерывно и всюду.

Итак, предположим, установлено: сюсюкать не нужно, не надо умиляться ни молодыми, ни самим молодым. Но сюсюканье приходит из детства, если все домашние, взрослые, прыгают перед младенцем и щебечут ненормальными голосами. Впрочем, прыгают не одни домашние. «Челочка» — так называется детская парикмахерская. Почему бы детскую поликлинику не назвать «Свиночка» или «Поносик»? Слышу обиженный голос: «Уже и «Челочка» плохо?» Не плохо, но и не находка. Я не хотела придумывать названий, но тут название подвернулось само собой — «Ежик». Это уменьшительное не сусальное, и можно бы нарисовать такого славного ежа!

А вот название детского магазина «Машенька» не сюсюкает. Только следует говорить: «Пойдем к «Машеньке». Так же как к «Руслану», к «Светлане», и чтоб в этих магазинах или кафе были изображены сами «хозяева» — Машенька, Руслан, Тимур, нарисованные или деревянные,— эмблема, марка, герб, как угодно.

Рисунок В. Черникова

А теперь немного об иностранных словах. Я вовсе не призываю, чтобы стул назывался седалищем или еще как-нибудь, лишь бы не по-немецки. И пусть редактор будет редактор, а не «руководитель периодического или не периодического издания», как объяснено в словаре иностранных слов. Но хотелось бы, чтоб иностранные слова, вошедшие в русский язык, употреблялись со смыслом.

Всем известно слово английского происхождения «финиш» — окончание, конец, заключительная часть спортивного состязания. Все давно привыкли говорить: идет к финишу, а не к концу. И очень хорошо, спорт — дело международное. Но вот как-то, будучи в Лужниках, я увидела стрелку, показывающую направление: «К кафе «Финиш»... Если по-русски, то кафе «Конец»? Какое печальное на-

МЕЛОЧИ ЗАБАВНЫЕ

УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА

В витрине одной аптеки Буэнос-Айреса появилось такое объявление:

«Уважаемые грабители, моя аптека уже была обворована семь раз. Убедительно прошу — дайте передохнуть!»

ЧАСЫ ИЗ ТЕМЗЫ

Во время землеройных работ на Темзе в районе Лондона рабочий Джеф Талон нашел в тине старинные золотые часы. Под их крышкой оказался план какого-то дома с загадочными отметками. После долгих поисков Джеф установил, что этот дом находится в предместье Лондона и его собственником является часовщик Вайт. С разрешения хозяина Джеф, сообразуясь с картой, начал вести во дворе дома раскопки, и вскоре возле колодца откопал шкатулку с драгоценностями на сумму двенадцать тысяч фунтов стерлингов. Оказалось, что ее закопал когда-то предок Вайта. Хозяин участка и Джеф разделили находку пополам.

ОСВОБОДИТЕ ОТ ПЬЯНОГО НАХАЛА

Одна молодая женщина вдруг резко затормозила перед полицейским участком в штате Арканзас (США) и заплетающимся языком попросила полицейского освободить ее от назойливого пьяного нахала, который всю дорогу неотступно следует за ней по пятам, не отставая от ее машины ни на шаг. Выяснилось, что за ней следует легкий грузовичок без водителя, который эта женщина по дороге зацепила задним буфером своей машины и все время волочила за собой. Сама же она была мертвецки пьяна.

ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН

Целые тома можно написать о странностях законов разных штатов США, действующих по сие время. Вот несколько примеров такого законодательства.

В Филадельфии, штат Пенсильвания, запрещено появляться на улицах в повозках, запряженных свиньями.

В Балтиморе, штат Мэриленд, не разрешается появляться в кинотеатрах, мюзик-холлах и театрах в сопровождении льва.

В Колумбусе, штат Огайо, кошки не должны мяукать после полуночи.

В Нью-Джерси запрещено выводить цыплят в бутылках.

В штате Мичиган собаке разрешается укусить почтальона только один раз. При повторном укусе хозяин собаки платит большой штраф.

ЗАВТРАК НА ГОЛОВЕ

Чудачества модниц не имеют границ. Одна из «жемчужин» парижской моды — шляпа в форме трех поставленных одно над другим блюд. На них можно уложить по желанию фрукты, пирожные, конфеты и прочие съедобные вещи.

звание для приятного места! Впрочем, мне объяснили, что неподалеку в этом же превосходном спортивном городке-парке есть другое кафе, под названием «Старт». Может быть, тогда все это и последовательно. И даже скромно в смысле фантазии. Ведь могла бы еще появиться и закусочная под названием «Штрафная площадка»... Только не нужно, чтобы такие «Финиши» появлялись сами по себе вне спортивных городков. Как было, например, в парфюмерном магазине, где я прочитала на пузырьке это самое слово «Финиш». Я подумала: неужто стали продавать яд для широкого потребления? Нет, оказалось, что это средство от потливости. Значит, «конец поту», наверное, так нужно было понимать.

Чуть не забыла еще одно иностранное слово, давным-давно вошедшее в обиход,—«люкс». Всем известно, что это означает свет, а в переносном смысле роскошь. Особенно это слово прижилось в гостиницах. Но вот недавно я прочитала в одной газетной статье: «Предусматривается строительство номеров «люкс» и «полулюкс». У Пушкина есть полуподлец и полуневежда. «Полулюкса» пока еще не было ни у кого. А что если не останавливаться на достигнутом, взять да и спроектировать номера еще и «четвертьлюкс»? Во имя заботы о постояльцах, чтобы их не било по карману. А там можно додуматься и до роскошной восьмушки — койка в общежитии с умывальником в коридоре.

Нет, не нужно восьмушки, так же как не надо бы и «полулюксов», чтобы не было смешно и немного печально от знакомства с полуневеждами.

А названия танцев? Их создатели дипломатично избежали иностранных слов и напридумывали «Елочку», «Каблучки», «Стукалочку». Почему бы тогда не «Вертелочку», «Дрожалочку», «Ходилочку» — все в том же духе трех притопов? Очень справедливо, по-моему, сказала одна юная балерина: «Из-за одних этих бездарных названий танцевать не стану».

По всей вероятности, есть еще немало всяких странных, неудачных, даже нелепых названий, над которыми их крестные ломали голову, вместо того чтобы пользоваться ею по назначению. Очень хотелось бы, чтоб среди авторитетных лиц, дающих названия всяким заведениям, вещам, танцам, были и такие люди, которые знакомы с иностранными языками и особенно с родным, русским. Одним шапочным знакомством тут ограничиваться не следует. Родной язык надо знать и любить.

Сатирические стихи

Зиновий ВАЛЬШОНОК

Круглый человек

Близко ли, далеко ли,
в наш угластый век
жил вокруг да около
круглый человек.

Без хвальбы, без ругани,
ни против, ни за.
Две печати круглые —
круглые глаза.

Недурной наружности,
не труслив, не смел.
Совесть по окружности
обходить умел.

Он зарплатой кругленькой
очень дорожил.
В рублике, как в рубрике,
безмятежно жил.

Ел баранки белые,
забивал «козла»,
доброго не делая,
не свершая зла.

Как философ истовый,
глобус брал за ось,
у него заимствуя
обтекаемость.

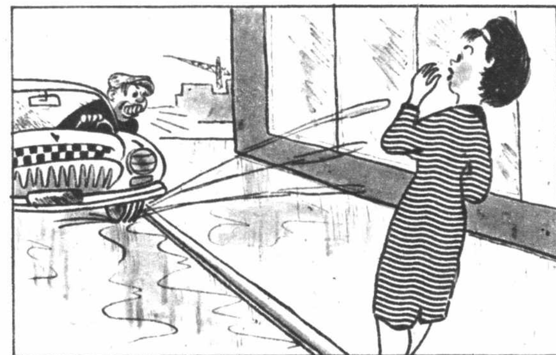
Даже в ночь умильную —
с милой до зари —
все пускал ей мыльные
вздохи-пузыри.

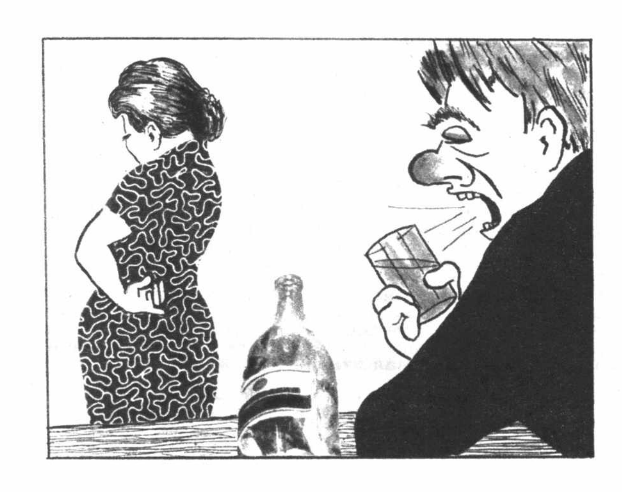

Объезжая осторонь
ребра и углы,
за презренье к острому
колобком прослыл.

Но, об угол зрения
напоровши бок,
лопнул от презрения
чудо-колобок...

БЕЗ СЛОВ, так как слова, произносимые некоторыми гражданами, совершенно не для печати. Рисунок Н. Елинсона.

забавные мелочи

СПАСИТЕЛЬНАЯ ФАМИЛИЯ

Судья Бути из Кливленда (США) привлек к судебной ответственности за бродяжничество некоего Марлона Спити. На суде выяснилось, что бродяга был уже двадцать семь раз задержан полицией, но каждый раз его отпускали. На вопрос судьи о причинах такого гуманного к нему отношения Марлон ответил: «Из-за моей фамилии. Знаете, полисменам было легче меня отпустить, чем записывать мою подлинную фамилию: Woopechharsonnkeller».

МЕСТЬ ЭКС-МЭРА

Председатель общины австрийского села Гайсхорн целых двенадцать лет управлял своими согражданами. И когда они в конце концов забаллотировали его на последних выборах, экс-мэр решил отомстить селу. В первую же ночь после выборов он вышел со своим сыном на футбольное поле, перепахал его и засеял. Протесты жителей села не имели успеха: оказалось, что это поле — собственность бывшего председателя.

МОЛЧАЛИВЫЕ И ГОВОРЛИВЫЕ

Шведский этнограф доктор Страндберг недавно опубликовал результаты своих исследований, проведенных на пяти континентах. Он находит, что самая молчаливая нация — финны, а самые говорливые и громогласные — итальянцы, бразильцы и мексиканцы.

КЕМАРИ

Так называется игра, существующая в Японии с шестого века. Ее можно считать предтечей современного футбола, хотя она и служит своеобразным религиозным обрядом. Участники в этой игре-обряде носят древние традиционные костюмы.

БОРЬБА НА РАВНЫХ

Торговец Арчибальд Медис, из Виннипега (Канада), не растерялся, застав в своем магазине грабителя. Он схватил игрушечный пистолет сына, и... вор поднял руки. Когда полиция обыскала бандита, оказалось, что и он был вооружен игрушечным пистолетом.

ТОЖЕ ВОЕННООБЯЗАННЫЙ

«Конечно! В любое время!» — ответил переселенец из Англии Николас Летаймер на обычный при приеме в американское подданство вопрос судьи из города Коломбоса, готов ли он нести военную службу. Вся беда только в том, что новому гражданину США ровно сто лет.

ТАК-ТО ЛУЧШЕ!

Выставку двух художников и одного скульптора — модернистов в Мадриде посетило всего лишь двадцать человек. Обиженные устроители в знак протеста вынесли на улицу все свои произведения и уничтожили их. Такое интересное зрелище привлекло гораздо больше зрителей, нежели сама выставка.

УЧЕНЫЕ НЕ ТОРОПЯТСЯ

Судя по всему, на Французскую Академию наук никак не действуют спешка и нервозность, присущие нашей эпохе. Сорок бессмертных, которые с 1935 года работают над составлением французской энциклопедии, дошли до третьей буквы алфавита — «С». Специалисты высчитали, что, если составление словаря продолжится такими же темпами, до буквы «Зет» академики доберутся к 2125 году.

Еще нетороплививее трудятся историки, работающие над законами, изданными французскими королями. Свою работу историки начали во времена правления Людовика XIV. Французская революция прервала ее. В XIX веке она возобновилась и продолжается до настоящего времени. Профессор Виктор Таби недавно в одном сообщении для печати заявил, что историки дошли уже до 1537 года и есть надежда закончить весь труд к 2159 году.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Русская плясовая песня. 7. Разменная монета ряда стран. 8. Овощ. 11. Площадка для цирковых представлений. 14. Картина П. А. Федотова. 15. Материал для покрытия полов. 18. Приток Северского Донца. 20. Ветка для прививки или посадки. 21. Стадо овец. 22. Советский авиаконструктор. 23. Курорт на Кавказе. 25. Один из Ионических островов. 27. Аппарат для размножения рукописей, чертежей. 28. Индийский писатель. 32. Клапан в подводной части судна. 33. Единица измерений высокочастотных колебаний. 34. Торговая палатка. 36. Оценка. 37. Сольное вокальное произведение. 38. Прямая линия, делящая угол пополам.

По вертикали:

1. Столярный инструмент. 2. Архипелаг в Северном Ледовитом океане. 3. Приспособление для прыжков. 4. Река в Красноярском крае. 5. Русский сатирический журнал XIX века. 9. Специалист, дающий советы. 10. Французский композитор. 12. Стенка кузова грузового автомобиля. 13. Город в Ленинградской области. 16. Древнегреческий историк. 17. Актер, играющий в кинокомедии «Верные друзья». 19. Вьющееся растение. 21. Вид гравюры. 24. Советский поэт. 26. Прибрежная отмель. 29. Скотовод в Монголии. 30. Небольшое музыкальное произведение. 31. Персонаж романа А. А. Фадеева «Разгром». 34. Комната в школе. 35. Морская полярная птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали:

3. Лорен. 8. Закариадзе. 9. Декламация. 10. Венгрия. 11. Страз. 13. Болонка. 16. Архипелаг. 18. Вальдшнеп. 20. Аттерберг. 23. Каравелла. 25. Аккордеон. 27. Симонов. 28. Ширма. 31. Водород. 32. Добролюбов. 33. Иеллоустон. 34. Мопед.

По вертикали:

1. Концерт. 2. Беседка. 4. Училище. 5. Алаколь. 6. Кафедра. 7. Винклер. 12. Репертуар. 14. Гантель. 15. Фабрика. 17. Попов. 19. Динар. 21. «Далибор». 22. Шолохов. 24. Егорлык. 26. Осокорь. 29. Извеков. 30. Майонез.

На первой странице обложки: Финиш скачки.
Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Остров Виктория.
Фото В. Орлова.

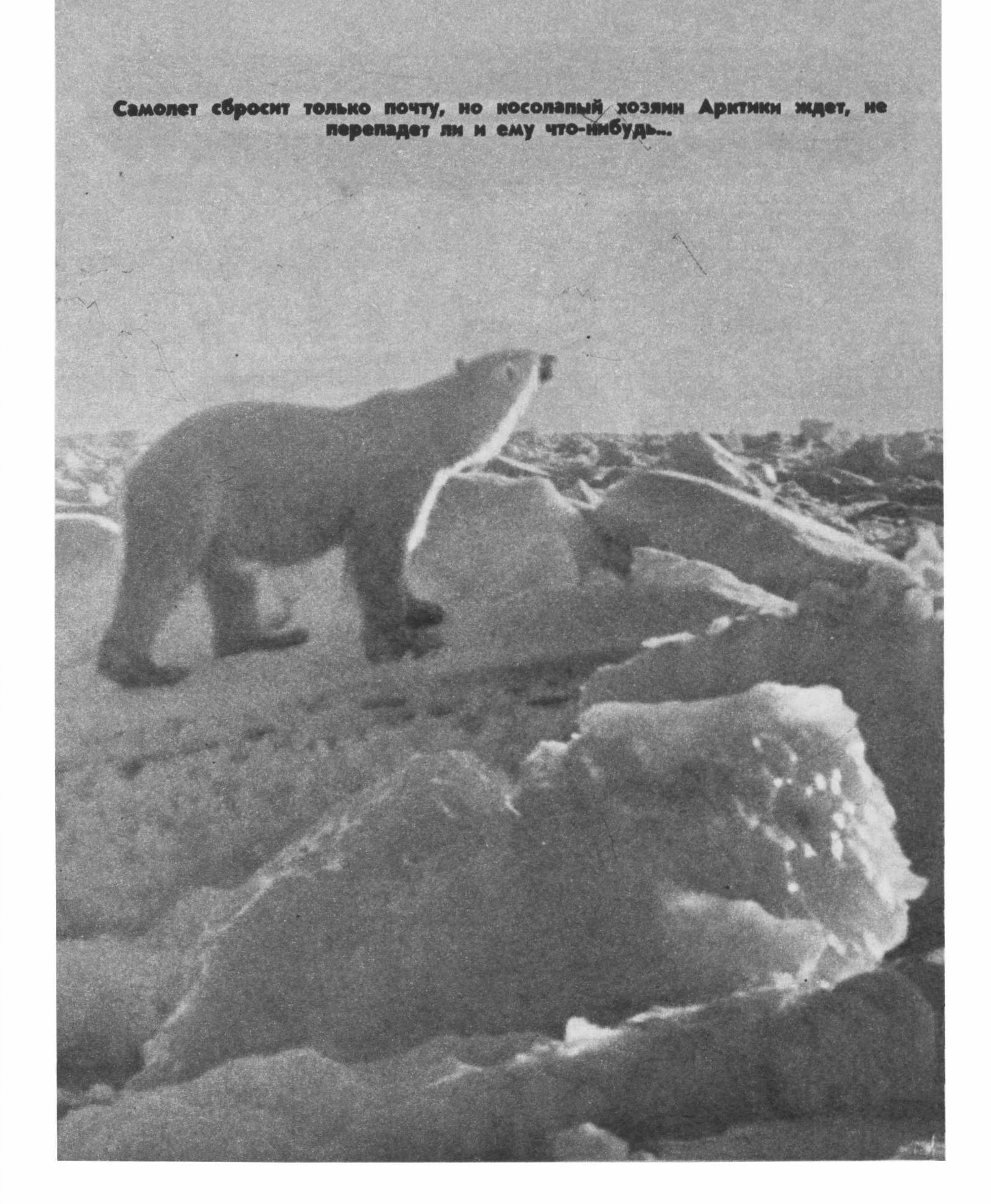
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02058. Подписано к печати 15/IX 1965 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 2362. Тираж 1 850 000. Изд. № 1584.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Самолет сбросит только почту, но косолапый хозяин Арктики ждет, не перепадет ли и ему что-нибудь...

Фото автора.

ВИКТОРИ

В. ОРЛОВ

Виктория — крохотный островок в северо-западной части нашей Арктики. Долго он оставался таким же пустынным, каким его застали первооткрыватели более полувека назад. Но с 1959 года Виктория — это уже форпост в оперативной синоптической сети гидрометеослужбы в Арктике. Позывные полярной станции, открытой здесь, восемь раз в сутки будоражат эфир, с ожившего острова несутся метеосводки и тексты обычных поцелуйных радиограмм.

Мне довелось попасть в состав всего лишь третьего по счету коллектива, продолжившего работу на острове, и прожить в этом удивительном месте, еще сохранившем черты нетронутого прошлого, целый год.

На взгляд полярников, это не особенно много: один полярный день и одна ночь. От самолета до самолета. Поэтому многие предпочитают оставаться в этих местах на второй, а наш механик продолжает жить на острове третий год и не устает повторять, что лучшего места еще не встречал. И хотя на других островах он не бывал, с ним нельзя не согласиться: остров и вправду хорош!

Восемь квадратных километров его территории покрыты стометровым ледником, остальные три гектара — земля, на которой не растут летом ни крохотные полярные цветочки, ни мхи. Чудом выбравшаяся из-под многовековой тяжести ледника прибрежная галечниковая коса вряд ли сможет когда-нибудь родить, но зато она оказалась очень подходящим местом для жилья: дома поставили на твердый грунт, рядом с гомонливым птичьим базаром, обосновавшимся здесь с давних пор.

Хозяева базара — птицы неприхотливые. Полярные чайки и крачки, небольшие птички, улетающие на зиму к Южному полюсу, яйца кладут прямо на песок или в мусор, который собирают у домов. Все другие птицы предпочитают остров не посещать. На что уж пуночки, по всей Арктике живут, а сюда залетают только переждать непогоду.

Позже, всякий раз как я пытался вспомнить промелькнувшее лето, перед глазами всегда возникали яркие, солнечные картины: сверкающие айсберги высотой с многоэтажный дом, синее небо и прозрачная вода. Одним словом, копия картин Рокуэлла Кента. Метеорологи же, обычно запрокидывающие голову к небу в основном для того, чтобы определить количество и формы проплывающих облаков, и вообще люди очень пунктуальные, с бухгалтерской щепетильностью зарисовали в своих таблицах здешнее лето так.

За июнь, июль, август (в мае у нас были морозы до двадцати, поэтому его за лето не считаем) дней, когда 24 часа в сутки стоял туман, было семьдесят пять. Дней полностью ясных — всего два! В это мгновение температура подскочила до годового максимума — плюс пять. Прошлогодний снег так и не растаял, а по влажности воздуха что тропики, что мы: в июле относительная влажность достигла 97 процентов. Вот уж поистине можно из воздуха пить.

По специальному журналу, где отмечаются визиты гостей, установлено, что медведи наносят их чаще всего осенью и весной. В июле они не появляются вовсе, иначе птичьего базара давно бы не существовало: птицы в это время сидят на яйцах. А пуховых птенцов медведи уже не особенно жалуют. Придавит от скуки одного-двух — и прямым ходом к домам, где собаки только его и ждут.

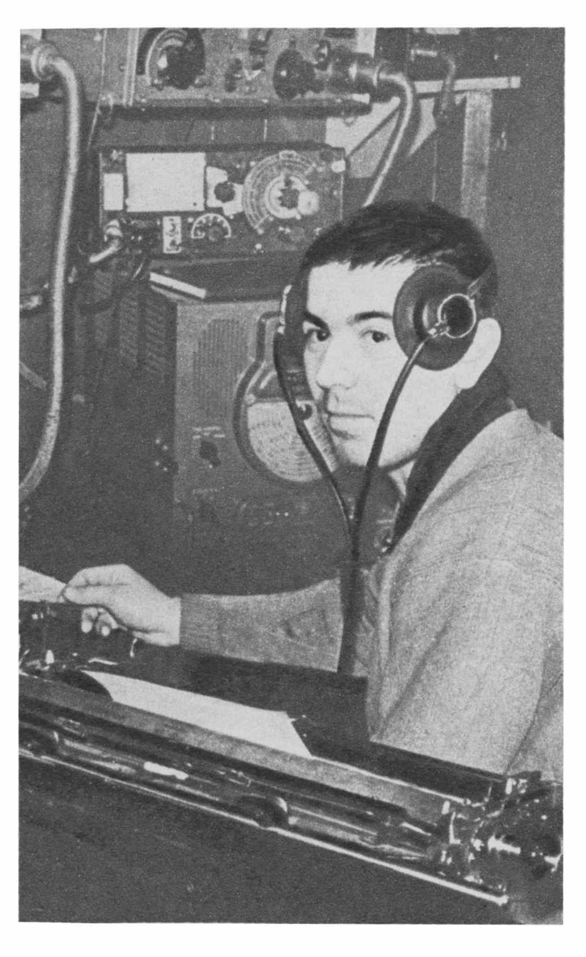
Отловленных медвежат ради их же собственного блага и в интересах зоопарков до прибытия самолета держат на чердаке: взрослые матерые самцы, заглядывающие на станцию, не признают их за родственников.

Я—МЕДВЕЖИЙ УГОЛ

В полярную ночь собака — лучший помощник вахтенных метеорологов. С нею не страшно: медведь незамеченным не подойдет.

Остров Виктория — первая полярная станция метеоролога и радиста Валерия Мокроусова. Викторией назвал он свою дочку.

Белые медведи — одна из главных достопримечательностей станции. За год на Виктории было зарегистрировано пять десятков медведей; количество посещений тут не в счет: были медведи, жившие на станции по нескольку недель.

Звери эти, как и люди, бывают с характером. Независимо от размеров и возраста есть такие, которые при одном виде человека удирают во всю прыть. Другие же не обращают внимания ни на что, лишь бы их не трогали, не мешали им жить. Но встречаются и третьи, от которых людям приходится уносить ноги. А ввиду того, что поведение первых и вторых по отношению к людям может вдруг измениться от чрезмерного голодания и что по виду никогда не определишь, кто из них порядочный, кто себе на уме, а кто просто людоед,— закон у нас был такой: без оружия не выходить!

Было время, когда я по примеру некоторых редакторов охотничьих журналов свято верил, что белый медведь первым никогда не нападет. После того, как моя телогрейка побывала в медвежьих лапах, как сам я дважды спасся лишь чудом, а однажды стал свидетелем, как мой товарищ едва не попал в лапы распустившему слюни до земли гостю, я верю только в то, что белый медведь — это белый медведь. Большой, сильный и страшный зверь, которого к тому же охраняет закон. И потому, когда после непрерывного двухмесячного шествия медведей через наш остров на станции стало непривычно тихо и мы догадались, что визиты кончились, все с облегчением вздохнули.

На пороге уже стояла длинннющая полярная ночь, а в темноте, признаться по правде, лучше жить без медведей.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663